

The background of the book cover is a detailed illustration of a futuristic space battle. In the foreground, a man in a military uniform is seen from behind, sitting at a control console and interacting with a large, glowing blue holographic display. The display shows various tactical data, including a map of a planet with red and blue markers, and a 3D view of a space station or large ship. In the background, a large-scale battle is taking place in space, with several ships engaged in combat, resulting in bright orange and yellow explosions. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the bright oranges of the explosions.

МАКС ГЛЕБОВ

БРИГАДНЫЙ ГЕНЕРАЛ

ПЛОТНОСТЬ ОГНЯ

16+

Annotation

Новая жизнь бригадного генерала Дина продолжается. Теперь он курсант Игорь Лавров, сумевший победить смертельную болезнь, поступить в военное училище планетарного десанта и выжить в бою на оккупированной врагом планете. Пока он все так же далек от выполнения задачи, поставленной ему командованием еще в прошлой жизни, но последовательно движется к цели, несмотря на встающие на его пути интриги, подковерные игры и масштабное наступление чужих, грозящее уничтожить Земную Федерацию гораздо раньше, чем Дин сможет выполнить задачу.

•

– Кей, что с сигналом? – озвучил лейтенант интересовавший всех вопрос.

Шефферсон уже пару минут молча возился с вынутым из рюкзака пеленгатором, но, судя по всему, пока результатов, достойных доклада командиру, не добился.

– Глухо, командир. Кварги помехи ставят, и генератор у них где-то не очень далеко. Забивают все напрочь. При такой интенсивности противодействия мы услышим маяк метров за пятьсот в лучшем случае.

Десантный бот взвыл турбинами и, медленно оторвавшись от земли, потянул над самыми холмами на восток, в сторону территории, подконтрольной нашим войскам. По плану ему следовало найти там безопасное место и ждать от нас сигнала, а если в течение шести часов его не будет, то прибыть в заранее оговоренную точку встречи.

Однако не сложилось. Яркая вспышка и накативший грохот взрыва недалеко за холмами, всего метрах в трехстах от нас, недвусмысленно сообщили нам, что транспорта для возвращения на базу у нас больше нет.

– Уходим! Быстро! – лейтенант вскочил и, подавая нам пример, побежал к ближайшему ущелью между песчаными холмами, поросшими выгоревшей травой. Местами холмы сменялись барханами, совсем рядом лежала пустыня.

Сержант Иван Кельт, заместитель командира и наш следопыт, ушел вперед в головной дозор. Мы со вторым универсалом, рядовым Гнездовым, разошлись вправо и влево в боковое охранение и теперь пробирались почти по вершинам холмов, стараясь не высовываться за гребень, а лишь аккуратно поднимать над ним эффекторы сканеров. Пока нас никто не тревожил, но напряжение буквально висело в воздухе. Присутствие противника где-то рядом ощущалось почти физически.

С полчаса мы двигались таким порядком, стараясь уйти подальше от места падения бота, и одновременно пересекая зону поиска почти посередине. Чувство близкой опасности чуть ослабло, и лейтенант дал отряду сигнал остановиться.

– Кей, выпускай стрекоз, а то идем, как слепые. Так и на кваргов нарваться недолго.

Шефферсон достал из рюкзака три небольших цилиндрических контейнера, и, слегка нажав на торцы в определенных местах, последовательно подбросил их в воздух. Контейнеры оказались плотно и максимально компактно сложенными небольшими беспилотными летательными аппаратами, которые развернулись, как детские игрушки-трансформеры, легко расправили тонкие крылья и, издавая тихое жужжание, зависли над отрядом. Управлял ими Шефферсон с помощью своего шлема, по крайней мере, никакого специального устройства я у него в руках не увидел.

Стрекозы разлетелись в трех направлениях: прямо по курсу и вправо-влево под сорок пять градусов. Мы продолжили движение, но почти сразу Кей нас остановил. Одна из стрекоз наткнулась на останки сбитого кваргами флайкара разведчиков.

Выдвигаться к месту падения флайкара мы не стали. С высокой вероятностью там нас ждала засада. Лейтенант с Шефферсоном внимательно просмотрели запись с камеры стрекозы. Информация оказалась неутешительной. Тела четырех разведчиков изломанными куклами лежали недалеко от обломков дымящейся машины. На задание парни уходили ввосьмером, значит, выжили в лучшем случае четверо. Это если никто не остался внутри искореженного флайкара или не погиб раньше. Но маяк работал не отсюда, иначе стрекоза засекала бы его сигнал. Следовательно, кто-то смог уйти с места падения машины. Знать бы еще, в каком направлении.

Встроенный в мою экипировку сканер завизжал сигналом тревоги. На каждый тип потенциальной опасности я настроил свой тон оповещения, и сейчас, даже не глядя на появляющуюся перед глазами информацию, я уже знал, что на нас вышел малый беспилотный разведчик кваргов. Одиночный выстрел автоматической пушки разнесся по ущелью гулким эхом, и обломки небольшого летательного аппарата усеяли склоны холмов. Но нас, несомненно, обнаружили, и теперь за группой начнется настоящая охота, а мы ведь еще даже не нашли выживших разведчиков.

– Антон, отходишь на сотню метров вниз по ущелью и остаешься здесь. Уведешь противника за собой на северо-восток. На точку встречи выходишь самостоятельно, – поставил лейтенант задачу универсалу Гнездову, – Остальные за мной.

– Стрекоза, вышедшая на место падения флайкара, потеряна, – доложил Шефферсон. Куда перенацелить остальных, командир?

– Пусть просматривают западное направление. Отходить будем туда.

– Понял. Выполняю.

Все-таки не зря я пару дней ковырялся со сканерами и станциями РЭБ в училищной техзоне. Да и наш техник Джефф неплохо мне помог. Результат не заставил себя ждать.

– Господин лейтенант, фиксирую сигнал маяка. Передаю пеленг.

– Кей, подтверждаешь информацию курсанта? – повернулся лейтенант к штатному специалисту по связи.

– Пока нет, командир. Мой пеленгатор молчит.

– Меняем направление. Иван, прими вправо пятнадцать.

– Есть.

Мы поднялись чуть выше и продвинулись вперед метров на сорок.

– Есть сигнал, – с недоверчивым удивлением доложил Шефферсон, – курсант, что за сканер у тебя в экипировке?

– Стандартный пехотный. Но я его подкрутил немного, и техник у меня хороший есть, помог.

– У тебя? А в каком он звании?

– Прапорщик. Неделю назад был. Теперь вот лейтенант.

– Прапорщику дали лейтенантское звание? Без училища?

– Отставить посторонний треп, – прикрикнул на нас лейтенант.

– Есть! – хором ответили мы с Кеєм.

К маяку мы вышли минут через двадцать. Нашли не сразу. Работал он в режиме коротких импульсов на

плавающей частоте. Чтобы его услышать и запеленговать требовалось точно знать, что ищешь. Но и в этом случае отсутствие постоянного сигнала затрудняло поиск.

Разведчиков оказалось двое: сержант и ефрейтор, причем последний при падении флайкара получил довольно серьезное ранение. Идти, правда, мог. Экзоскелет в этом хорошо помогает.

– В общем, так, бойцы, – обратился лейтенант к разведчикам, – найти мы вас нашли, но что дальше, пока не ясно. Транспорта у нас нет, кварги наш бот сбили. До мест, откуда мы сможем подать сигнал нашим, и, главное, откуда они нас смогут безопасно забрать, почти четыреста километров по ничейной зоне. Кваргов здесь что-то последнее время бегают уж очень много. Это вы их так возбудили?

– Так точно, господин лейтенант, – ответил сержант, представившийся Кими Ньюканеном, – мы ходили в их зону контроля и обнаружили там место дислокации тяжелых роботов. Мамонты последней модели. Не меньше двух дивизионов. Это в нашей-то глуши. Можете представить, как обрадуется этой новости командование наших сил на Каптэйне? Это ж почти наверняка означает подготовку к наземному наступлению. А мы-то, наивные, ждали удара из космоса. Так вот, на отходе нас засекли. Дать утечь такой информации кварги, естественно не желали. Сначала нам удалось оторваться, но двоих наших мы на этом потеряли. Вышли в точку встречи с флайкаром. Ну а дальше вы, наверное, знаете.

– Знаем, – лейтенант согласно кивнул и задумался. Подчиненные молча ждали решения командира.

– Идем к точке встречи. Там нас должен ждать Антон. Бот, конечно, уже не прилетит, но когда мы вовремя не вернемся, сюда пошлют беспилотник. Если нам повезет, он примет и запишет наш сигнал. Если

после этого он сумеет вернуться на базу, за нами вышлют бот. Вопросы?

Вопросов не последовало.

– Тогда раненого в центр колонны. Иван – в головной дозор, Лавров и Нюканен – в боковые. Джон, присматривай за тылом. Кей, отзови одну стрекозу, энергию надо экономить. Сколько мы тут проторчим, никому не известно. Двинули.

Рядовой Антон Гнездов к точке встречи так и не вышел. Ни в первый день, ни во второй. Беспилотник действительно прилетел, сделал круг над точкой, автоматически ответил, что сигнал принял, и превратился во вспышку яркого пламени от попадания вражеской ракеты. А через пять минут нас крепко прижали. Отделение тяжелой пехоты и Малый Дракон. Ну что ж, похоже, настал мой выход.

Под визг осколков и грохот автоматической пушки Дракона мы медленно отходили, постоянно огрызаясь огнем из-за каждого удобного укрытия.

– Курсант, ты готов? – судя по голосу, лейтенанта терзали сомнения. Одного универсала он уже потерял, но в Гнездове Алексей был уверен, и тот свою задачу выполнил, хоть, видимо, и ценой своей жизни. Обо мне же лейтенант почти ничего не знал, но других вариантов у него все равно не имелось.

– Так точно, господин лейтенант. В какую сторону уводить противника?

– Сначала придержи их здесь. Потом води вокруг точки встречи. Дай нам час форы и уходи сам. Мы отойдем в восточном направлении. Попытаемся выйти к своим пешим порядком. Для тебя будем каждые четыре часа на десять минут включать маяк.

– Все понял. Я готов.

– Удачи, курсант. И спасибо за сбитую ракету. Отлично сработал.

– Служу...

- Отставить, Лавров. Отряд! За мной обычным порядком. Двинули!

И я остался один.

Кварги сильно вперед не лезли. То ли ждали подкрепления, то ли просто чувствовали себя не очень уверенно, хотя перевес по огневой мощи имели заметный, даже когда наш отряд еще не разделился. Теперь же мне требовалось одному изображать из себя всю группу.

В принципе, с моим снаряжением ничего невозможного в этом я не видел. Наличие у меня трех видов оружия позволяло имитировать разную активность. Чем я и занялся, предварительно активировав вторую станцию РЭБ в своем скафандре. Энергии такой режим кушал немало, но и обнаружить меня стандартными сканерами теперь стало заметно сложнее. Опыт Лейтена-5 очень пригодился.

Я выпустил три снаряда из автоматической пушки по высунувшемуся на открытое место роботу. Пробить не пробил, но настроение испортил и заставил спрятаться за массивным камнем. Теперь настала пора сменить позицию и немного подождать, не высовываясь. Сканер засек какую-то сомнительную активность на вершине холма, и я дал очередь из роторного пулемета по его гребню, не стремясь в кого-то попасть, а просто демонстрируя врагу присутствие стрелка с другим видом вооружения. Сразу после этого я отошел назад и начал выбор позиции для работы из снайперской винтовки. Калибр у нее, между прочим, восемнадцать миллиметров, так что в относительной безопасности себя чувствовать мог только пилот Малого Дракона.

Тревожный визг сканера сообщил мне, что кварги запустили в мою сторону беспилотник. Хотят знать, где засели стрелки, что вполне понятно. Аппарат небольшой, летает не быстро, хоть и старается

прятаться в складках местности, ненадолго показываясь из-за камней и гребней возвышенностей. Для снайперки цель практически идеальная, особенно если наведением занимается не человек, а компьютерная система управления огнем. Выстрел, и пробитый насквозь беспилотник рухнул на землю грудой бесполезного хлама, но мою позицию он засек и передал своим. Дракон не пожалел на меня ракету, предназначенную, по-хорошему, для стрельбы по воздушным целям, но при ручном наведении вполне пригодную и для уничтожения врагов на земле. Моей легкой броне крайне противопоказано принимать прямые попадания или оказываться вблизи взрывов чего-то тяжелого. Поэтому я прыжком ушел в сторону, сделал перекат и еще одним прыжком добрался до большого камня, который и принял на себя ливень поражающих элементов. Опять смена позиции...

Я прекрасно понимал, что кваргам эти пляски быстро наскучат, и они попытаются обойти злобных стрелков с фланга. Вот только не они одни умеют пользоваться беспилотниками, я тоже эти аппараты люблю и уважаю. Очень мне на Лейтене-5 понравились черные «тараканчики» капитана Мбиа, и три штуки я у него выклянчил. Маленькие членистоногие аппараты размером с мышь бодро разбежались на вершины ближайших холмов. В зоне прямой видимости они общались с моим скафандром по лазерно-оптическим каналам и игнорировали практически любые помехи. Зато теперь я видел, что творится на обратных скатах ближайших высот. Летающий беспилотник у меня тоже имелся, но только один, и его я решил пока поберечь.

А на обратных скатах происходило интересное. Двое кваргов в тяжелой пехотной броне аккуратно двигались вдоль гребня ближайшего холма, обходя меня справа. Слева шла другая двойка, а впереди, отвлекая мое внимание, все время мельтешил боевой робот,

высовываясь из-за укрытия и постреливая в мою сторону. Пушки моей пилот Малого Дракона не боялся, поскольку с такого расстояния она ему только краску на броне царапала, ну, может, еще вмятины небольшие оставляла. Так не представительский флайкар, ведь. Такие шрамы боевую машину только украшают.

С этим обходом срочно требовалось что-то решать. Пальнув наугад из пушки, не с целью попасть или заставить спрятаться, а чтобы показать, что я тут и никуда не делся, я сместился назад и влево. Сместился довольно сильно, так, чтобы оказаться на пути обходящей меня пары пехотинцев противника, но не попадаться им на глаза. Убивать я их не собирался, у меня другая задача. Мне нужно задержать преследователей, значит, будем задерживать. Пуля из снайперки моего калибра при попадании в конечность приводит к серьезному ранению, даже если враг в тяжелом пехотном скафандре. После выстрела я сразу спрятался, а за результатом наблюдал уже с помощью «таракана».

Результат вышел ожидаемый. Кварг, оставшийся невредимым, пытался вытащить раненого с поля боя, постоянно озираясь и в любую секунду ожидая новую пулю от невидимого снайпера. Но снайпер молчал. Не стал я стрелять и когда к пострадавшей паре пришла подмога в виде еще двух пехотинцев под прикрытием того самого Малого Дракона со слегка поцарапанной краской на броне. Меня очень интересовало, куда они повезут раненого. Ведь прилетели же они сюда на чем-то.

С помощью какого-то специализированного приспособления кварги быстро пристроили раненого на спину робота и тот, не теряя времени, убежал за холм. Так далеко мои «тараканы» не видели, и я решил рискнуть летучим беспилотником. Указав ему

держаться на максимальной дистанции от цели, я дал миниатюрному летуну приказ на сопровождение.

Пехотинцы противника в отсутствие робота атаковать не стали и пока затихли. Я понимал, что это ненадолго. Вряд ли бот у них далеко, уж больно они быстро на нас вышли после прилета нашего беспилотника на точку встречи. Поэтому возникшую паузу я использовал, чтобы оторваться от противника и выйти в точку встречи, которую назначил своему летучему разведчику.

Бот кваргов оказался минутах в пятнадцати осторожного и неспешного марша. Противник меня потерял и теперь, видимо, пытался понять, куда я делся, и куда ушла основная группа. Свой час в соответствии с приказом я их по холмам за собой честно потаскал. Теперь, по идее, можно было и к группе возвращаться, но в мои планы это не входило, по крайней мере, сейчас. Я прекрасно понимал, что уйти, значит, опять загнать ситуацию в тупик. Энергия в накопителях скафандров скоро подойдет к концу. На четырехсоткилометровый марш по пустыне ее точно не хватит. И что дальше? Пытаться выходить пешком, без оружия и в одних комбинезонах? Нет уж. Лучше рискнуть.

К боту я вышел, когда кварги еще вовсю перетряхивали холмы и ущелья в поисках пропавших вражеских разведчиков. Робот давно убежал на помощь к своей пехоте, оставив раненого на попечение пилота и еще одного кварга в броне, приставленного к боту, видимо, для охраны. Сейчас пилот возился со скафандром раненого, лежащего на опущенном пандусе бота, а охранник стоял рядом, поглядывая по сторонам.

Два выстрела снайперской винтовки сухими щелчками разнеслись по всхолмленной равнине. Враги осели на землю безвольными марионетками, но сигнал

о нападении на бот наверняка ушел основной группе кваргов. Я, конечно, надеялся, что мой генератор помех не позволил ему к ней пробиться, но расстояние, с которого я стрелял, не давало в этом полной уверенности, особенно учитывая тот факт, что моя позиция находилась не между ботом и основными силами противника, а сбоку, иначе я просто не видел бы цель.

Я бежал, не экономя энергию и выжимая из своей экипировки максимальную скорость. Решающей могла оказаться каждая секунда. Добивать раненого кварга я не стал. Просто спихнул его с пандуса вместе с телом пилота и нырнул в сумрачное нутро чужого бота. Я чуть не упал, споткнувшись о тело в скафандре. Нашем, человеческом. Антон Гнездов лежал у борта и не подавал признаков жизни. В грудной пластине его брони виднелась рваная пробоина, похоже, от крупного осколка. Но рядовой был жив, хоть и без сознания. Разбираться с его состоянием я сейчас позволить себе не мог и прыгнул дальше, к пилотской кабине.

После завершения операции на Лейтене-5 у меня появилось довольно много времени, пока мы летели назад, на Ганимед. Нам с Джеффом нашлось, чем заняться. Помня свои приключения в жутко неудобном скафандре кварга-техника, я решил, что все, не имеющее отношения к взлому вражеских машин, нужно из этого скафандра выкинуть. Броню, оружие, прицельно-навигационный комплекс, сканеры и даже сам экзоскелет мы безжалостно демонтировали. В итоге, в сухом остатке, получилось довольно компактное устройство, которое при желании спокойно устанавливалось внутрь нашего, человеческого, тяжелого пехотного скафандра. Ну и, естественно, собирая себе экипировку для этой командировки, я не забыл об этом оборудовании. Проблема заключалась в другом. Летящую технику кваргов я взламывать

никогда не пытался, и все мои знания о ней носили теоретический характер. Но других вариантов, особенно в свете обнаружения в боте раненого Антона, все равно не просматривалось.

Я активировал оборудование. К счастью для меня, никаких сюрпризов по сравнению с боевыми роботами бот в себе не скрывал. Защищен он оказался куда хуже тех же Мамонтов и даже Малых Драконов, так что через восемь минут управление вражеской машиной находилось в моих руках. Вот только на таких аппаратах я никогда не летал. В прошлой жизни я неплохо пилотировал малый десантный транспорт Кирасир, в этой – наш десантный бот. А вот летающие машины кваргов в мои руки раньше как-то не попадались.

Действовать требовалось быстро, и я, отбросив сомнения, погрузился в безумную картинку, проецируемую на забрало моего шлема прицельно-навигационной системой вражеской машины. Наш инструктор по пилотированию за такой взлет убил бы меня на месте, потом оживил бы смачным пинком и убил еще раз. И так до достижения необходимого педагогического эффекта. Бот мотало из стороны в сторону. Я чуть не вкопался в ближайший холм, но лишь слегка задел его, подняв в воздух тучу песка. Тем не менее, я летел. Хорошо, что пока по мне никто не пытался стрелять. Сейчас управляемая мной машина представляла собой легкую мишень.

Сперва я просто улетел подальше. Поняв, что с горизонтальным полетом и аккуратным маневрированием я уже худо-бедно справляюсь, я переключил внимание на оружие. Столь дорогих сердцу любого земного десантника пусковых контейнеров с термобарическими ракетами здесь не имелось. Вместо них кварги подвесили под одним из коротких крыльев дополнительную скорострельную авиапушку, а под

другим – пусковую установку ракет воздух-воздух с лазерно-оптическим комплексом наведения, используемым для сопровождения цели вручную. Вот кто, похоже, стрелял по нашим самолетам и боту. Судя по количеству истраченных ракет, так оно и было. Кварги знали, что мы вышлем за разведчиками спасателей. Прилетели заранее, выбрали позицию, замаскировали бот, включили станцию РЭБ, и тихо ждали гостей. Вполне грамотное решение. Но приперся злой бригадный генерал, и испортил весь праздник. По крайней мере, будем на это надеяться.

Бегающий где-то по холмам отряд кваргов меня больше не интересовал. Я точно помнил, что одна ракета в ранцевой пусковой установке их Малого Дракона еще осталась, а при моем уровне пилотирования встреча с ней не казалась мне удачной идеей. Я обходил угрожаемый район по широкой дуге, прижимая бот брюхом к холмам, и даже иногда ныряя в наиболее просторные ущелья. По моим расчетам, я уже опередил группу лейтенанта Егорова километров на десять. Соваться к ним на вражеском боте я не рискнул. Влепят еще чем-нибудь, не разобравшись. Посадив своенравный аппарат в небольшой впадине, я вышел в десантный отсек и присел на корточки перед Антоном. Его скафандр кварги не стали деактивировать. Только это и позволяло рядовому все еще оставаться в живых. Встроенная аптечка делала, что могла, но ее прогноз становился все более угрожающим. Если в течение ближайших пяти часов Гнездов не окажется в госпитале, спасти его уже не получится. А значит, на приземление в нашей зоне контроля с последующим вызовом помощи у нас, скорее всего, времени не будет. Придется нагло переть на вражеской машине прямо на взлетку базы спецназа. Вот там обрадуются...

Сигнал маяка я поймал только через два часа. Тянуть дальше было уже просто нельзя, и я поднял бот

В ВОЗДУХ.

Группа, потерявшая уже двух человек, довольно бодро двигалась на восток. Но это пока. Энергии в накопителях оставалось еще часов на пять марша. Настроение лейтенанта Егорова портилось с каждой минутой. Реального выхода из ситуации он не видел и вел группу вперед на чистом упрямстве. Кей Шефферсон поднял руку, призывая группу остановиться.

– Командир, я засек беспилотник. Наш, человеческий. Но это не моя стрекоза, а что-то другое.

Вскоре они увидели аппарат. Тот неспешно приблизился, с легким жужжанием облетел группу по кругу и удалился за гребень ближайшего холма.

– Джон, глянь, что там, – приказал Алексей.

Снайпер поднялся на холм, выставил за его гребень оптический сканер и тут же скатился вниз к отряду.

– Там бот кваргов, командир. Стоит на земле, пандус открыт, а рядом наш курсант в своем сарае с пушками. Рукой мне помахал.

– Ты не перегрелся, Джон? Скинь мне файл.

Запустив воспроизведение, лейтенант несколько секунд вглядывался в изображение, спроецированное на забрало шлема, потом молча хлопнул снайпера по плечу и полез на холм, подав знак подчиненным следовать за собой.

Вой сигнала воздушной тревоги выдернул майора Вебера из-за стола.

– Дежурный, доклад! – скомандовал майор в коммуникатор.

– В зону контроля вошел десантный бот противника.

– Один? Без прикрытия?

– Так точно. Высота километр. Идет медленно. Не маневрирует. Идеальная цель.

– Подождите, лейтенант. Что-то тут не то. Не замечал я раньше за кваргами склонности к суициду.

– Возможно, отвлекающий маневр, или это, вообще, имитатор.

– Батальону боевая тревога. Средства ПВО в полную готовность. Бот сможет запустить ракеты с десяти километров. Сколько до него сейчас?

– Сто пять. Если не будет менять скорость, в зону открытия огня войдет через пятнадцать минут.

– Вызывайте перехватчики.

– Есть!... Господин майор! Сигнал с бота! Пока неустойчивый. Ничего не разобрать. Но кодировка наша.

– Что за...? Переключите на меня.

Кабинет майора наполнил треск помех, сквозь который иногда прорывались бессвязные куски слов. Но с каждой минутой расстояние уменьшалось, и качество связи становилось лучше.

– ... щь... ...ает... ...бера... ...ый бот... ...ыва... ...ает майора Вебера. Группа... ...нанта Егорова возвращается с задани... ...ло раненый ря... ...шу обеспечить срочную эвакуацию в госпи...

– Шш-шайсе! Не стрелять никому! – заорал майор в коммуникатор, – Отзовите перехватчики! Быстро на полосу медиков и аварийную команду.

– Господин майор, вы отправили курсанта Лаврова назад в училище?

– Да, лейтенант. Необходимый ему низовой боевой опыт он заработал с избытком за одну операцию. Его практика на этом закончилась, так что курсант убыл. И бот он забрал с собой, как законный трофей. Я возражать не стал.

– Жаль, что не успел поговорить с ним. Вы же представили меня к повышению. С удовольствием

передал бы ему свою группу, с совершенно спокойной совестью. Когда доучится, естественно.

– Все-таки салага ты еще, лейтенант, – громко засмеялся Вебер, – Ты что, его личное дело так и не читал?

– Да сначала как-то времени не нашлось, – смутился лейтенант, – а потом уже и надобности не было. И так понятно стало, чего человек стоит.

– Ты б хоть из любопытства глянул, что ли, – выдавил майор сквозь смех, – ты кому группу хотел предложить? Этот твой курсант на оккупированном кваргами Лейтене-5 месяц командовал тяжелой десантной бригадой. Его, наверное, из училища уже ждут не дождутся господ генералы с такими погонами, до которых нам с тобой, как до столицы раком. Ну, ты даешь, лейтенант. Давно меня так никто не веселил.

Фронт не то, чтобы рухнул, но изрядно затрещал. Как оказалось позже, это прозвучал первый, но очень нехороший звоночек, ознаменовавший наступление для людей тяжелых времен. Отвлекающий удар кваргов по системе звезды Лейтена заставил Земную Федерацию резко отреагировать, задействовав для ликвидации угрозы значительный объем резервов. В результате сильный и неожиданный удар на другом направлении, по планетам Федерации у звезд Глизе-338 и Грумбридж-1618, парировать оказалось практически нечем, и это привело к серьезному кризису обороны, быстро ликвидировать который люди не имели возможности.

Я вернулся в училище в момент наиболее нервного состояния высшего командования. Резервы выскребали, откуда только могли, и генерал-лейтенанту Шиллеру пришлось скрепя зубами согласиться на досрочный выпуск курсантов третьего

года обучения. Как водится в таких случаях, недоучившиеся, хоть и всего полгода, курсанты получили вместо двух звезд на погоны всего одну и редкое в армии звание младших лейтенантов. А я вдруг остался без инструкторской работы, поскольку освоение трофейной техники преподавалось как раз выпускному курсу училища.

Начальник училища вновь вызвал меня в свой кабинет. Досадливо махнув рукой на мою попытку доклада, он молча указал мне на место за столом для совещаний.

- Курсант Лавров, - мрачно начал генерал, настроение которого колебалось у отметки «ниже плинтуса», - ты, безусловно, молодец и герой. Полковник Крепс переслал мне отчет майора Вебера о твоей практике. За вашу спасательную операцию он представил тебя к Железному Кресту. Мы, немцы, предпочитаем представлять достойных солдат именно к этой награде, - на сумрачном лице генерала проступила легкая тень улыбки, - Крепс утвердил представление, крути дырку на кителе.

- Служу Земной Федерации.

- Н-да. И неплохо служишь. Вот только при таких делах на фронте... Знаешь, Лавров, когда последний раз нам приходилось бросать в бой недоученных курсантов? - генералу не давал покоя вынужденно подписанный приказ о досрочном выпуске третьего курса.

- В первый год войны с кваргами, господин генерал-лейтенант.

- Вот именно. Двадцать лет назад. Ты понимаешь, к чему мы вернулись?

- Это временные трудности, вызванные стратегической ошибкой и недоработкой разведки. Мы, несомненно, выстоим, гос...

- Без званий, курсант.

– Есть.

– Да! Подготовку удара на Глизе и Грумбридж разведка откровенно проспала, не сказать грубее. И еще раз да! В систему звезды Лейтена бросили слишком большие силы, хотя лично тебе и нашему первому курсу эта ошибка, возможно, спасла жизни.

– К сожалению, не всем.

– Не всем. Это война, курсант, ты знаешь это не хуже меня, а может и лучше, я давно не был в бою. И это второй вопрос, который я хочу обсудить с тобой. Мы уже потеряли почти половину первого курса и лишились возможности нормально подготовить третий. Я не удивлюсь, если программу обучения сократят до двух лет. Сейчас твой первый курс подготовлен к бою лучше, чем второй, а, возможно, и чем эти свежие однозвездные лейтенанты, только что бывшие третьим курсом. Мне нужны практические рекомендации по опыту твоих боев. Я должен подготовить из оставшихся курсантов таких офицеров, которые не погибнут в первом же сражении вместе со своими подразделениями. Не смотри на меня дикими глазами. Да, генерал просит курсанта поделиться боевым опытом. А ты на свой квалификационный шеврон давно в зеркало смотрел?

– Я могу сказать одно, если бы не полгода, проведенные нами в училище, никто из нас не вернулся бы с Лейтена-5. Когда в наш корабль всадили несколько снарядов, и он начал неуправляемый дрейф к планете, курсанты остались боеспособным воинским формированием, несмотря на гибель офицеров. Командиры взводов не потеряли управления подчиненными, и, в результате, высадка прошла с минимальными потерями. Вы нас отлично подготовили, господин генерал-лейтенант. Чего нам откровенно не хватало, так это тяжелого оружия и опыта партизанских действий и диверсионных операций. Если

бы не люди капитана Мбиа, я не знаю, как бы мы выкрутились. Я боюсь, что в новых обстоятельствах десант будет регулярно попадать в подобные ситуации полного окружения и изоляции от основных сил. Нам нужны знания в этой области и разведывательное оборудование. Я и сам уже хотел доложить по команде свои предложения по созданию в каждом батальоне десанта специализированного разведвзвода, оснащенного как штатные разведчики, но раз уж вы вызвали меня сами, хочу воспользоваться случаем.

– Обычно разведчики придают десанту во время высадки, если командование видит в этом необходимость. Ваш случай был особым. Никто вас в бой посылать не планировал, вот и пришлось выкручиваться самостоятельно. Я пока не вижу аргументов в пользу создания специального взвода в каждом батальоне.

– Вы сами говорили нам, что диверсант и десантник – разные военные специальности. По людям капитана Мбиа я в этом очень хорошо убедился. Они отличные разведчики, но они не бойцы первой линии. Их нельзя посылать в атаку. Они такому бою просто не обучены и не имеют нужной экипировки, а мне на Лейтене-5 отчаянно не хватало людей, которые могут идти в атаку в боевых порядках полка, а потом, если необходимо, переквалифицироваться в диверсантов. В десанте должны воевать все. Это правило известно еще с докосмических времен, – здесь я опять притянул за уши свой опыт из прошлой жизни.

– Что ж, резонно, – после недолгого раздумья произнес генерал. Готовь рапорт, курсант, я рассмотрю, и, возможно, дам ему ход. А сейчас у меня есть для тебя новость. Вчера на заседании попечительского совета училища зашла речь о тебе. Председатель совета генерал армии Васнецов пошутил, что у нас в училище есть курсанты, у которых боевого опыта достаточно для

поступления в академию Генерального штаба. Смех смехом, а после заседания я поднял твое личное дело. Ты готовый кандидат в академию. Опыта на командных должностях у тебя достаточно. Единственное, чего тебе не хватает, ты не имеешь высшего военного образования, а в академию принимают только офицеров. Тебе сейчас шестнадцать лет, как ни странно это звучит. У меня постоянно возникает ощущение, что я имею дело с ровесником, но с формальной точки зрения это дела не меняет. Ты сделал для училища достаточно, чтобы его начальник в моем лице захотел принять участие в твоей судьбе, – усмехнулся генерал, – но единственный человек в Земной Федерации, который может разрешить присвоение офицерского звания в обход возрастного ограничения – президент. Я переговорил с Васнецовым, он готов написать представление президенту на присвоение тебе звания младшего лейтенанта. Я тоже подпишу рекомендацию. Нужны подписи еще трех высших офицеров, знающих тебя лично и готовых за тебя поручиться. Есть соображения?

– Генерал-полковник Князев, адмирал Нельсон, адмирал Фултон, – без колебаний перечислил я, – с адмиралом Нельсоном я, правда, лично не знаком, но он командовал операцией по освобождению Лейтена-5, и, я думаю, генерал-полковник сможет его убедить поставить подпись на этом документе.

– А ты времени зря не терял, – усмехнулся генерал, – Фултон и Князев терпеть друг друга не могут. До такой степени, что это известно далеко за пределами пятого ударного флота. Если ты умудишься собрать обе эти подписи на одном документе... Ладно, хватит лирики. Начнем, пожалуй, с Князева.

От атаки кваргов мы отбились ценой потери системы Глизе-338 и почти полного разрушения

инфраструктуры на Грумбридже-1618, но наступление врага удалось остановить. Досрочно выпущенных курсантов даже вернули обратно в училище доучиваться. Назад вернулось чуть больше четверти от тех, кто сорок дней назад покинул стены училища планетарного десанта.

Следующие четыре месяца я пахал, как папа Карло на конвейерной сборке Буратин. Начальник училища составил для меня такой план занятий, чтобы вбить за это время в мою несчастную голову и моторные центры спинного мозга программу обучения всем специальным предметам за два с половиной года. Я справлялся, но вечером падал в койку мешком картошки и вырубался мертвым сном до утра. А потом пришел вызов в столицу. Я летел на Землю для награждения Золотой Звездой.

Ситуация на фронтах мне категорически не нравилась. Когда я попал сюда, равновесие противоборствующих сил выглядело устойчивым, и я считал, что у меня впереди есть минимум лет пять для продвижения по службе и обзаведения необходимыми связями и возможностями. Теперь же я четко осознал, что если не начать действовать прямо сейчас, Земная Федерация рискует проиграть войну до того, как я успею выполнить свою миссию. Настала пора собирать команду. Одному с такой задачей не справиться.

Я вновь, как в первый день своего пребывания в этом мире, решил подбить активы и пассивы. Задача строительства порталных ворот пока выглядела столь же недостижимой, как и в момент моего появления в больнице на Титане. Прямого и быстрого пути к ее решению я не видел. Ну что ж, воспользуемся старым, как мир, приемом и разобьем большую проблему на много маленьких кусочков. Мне нужны знания, ресурсы, люди и разрешение властей на постройку и испытание ворот. Знания у меня есть. Но это не совсем те знания, которые нужны. Сам я ворота не построю, а значит

хранящуюся в моей голове информацию нужно легализовать. Как это сделать? У курсанта и даже у младшего лейтенанта, если ответ на представление будет положительным, таким знаниям появиться неоткуда. Стало быть, нужна официальная организация, которая сможет подать эту информацию, как собственную разработку. Это раз. Теперь касаемо ресурсов. На данный момент это, прежде всего, деньги. Сейчас на моем личном счете лежат чуть более тридцати двух миллионов федеральных рублей. Это отчисления по патенту, инструкторская зарплата, премии за захват трофеев и награды, прилагающиеся к Железному Кресту и Золотой Звезде. Вроде бы, немало. На эти деньги можно безбедно жить в столице Федерации почти десять лет. Но это для обычного человека. Я же – личность очень беспокойная и на поперек сидеть не приученная, поэтому денег этих мне хватит разве что на то, чтобы начать. То есть, вопрос ресурсов предстоит решать в ближайшее время, но не прямо сейчас. Это два. Дальше в списке у нас идут люди. Сам я должен продолжать делать карьеру в армии, где я пока даже не офицер. Значит, всеми делами, связанными с добычей ресурсов и работой фирмы, которую еще предстоит создать, придется заниматься кому-то другому. Я, конечно, тоже впрягусь, но времени и возможностей на это у меня просто может не оказаться. Я задумался и почти сразу вспомнил о лейтенанте Джеффе, моем старшем технике. С ним надо побеседовать одним из первых. Может пригодиться и профессор Штейн из Колониального Технологического. Его имя и связи наверняка окажутся полезными. И еще надо поговорить с Ингой. Доверенный человек в фирме мне бы весьма пригодился. Честно говоря, мне очень хотелось, чтобы она бросила военную карьеру, но зная ее, я как-то опасался даже заговаривать об этом.

Итак, в общих чертах план сложился. Первое – фирма по разработке оружия. Она поможет мне решить сразу две задачи. Я буду потихоньку сливать в нее свои знания из прошлой жизни, и внедрять их в новые образцы вооружений, легализуя тем самым нужную мне информацию. Ну и деньги, естественно. На разработки, связанные с постройкой ворот, будет уходить просто море ресурсов, которые казна Федерации ни за что мне не даст, а так я буду тратить на это прибыль компании. Второе, не менее важное, чем первое – военная карьера. К моменту постройки ворот я должен иметь достаточное влияние во власти, чтобы контакт цивилизаций прошел по моему сценарию. И третье – пора помочь Федерации новыми технологиями, иначе до контакта можно просто не дожить.

Столица Земной Федерации, огромный город Амундсен, раскинулся на южном полюсе планеты, в самом центре покрытой лесами Антарктиды. В середине двадцать первого века здешнее человечество добилось-таки своего и загадило родную планету до стадии наступления необратимых экологических последствий. Мусорные острова в океанах, техногенные катастрофы на нефтедобывающих платформах и химических заводах, окисление океанических вод углекислым газом, запыление и отравление атмосферы, помноженные на прогрессирующее перенаселение планеты, привели к тому, что люди едва дожили до разработки технологий терраформирования. И первой планетой, к которой пришлось применить терраформинг, оказалась сама Земля.

Над южным полюсом подвесили искусственное термоядерное солнышко, растопившее льды и давшее задыхающемуся и страдающему от жажды человечеству источник пресной воды и добываемого из нее кислорода. Решение это казалось временным, но

позволило людям дожить до того момента, когда построенные на пути воздушных потоков и морских течений станции глубокой очистки доведут концентрацию вредных веществ в атмосфере и океанах до приемлемого уровня. Больше таких ошибок человечество не повторяло, а к защите окружающей среды на Земле стали относиться с неприкрытым фанатизмом. Неудивительно, что лишившийся льда южный континент превратился в покрытый лесами и озерами рай, посреди которого благодарное ему за спасение человечество совместными усилиями выстроило образцовый с экологической точки зрения мегаполис, ставший в итоге столицей Федерации.

В южном полушарии Земли царила весна, и антарктическое солнце тоже имитировало это приятное время года. До церемонии награждения оставалось еще два дня, и раз уж я оказался в столице, решил заняться делами своей будущей корпорации. В местной юриспруденции я разбирался чуть лучше, чем «совсем не», поэтому обратился за консультацией к найденной в сети небольшой консалтинговой компании, тексты на странице которой показались мне адекватными.

– Здравствуйте, молодой человек, я ведущий юрист компании «ЮрТэкс» Лев Рабинович, – представился ответивший на мой звонок энергичный мужчина лет тридцати, – чем наша компания может вам помочь?

– Игорь Лавров, – назвался я в ответ, – мне нужно зарегистрировать компанию, которая впоследствии сможет принимать участие конкурсах на поставки по госзаказам.

– Сфера деятельности?

– Разработка и поставка оружия и боевой техники.

На лице Рабиновича мелькнуло легкое удивление, но он невозмутимо продолжил:

– Этот вид деятельности требует государственного лицензирования. Список требований для получения

лицензии достаточно обширен. Нужна производственная база, квалифицированный персонал, есть требования и к минимальному уставному капиталу.

– Поэтому я и обратился к вам за консультацией.

– Скажите, Игорь, вы сами планируете стать учредителем и владельцем компании?

– Нет. Я несовершеннолетний. Владеть компанией будет моя мать.

– Какую сумму вы планируете вложить в уставный капитал новой организации?

– Тридцать миллионов рублей.

Тут Рабинович и бровью не повел. Не его это дело, где шестнадцатилетний подросток взял эти деньги. Может сын богатого бизнесмена, а может наследство. Да какая разница?

– Ну что ж, этого достаточно, по крайней мере, для выполнения требований закона. Я могу взяться за ваше дело, но для получения лицензии на такой вид деятельности мне понадобится от вас ряд документов, подтверждающих, что вы имеете опыт в создании новых вооружений, а также результаты испытаний ваших разработок и рекомендации от высокопоставленных военных. Вы в состоянии их предоставить? – в глазах юриста читалось сомнение.

– Думаю, да. Но на это потребуются какое-то время.

– Тогда мы можем поступить следующим образом: я зарегистрирую для вас компанию. Это будет первым этапом нашего сотрудничества. Достаточно недорогим этапом. А дальше, по мере предоставления вами необходимых документов, мы займемся лицензированием. Вот тут готовьте деньги, Игорь. Меньше, чем в полмиллиона рублей вам это точно не обойдется.

Церемония награждения была обставлена весьма торжественно. Нас, тридцать пять награждаемых,

собрали в главном колонном зале. Награждение транслировалось через сеть на всю Федерацию. Помимо президента в зале находились многие высшие чиновники и высокопоставленные военные. Я прямо облизывался, глядя на этот цветник потенциальных возможностей, но мой невеликий чин отрезал меня от них не хуже толстой танковой брони.

Президент Земной Федерации маршал Иван Тобольский, шестидесятилетний импозантный мужчина с густой гривой седых волос, носом с легкой горбинкой, волевым подбородком и пронзительными карими глазами произнес традиционную в таких случаях речь, слегка адаптированную к текущему, далеко не лучшему, положению на фронтах. Поэтому в его словах часто встречалось «в это тяжелое время», «пора нелегких испытаний» и «проверка нашей воли к победе». Ну а дальше он перешел непосредственно к награждению. Высокий и гладкий генерал, вызвавший у меня ассоциацию со словом «паркетный», называл фамилию очередного награждаемого и тот строевым шагом подходил к президенту с докладом. Чаще всего Тобольский дежурно улыбался, брал с подноса в руках донельзя торжественного помощника соответствующую награду, вручал ее герою и жал руку со словами поздравления. Награжденный бодро отвечал уставной фразой и возвращался в строй. Иногда президент тихим голосом говорил офицеру или солдату несколько слов и даже выслушивал ответ. Разобрать, что именно они говорили, не представлялось возможным.

До меня дошла очередь одним из последних.

– Господин верховный главнокомандующий, курсант Высшего Военного Училища Планетарного Десанта Игорь Лавров для награждения государственной наградой прибыл! – четко доложил я президенту.

– Лейтен-5? Командование тяжелой десантной бригадой и удар навстречу нашему десанту? –

неожиданно спросил Тобольский. На лице лощеного генерала, услышавшего вопрос, мелькнуло удивление.

– Так точно, господин главнокомандующий.

– Поздравляю с награждением орденом Золотая Звезда, младший лейтенант. И с зачислением в академию Генерального штаба. Сейчас, как никогда, нам нужны такие командиры.

– Служу Земной Федерации, – по-уставному ответил я и вытянулся перед главнокомандующим.

– Уникальный специалист? – негромко спросил президент, кивнув на знак на моем кителе и повергнув церемониального генерала в окончательный шок отступлением от протокола, – Просьбы или предложения имеются?

Я, признаться, тоже едва удерживал на лице невозмутимое выражение. Но упускать такой случай, это точно без меня.

– Так точно, господин главнокомандующий. Имеются.

– После церемонии дождитесь моего помощника. А сейчас свободны, младший лейтенант.

Чуда не произошло, личной встречи с президентом я не удостоился, но его помощник действительно нашел меня после церемонии награждения и старательно скрывая пренебрежение при общении со столь незначительной персоной, как сопляк младший лейтенант, предложил мне изложить свои просьбы и соображения в письменном виде и прислать ему для обработки и передачи верховному главнокомандующему.

Дверь в рабочий кабинет президента тихо открылась, и вышколенный референт принес главе государства кофе с имбирным печеньем. Тобольский молча кивнул.

- Господин президент, вы просили напомнить про младшего лейтенанта Лаврова.

- А, Лавров... да, спасибо, - Тобольский устало провел по лицу ладонью, - Что там? Только вкратце.

- Он утверждает, что в операциях на Лейтене-5 и Каптэйне применил системы вооружений собственной разработки, созданные на ремонтных мощностях училища и в полевых условиях на нашей и трофейной элементной базе. По его утверждениям они показали значительно более высокую эффективность в бою, чем наши штатные образцы.

- Вы проверили это утверждение?

- Да, господин президент. Я направил запросы командирам, которым он подчинялся. Ответы сугубо положительные. В случае Лейтена-5 есть даже конкретный расчет боевой эффективности. Сто тридцать процентов.

- Хм. Допустим. Чего он хочет? Денег на разработку или перевода в оборонно-промышленный комплекс?

- Как ни странно, нет. Денег не просит, а себя он видит только в боевых частях. Просит он лицензию на разработку вооружений и военной техники для только что зарегистрированной им фирмы и беспрепятственный доступ к конкурсам минобороны.

- И в чем загвоздка с лицензией?

- По сложившейся практике министерство обороны выдает такие лицензии только крупным предприятиям из структуры оборонно-промышленного комплекса и их дочерним компаниям. Только что созданной мелкой фирме такую лицензию не получить никак. Просто не дадут, даже при выполнении формальных требований. Впрочем, их столько, что всегда можно к чему-то придраться.

- Не будем чинить ему препятствий. Этот парень может нам пригодиться. Кое-кто в военно-промышленном комплексе изрядно зарвался, и этот

парень, если не окажется пустышкой, а я думаю, что не окажется, может стать хорошей занозой в соответствующей жирной заднице... Что требуется от меня?

– Рекомендация на выдачу лицензии за вашей подписью решит разом все проблемы.

– Проект документа готов?

– Да, господин президент.

– Скидывайте, я подпишу. И сообщите мне, если у него получится что-то толковое.

Лев Рабинович пребывал в глубоком ступоре, глядя в экран своего планшета остановившимся взглядом. Я его хорошо понимал. Сам так же сидел вчера, тупо читая и перечитывая рекомендацию на выдачу Оружейной компании Лавровых лицензии на разработку оружия и боевой техники, подписанную лично президентом Тобольским.

Наконец, юрист оторвался от созерцания документа и перевел на меня все еще слегка ошалевший взгляд.

– Я думаю, Игорь, через неделю лицензия у вас будет. При такой рекомендации на формальности вряд ли кто-то станет обращать внимание, ведь, по сути, САМ взял на себя всю ответственность. Большое доверие вы заслужили, однако.

Я только неопределенно хмыкнул. Сам не ожидал. И некий червячок сомнения скребся где-то в моем мозгу, стуча молоточками в темечко, что не бывает бесплатного сыра в крысиных лабиринтах.

– Неделя меня более чем устраивает, – сообщил я Рабиновичу, – но мне нужно где-то начинать деятельность. Ваша компания сможет подобрать мне помещение под офис и площадку для опытного производства?

– Думаю, да. Это не составит проблемы. Офис в столице снять не сложно, были бы деньги. С площадкой

под производство тоже все достаточно просто, но не на Земле, конечно. Здесь производство разместить не дадут ни под каким видом, а вот Луна в полном вашем распоряжении. Там есть огромные технопарки, где вам с удовольствием сдадут в аренду нужные площади, возможно даже с оборудованием.

– Тогда, Лев, ловите список необходимых мне параметров площадки и офиса, и я жду от вас предложений.

– Добрый день, Иван Герхардович, – звонок профессору Штейну я решил не откладывать, – у вас найдется для меня несколько минут?

– Рад тебя видеть, Игорь, – искренне улыбнулся профессор. Ну еще бы, со мной у него связаны исключительно положительные воспоминания, как в эмоциональном так в финансовом плане, – всегда рад с тобой пообщаться. Но ты ведь не просто так вспомнил провинциального профессора. Наверняка у тебя есть для меня очередная авантюра. Я прав?

– Как всегда, Иван Герхардович, как всегда, – не стал я отпираться, – но вас в хорошем настроении я тоже очень рад видеть.

– Ну, излагай, тогда. Что уж тянуть-то?

– Я зарегистрировал компанию и собираюсь заняться разработкой оружия для нашей армии. Через неделю у меня будет необходимая лицензия, офис и место для размещения производственного оборудования. Мне нужны люди, хорошие инженеры и ученые для разработки систем РЭБ, брони и пушек, а потом сборки всего этого в опытные образцы скафандров, ботов и боевых роботов. Пока хватит десяти человек. Список требуемых знаний и навыков я вам скину. Не могли бы вы найти для меня таких людей среди лучших студентов Колониального Технологического или среди недавних выпускников?

Мне нужны молодые, незашоренные мозги, способные на восприятие и развитие прорывных идей.

– Давай свой список, я посмотрю, что можно сделать.

Я скинул профессору подготовленный заранее документ. Спустя пару минут Штейн оторвался от чтения и поднял на меня взгляд.

– Пожалуй, найду. Я смотрю, ты уже и примерные уровни зарплаты указал. Не думаю, что кто-то из моих кандидатов от такого откажется. Мне потребуется несколько дней, чтобы переговорить с нужными людьми.

– Спасибо, профессор, я даже не сомневался, что вы сможете мне помочь в наборе людей. Но это не все, – сообщил я, наблюдая легкое удивление и заинтересованность на лице Штейна, – для управления этим коллективом мне нужен опытный руководитель, обладающий необходимыми знаниями и авторитетом в научной среде.

– И вы хотите, чтобы я помог вам найти такого человека?

– Нет, Иван Герхардович, не хочу. Я его уже сам нашел. Этот человек – вы. Если, конечно, на то будет ваше желание. Но что-то мне подсказывает, что вы не откажетесь, – я хищно улыбнулся.

Профессор задумался. Все-таки такого он не ожидал.

– Гхм..., – неопределенно хмыкнул Штейн, – про очередную авантюру я и впрямь угадал. Кого другого я, наверное, сразу отправил бы с этой идеей в далекое далеко. Слишком привык я к Колониальному Технологическому, врос в него всеми корнями...

– Профессор, – негромко обратился я к Штейну, – вы новости смотрите регулярно?

– Поглядываю иногда.

– И что вы там видите? Думаете, я стал бы затевать всю эту историю, будь все нормально? Зачем? Я и так не беден. И, как вы уже убедились, я солдат, а не ученый. И вдруг от меня поступает такое предложение? Почему, как вы считаете?

Профессор молча смотрел на меня.

– Когда я впервые встретился с вами, я умирал от астероидной горячки. И тогда, чтобы избежать смерти, я стал на какое-то время ученым. А теперь я вновь пришел к вам, и снова готов заниматься наукой и инженерными разработками. Я опять смертельно болен, профессор. Но на этот раз болен не я один. Больна вся Федерация. И если прямо сейчас не создать лекарство, мы все умрем. Кто-то в космосе и в колониях, сражаясь с кваргами, а кто-то в Солнечной системе под бомбами и ударами с орбиты, когда защищать планеты станет уже некому. Не будет Колониального Технологического, погаснет искусственное солнце над Титаном... Это вопрос нескольких лет. Нужно лекарство, профессор, и это лекарство – новое оружие... Я его Федерации дам, с вами или без вас, но я бы предпочел все-таки с вами.

– Все так плохо?

– Я был там и видел все своими глазами.

Профессор отвел взгляд, и некоторое время молча думал о чем-то своем. Наконец, он вновь посмотрел мне в глаза.

– Куда и когда мне привозить научно-инженерную группу?

С новоиспеченным лейтенантом инженерных войск Джеффом, я переговорил почти сразу после звонка профессору. Идею мою он воспринял спокойно, но ответом своим меня удивил.

– Командир, я с вами, какой разговор? Столько нового железа, сколько я увидел и пощупал за несколько месяцев общения с вами, я не видел за всю

предыдущую жизнь. И не только увидел, а и вдумчиво в нем поковырялся, а потом еще и проверил в бою. Мечта, а не служба! И что-то мне подсказывает, что в вашей новой фирме с этим вопросом никаких проблем не предвидится. Только вы уж поговорите с начальником училища. Я ему много чем обязан. Вот и лейтенанта без него ни в жизни бы прапору не дали. А так я типа прошел индивидуальный курс обучения в высшем военном училище. Хотя почему «типа», если я сейчас со своим инструктором разговариваю, – улыбнулся лейтенант, – да, и из армии уходить бы не хотелось. Только ведь офицером стал...

– Договорились, Джефф. Я переговорю генерал-лейтенантом, думаю, мы найдем вариант, который всех устроит, ну а потом я снова постучусь к тебе.

Генерал-лейтенант Шиллер оставил мне свой личный контакт, отправляя меня на награждение в столицу, так что теперь я мог обратиться к нему напрямую.

Начальник училища на вызов не ответил, но минут через двадцать перезвонил сам.

– Ну что, младший лейтенант, поздравляю с высшей наградой Федерации, новым званием и поступлением в академию Генштаба. Можешь не тянуться, звонок не служебный. И давай без званий.

– Спасибо за помощь. Во всем этом есть немалая ваша заслуга.

– Я смотрел трансляцию награждения. О чем это ты целую минуту болтал с президентом? Генерал Галло чуть не лопнул на месте от такого нарушения протокола, – усмехнулся Шиллер.

– Вот об этом я и хотел переговорить с вами. Посмотрите, пожалуйста, вот этот документ, – я переслал генералу копию рекомендации, подписанной президентом Тобольским.

- Ну ты и жук, Лавров. Как ты умудряешься добывать такие бумажки? - спустя минуту с усмешкой произнес генерал, - Сначала адмирал Петров, теперь вот сам президент... У тебя просто талант оказываться в нужное время в нужном месте с правильными словами. И что ты хочешь от меня?

- Мне нужен главный инженер. Талантливый техник, знакомый с оружейной спецификой. У вас такой есть.

- Джеффа не отдам. До сих пор все, что ты делал, шло только на пользу училищу. А теперь хочешь увести у меня лучшего техника?

- Не хочу. Да он и сам не ушел бы со службы, тем более, от вас.

- Тогда что ты хочешь? - удивился генерал.

- Взаимовыгодного сотрудничества с ВВУ Планетарного Десанта. Вы ведь можете направить лейтенанта Джеффа в мою компанию военным советником или просто консультантом, в конце концов. По моему официальному приглашению, естественно. Для обеспечения взаимодействия разработчиков вооружений с армией и наиболее полного учета потребностей войск при разработке новой техники. Мне нужен талантливый техник. Вам тоже. У меня его квалификация будет только расти, а училище через него будет иметь доступ к последним разработкам моей компании, которые только-только проходят боевые испытания. Ну и, естественно, у меня он будет проводить только часть времени, так что свои обязанности в училище он тоже сможет выполнять, пусть и в несколько урезанном виде.

- Ты не просто жук, младший лейтенант, - со смехом произнес генерал, - ты Жучило. С большой буквы же. И приглашение на Джеффа, я подозреваю, ты уже подготовил?

- Высылаю.

Пятнадцатого мая я, который Игорь Лавров, отметил свой семнадцатый день рождения. Ингу на целый месяц вместе со всем первым курсом заслали в какие-то невероятные долбенья на очередные практические занятия, так что увидеться с ней я не смог. В итоге семнадцатилетие я отмечал дома с мамой. Все равно я собирался перевезти ее на Землю, так что решил совместить приятное с полезным. Своей ролью единоличной владелицы Оружейной компании Лавровых она была слегка шокирована, но именно что слегка. К причудам сына она уже начала привыкать.

– А что я буду делать в столице, сын? – спросила меня мама, когда нагляделась на меня и задала все обычные после долгой разлуки вопросы, – здесь я учу детей, и моя работа мне нравится. У нас сложившийся доброжелательный коллектив, привычная комфортная обстановка. А что будет там?

– А там, мама, будет последнее место, куда придут кварги, если мы не сможем их остановить. Столицу Федерации будут защищать до конца, до последней возможности.

– Ты говоришь ужасные вещи.

– К сожалению, я с этими ужасными вещами лично знаком. В сеть выпускают не всю информацию, чтобы не вызывать панику у населения колоний. Сейчас прорывы кваргов возможны в любом месте. А что касается твоих занятий в столице, там ведь тоже есть дети и начальные школы. Да ты и сама как-то предлагала мне перебраться на Землю.

– Я всего лишь хотела отговорить тебя от идеи стать профессиональным военным, – тихо сказала мама, – и ради этого готова была лететь куда угодно. Я очень боялась тебя потерять.

– А теперь я боюсь потерять тебя. Я не смогу спокойно работать, зная, что тебе угрожает опасность.

Мама грустно улыбнулась.

– И когда мы летим?

Я внимательно дочитал документ, явившийся плодом совместного творчества Льва Рабиновича, Джеффа и профессора Штейна. Название документа начиналось словами «План расходов...». И все бы ничего, красивый получился документик, Рабинович оказался мастером на подобные штуки, но сумма в строке «Итого» поставила дыбом мои волосы во всех местах. Восемьсот двадцать миллионов рублей. Да я и представить-то себе эту сумму могу только абстрактно.

Самое противное заключалось в том, что даже при самом предвзятом подходе я нашел возможность сократить расходы только процентов на десять, да и то путем переноса некоторых трат на более поздние сроки, когда они имели шансы быть компенсированными ожидаемыми поступлениями от деятельности компании.

Денег нет, но вы держитесь! Кто-то из древних деятелей Земли сказал эту бессмертную фразу. Фамилию его моя память не сохранила, видимо за полной никчемностью данной личности.

– Господа, – поднял я взгляд на своих товарищей, – план замечательный. Но денег в наличии только тридцать миллионов рублей. Мы не сможем даже заплатить авансы поставщикам оборудования, я уже молчу про все остальное.

– Оборудование можно попробовать взять в лизинг, – предложил Рабинович. Это процентов на десять увеличит итоговую сумму, но позволит на начальном этапе сократить вложения вдвое. Но тут многое зависит от деловой репутации фирмы и ее хозяев. Как у вас с этим, Игорь?

– Боюсь, никак. Хотя... подписанная президентом рекомендация на выдачу лицензии может в этом помочь?

– Сложно сказать. Нужно пробовать. Хотя документ, несомненно, внушает уважение. Но к нему еще потребуется бизнес-план с прогнозом финансовых потоков компании, производственным графиком, обоснованием источников погашения лизинговых платежей и еще кучей обязательных разделов вплоть до биографий и опыта работы руководителей компании.

– Даже если мы сможем все это проверить, где-то нужно взять еще почти четыреста миллионов, – озвучил я свои сомнения.

– Ну, либо придется привлекать стороннего инвестора, а он, если даст деньги, непременно захочет стать совладельцем компании, либо идти в банк за кредитом с примерно такими же сложностями, как и в случае лизинга.

– Нет. Без совладельцев постараемся обойтись. Это может привести к проблемам с управляемостью. Мне только конфликтов между акционерами не хватало. Готовьте документы, Лев. Завтра попытаем счастья в Федеральном Военном Банке. Там кредитуются вся оборонка, так что наша тематика должна быть им близка, да и своя лизинговая компания у них имеется.

– Добрый день, господа. Меня зовут Илья. Я менеджер по работе с новыми клиентами нашего банка. Чем я могу вам помочь? – поприветствовал нас с экрана моего планшета невысокий и очень худой молодой человек, судя по всему мелкий клерк, основной задачей которого являлось первичное знакомство с клиентами. Некий фильтр, нужный, чтобы всякая мелочь не беспокоила серьезных людей.

– День добрый, – ответил за нас Рабинович и назвал наши имена, – Мы представляем Оружейную компанию Лавровых. Разработка и производство оружия и военной техники.

– Я раньше не слышал о вашей компании. Вы давно на этом рынке?

– Нет. Компания только что получила государственную лицензию на данный вид деятельности.

– И какие услуги нашего банка вам необходимы?

– Лизинг оборудования и кредит на пополнение оборотных средств. Ну и счет в вашем банке, разумеется.

– Что ж, перешлите мне, пожалуйста, ваш пакет документов.

Минут десять клерк ознакомился с переданными ему файлами. Мы терпеливо ждали.

– Что я могу сказать, господа, – наконец произнес он, – компания у вас новая, деятельность пока не начала и опыта успешной работы в выбранной сфере не имеет. Это минус, причем очень существенный. Собственных средств у вас всего четыре процента от запрашиваемых сумм кредита и лизинга. Тоже не очень хорошо. Источники погашения кредита и лизинговых платежей нельзя считать надежными. Если бы у вас были уже заключенные с Минобороны контракты, дело другое, а так... вы ведь можете и не выиграть конкурс. Это минусы. Теперь о плюсах. У вас очень серьезная лицензия, что означает, что государственные органы считают вашу компанию вполне состоятельной и способной вести выбранную вами деятельность. Кроме того, у вас есть положительные результаты боевых испытаний некоторых ваших разработок, правда оформлены они не по стандарту, но это уже кое-что. И последний плюс: в штате вашей компании есть авторитетный ученый и группа квалифицированных инженеров и исследователей. Все вместе дает довольно противоречивую картину. Боюсь, что запрашиваемые вами суммы мы предоставить вам не сможем.

– Есть ли дополнительные факторы, способные как-то повлиять на решение банка? – вступил я в переговоры.

– Разумеется. Например, наличие серьезных поручителей или качественного залога, стоимость которого с запасом перекроет размер запрашиваемых кредитных средств.

– Авторские права в качестве залога подойдут?

– Зависит от конкретного случая и, прежде всего, от размера авторских отчислений за последние месяцы. Что вы можете предложить?

– Патент на метод лечения астероидной горячки. Файл я вам переслал.

Менеджер некоторое время ознакомился с документом, после чего задумчиво произнес:

– Неплохой актив. Конечно, он требует профессиональной оценки, но думаю, миллионов двести он стоит. Это если целиком. Ваша доля в нем двадцать процентов... В общем, миллионов тридцать под такой залог получить можно. Но, как вы понимаете, существенно ситуацию это не меняет. Может быть, есть что-то еще?

– Акции нашей компании. С учетом имеющейся лицензии они имеют какую-то ценность в качестве залога?

– К сожалению, это неликвидный актив. На бирже ваши акции не котируются, так что вряд ли банк они заинтересуют.

– Скажите, Илья, – решил Рабинович выложить наш последний козырь, – вы внимательно читали документы, связанные с нашей лицензией?

– Ну, я их просмотрел. Там все соответствует нормам.

– Обратите, пожалуйста, внимание на то, кем подписана рекомендация на выдачу лицензии.

Менеджер нашел нужный документ и углубился в чтение. На этот раз он поднял на нас глаза почти сразу.

– Это очень необычно, господа, – с сомнением в голосе произнес он, – с точки зрения регламентов, утвержденных советом директоров банка, личность подписанта такого документа не является существенным фактором. Но ваш случай явно выходит за стандартные рамки. Мне придется передать вашу заявку на рассмотрение директору нашего филиала. В ближайшее время он с вами свяжется.

Директор столичного филиала Федерального Военного Банка самостоятельно принять решение тоже не смог. Он связался с нами и сказал, что передал наши документы на рассмотрение совету директоров. Те мурыжили нас три дня, после чего мы получили от банка категорический отказ. Нам не только не дали запрашиваемую сумму, нам вообще отказали в обслуживании. В голосе сообщившего нам эту новость директора филиала звучала растерянность и удивление. Либо он был великолепным актером, либо сам искренне не понимал, что произошло. А в моей голове зазвенел новый тревожный звоночек, и злой червячок застучал своими молоточками с удвоенной силой.

Еще в пяти крупных банках нас тоже постигла неудача. Нет, категорически отказались иметь с нами дело только в двух из них. Остальные готовы были открыть нам счета, а в одном даже обещали рассмотреть кредитную заявку на десять миллионов, и менеджер уверял, что мы имеем все шансы на одобрение кредита руководством. Но это, конечно, нашу проблему решить не могло.

Все прояснилось на третий день. Со мной связался смущенный и явно расстроенный Рабинович.

- Игорь, у меня для вас плохие новости, - прямо заявил он, - на меня вышли люди из Глобал Випон Индастриз. Они недвусмысленно намекнули мне, что хотят провести переговоры с владельцами Оружейной компании Лавровых о продаже фирмы. Мне очень интересно с вами работать, но хочу сразу предупредить, если вы решите отказаться от продажи, я буду вынужден прекратить наши деловые отношения. Мне такие недоброжелатели испортят весь бизнес. Это очень серьезные люди и я бы не хотел видеть их своими противниками.

- Спасибо за откровенность, Лев, - задумчиво ответил я, пытаюсь выстроить свою линию поведения в новых обстоятельствах, - я не буду отказываться от переговоров. Посмотрим, что эти господа мне предложат. На этом этапе вы еще готовы участвовать?

- Пока не принято решение об отказе, да.

- Тогда организуйте нам встречу, пожалуйста.

От приглашения к нам в офис представители одного из крупнейших мировых производителей оружия отказались. К себе они нас тоже предпочли не звать. Мы встретились на нейтральной территории, в комнате для переговоров одного из самых дорогих столичных бизнес-центров.

- Итак, господа, - взял я на себя инициативу после нашего взаимного представления, - у вас есть ко мне какое-то предложение. Я вас внимательно слушаю.

- Игорь Яковлевич, - негромко начал латиноамериканец Энрике Крус, первый из переговорщиков оружейной корпорации, - мы рады знакомству с вами. Такой молодой офицер, и уже кавалер Золотой Звезды и Железного Креста. Вы отличный военный, и, очевидно, именно в этом ваше призвание.

- Спасибо, господин Крус, - кивнул я головой, - но ведь не это стало поводом для нашей встречи.

- Не торопитесь, господин Лавров, я только начал свою мысль. Итак, вы образцовый офицер с невероятным для вашего возраста и звания боевым опытом. Вас ждет блестящая военная карьера, ведь уже сейчас вы стали слушателем академии Генерального штаба, а окончание этого учебного заведения открывает перед любым офицером многие двери. Мы с коллегой Мартинесом хотели бы понять, зачем вам вдруг понадобилось столь круто менять образ жизни и начинать бизнес, в котором вы не слишком разбираетесь?

- Господа, - с подчеркнутым удивлением в голосе ответил я, - но ведь это более чем логично. Я участвовал в двух боевых операциях, и в обоих случаях мне удалось добиться высокой боевой эффективности за счет усовершенствования стандартного оружия, стоящего на вооружении армии Федерации. Это ли не повод для оптимизма при создании своего оружейного бизнеса?

- Для оптимизма? Ничуть. Вы, видимо, не очень понимаете, во что ввязываетесь и на что замахиваетесь. Разработка оружия и боевой техники требует просто колоссальных ресурсов, как материальных, так и людских. Кроме того, эта сфера деятельности давно поделена между крупными игроками. Мы, Глобал Випон Индастриз, имеем на рынке вооружений долю около сорока процентов. Есть еще три крупных корпорации, но их доли ниже. И все, господин Лавров. Больше никого нет. Конечно, небольшие компании тоже занимаются своими разработками, но они работают не напрямую с министерством обороны, а являются подрядчиками одной из крупных фирм и выполняют некоторые их заказы, да и то, скажу вам честно, чаще всего это либо дочерние, либо зависимые компании все тех же основных игроков рынка вооружений. Вы же, получив в обход обычных процедур полную лицензию

на разработку и производство оружия, выпали из этой давно отлаженной схемы. Никому сейчас не нужен новый участник рынка, имеющий прямой доступ к конкурсам минобороны.

– Спасибо за познавательный экскурс в мир оружейного бизнеса, господин Крус, – с улыбкой ответил я, – так что же хочет от меня руководство ГВИ?

– Мы бы хотели выкупить вашу компанию. Вместе с лицензией, разумеется, ведь именно она представляет основную ценность. Наше руководство готово предложить вам сто миллионов рублей. Это очень хорошая цена, господин Лавров. Подумайте об этом. Кроме того, мы готовы отдельно приобрести все ваши уже сделанные наработки по модернизации стандартных образцов вооружений и выкупать впредь все перспективные усовершенствования и новые образцы, которые вам удастся создать.

Крус замолчал, и все трое, включая Рабиновича, посмотрели на меня в ожидании ответа. Судя по выражению лица моего консультанта, он считал предложение ГВИ более чем щедрым.

– Это хорошее предложение, господа. И будь я обычным коммерсантом, я принял бы его, не задумываясь.

– Что же вам мешает, господин Лавров?

– Только одно. Я начал это дело не ради прибыли. У меня и так есть достаточно средств для безбедного существования. Но, увы, недолгого. Вам будет сложно меня понять, господа, я это уже вижу, но все же, постарайтесь, хотя бы для того, чтобы правильно донести мои мотивы до тех людей, по чьему поручению вы сейчас здесь находитесь. Я совсем недавно вернулся из боя, и я знаю реальное положение дел на фронтах, поскольку вращался среди высших офицеров, настоящих боевых командиров высокого ранга. С имеющимся оружием и ресурсами мы не только не

сможем победить кваргов, мы проиграем войну. Это вопрос нескольких лет. Кому тогда будут нужны деньги, которые вы мне обещаете за мою компанию? Кто и где будет их тратить?

- Мне кажется, господин Лавров, вы сгущаете краски, - произнес Мартинес, но было видно, что от моих слов ему стало не по себе, - Пораженческие настроения...

- Я похож на человека, подверженного пораженческим настроениям? - мягко перебил я переговорщика от ГВИ, - вы ведь наверняка изучили мою биографию.

- Мой коллега неверно выразился, - поспешил сгладить ситуацию Энрике Крус, - он имел в виду, что сам смотрит на этот вопрос более оптимистично. Продолжите, пожалуйста, вашу мысль.

- Так вот, господа. Я создал Оружейную компанию Лавровых, поскольку чувствую в себе силы изменить сложившуюся ситуацию. Я подобрал отличную команду единомышленников, обладающих необходимой компетенцией. У меня уже есть несколько перспективных наработок, которые я, по собственному опыту боев с кваргами, считаю наиболее важными для быстрого внедрения в вооруженных силах Федерации. Именно их я и хочу представить комиссии по вооружениям минобороны. Еще раз повторюсь. Мне не нужна прибыль. Все заработанное я планирую направлять в исследования и разработки, а для того, чтобы их внедрение шло максимально быстро, мне нужен прямой выход на министерство обороны. Я буду делать именно то, что считаю сейчас наиболее актуальным для армии и не хочу, чтобы кто-либо в этот процесс вмешивался и диктовал мне, что более перспективно, а что менее с точки зрения коммерческой выгоды.

На лице Мартинеса читалось тщательно скрываемое разочарование и досада. Ход переговоров ему явно не нравился. А Энрике Крус о чем-то напряженно размышлял. Наконец, он вздохнул и посмотрел на меня.

– Я уважаю вашу позицию, Игорь, – в его голосе мне послышалось сожаление, но, возможно, мне это лишь показалось, – но реалии таковы, что вы не сможете вести это бизнес самостоятельно. Вам ведь уже отказали в кредитовании и лизинге? Вы человек умный, и, я думаю, уже поняли, что это не случайность. Поверьте, дальше будет только хуже. При всем моем уважении, искреннем уважении, к вашим достижениям, рынок вооружений – не ваш уровень. Мне очень жаль, что мы с вами находимся по разные стороны стола переговоров, но жизнь сложилась именно так, и с этим ничего не поделаешь. Я все же рекомендую вам еще раз обдумать наше предложение. Я мог бы удвоить сумму, но понимаю, что дело не в деньгах. Откажитесь от этого бизнеса и переходите вместе с вашей командой в ГВИ. Я думаю, мне удастся убедить руководство создать из вашего коллектива отдельное подразделение. У вас будут практически неограниченные ресурсы и возможность безопасной работы в крупной корпорации.

– Спасибо, Энрике, – я тоже решил обратиться к нему по имени, – я понимаю, что вы просто делаете свою работу, а ваш работодатель поставил вам задачу выкупить мою компанию. Но я ничем не могу вам помочь. Мне нужна самостоятельность в принятии решений. Полная самостоятельность, что абсолютно невозможно в рамках вертикально-интегрированной корпорации, каковой и является ГВИ. Поэтому я вынужден отказаться.

– Это ваше окончательное решение, господин Лавров? – в голосе Мартинеса слышалось с трудом сдерживаемое раздражение.

– Окончательное, господин Мартинес.

- Ну что ж, боюсь вам вскоре придется об этом пожалеть, младший лейтенант, - прошипел переговорщик, - ведь когда через три месяца к вам выйдет комиссия Минобороны и увидит, что реальная деятельность не ведется, она отзовет лицензию, и все ваши благие намерения превратятся в пшик. А без денег никакой деятельности у вас не будет. Обойдите, хоть все банки Федерации, никто с вами работать не станет. Максимум - пообещают что-нибудь незначительное и будут месяцами тянуть с принятием решения. А если попытаете найти стороннего инвестора - сами понимаете, кто будет стоять за его спиной.

- К сожалению, мой коллега прав, господин Лавров, - мягко сказал Крус, - мой контакт у вас есть. Я буду ждать звонка. Наше предложение еще в силе. Ну, пока у вас есть лицензия, разумеется. Вот только каждый день вашего промедления будет уменьшать предложенную нами сумму на два миллиона рублей. Рад был знакомству с вами. А теперь, простите, господа, нас ждут дела.

Не все партнеры одинаково полезны. Рабиновича я потерял, а ведь у меня были на него определенные планы.

- Простите, Игорь, но на вашем месте я бы принял это предложение. Мне было приятно с вами работать, но, боюсь, вам придется искать другого консультанта, - сказал мне Рабинович сразу после ухода переговорщиков ГВИ.

Я не жалел. Лучше расстаться с ненадежным партнером на ранней стадии отношений, чем потом получить удар в спину в более серьезной ситуации. Да сейчас мне было и не до Рабиновича. И без него проблем хватало.

Я вернулся в офис, заперся в своем кабинете, взял в руки планшет и начал анализировать ситуацию. Изначально я собирался замахнуться на разработку новых станций РЭБ. Используя знания моей цивилизации, я вполне мог существенно улучшить не только схемы, применяемые в производстве средств радиоэлектронной борьбы, но и саму элементную базу, на которой они собирались. Для этого мне и требовалось дорогостоящее оборудование. Теперь о нем можно было забыть, но нельзя сказать, что мои планы от этого совсем перечеркивались. В конце концов, и с имеющимися у Федерации технологиями можно было многое сделать, используя известные мне программные алгоритмы. Ну что ж, будем улучшать системы связи и электронного противодействия, используя то, что есть.

Я залез в каталоги фирм-производителей и стал прикидывать, что именно нам может понадобится и в какие деньги нам это обойдется. Через три месяца мне предстоит отчитываться перед комиссией Минобороны, и лучше будет, если на эту комиссию я вынесу уже готовый действующий образец.

Минут через сорок я понял, что увяз окончательно и вызвал к себе Джеффа. Провозившись с ним вместе еще час, я осознал, что дело плохо и пригласил профессора Штейна. В итоге наши мучения вылились в полноценное совещание всего коллектива фирмы.

– Итак, господа, – подвел я промежуточный итог, – в связи с вновь открывшимися обстоятельствами в ресурсах мы оказались сильно ограничены. Закупить дорогое исследовательское и производственное оборудование на данный момент не представляется возможным, но у нас есть другой путь. Перспективные исследования по новым процессорам для станций РЭБ мы пока остановим. Мы не отказываемся от них окончательно, но поскольку с сегодняшнего дня в плане

денег мы можем рассчитывать только на себя, первостепенными для нас становятся проекты, способные доказать министерству обороны нашу состоятельность и принести нам государственный заказ, на деньги от реализации которого мы сможем продолжить наши исследования.

Я оглядел своих людей. Меня слушали внимательно, но на лицах парней, чью тему я отложил в долгий ящик, застыло кислое выражение.

– Нодир, – обратился я к одному из них, – не переживай. Ваши с Жасуром процессоры мы доведем до ума в обязательном порядке, но сейчас вы нужны мне на разработке схемы динамического сопряжения станций РЭБ.

– Да, ясно нам все, Игорь Яковлевич. Обидно просто. Только прорыв наметился, вернее, пока не прорыв еще, а так, его тень на горизонте...

– Успеете еще прорваться, не беспокойтесь, а пока продолжим. Через три месяца я хочу представить комиссии министерства обороны десантный взвод, оснащенный нашими новыми средствами маскировки. Три десантных бота, три легких боевых робота Варан-М2 и комплект боевых скафандров я постараюсь одолжить у ВВУ Планетарного Десанта вместе со взводом курсантов, а вот все остальное нам придется покупать на деньги компании. Мы с главным инженером Джеффом прикинули примерные схемы сборки оборудования. Пока это только наброски, которые еще предстоит довести до ума, и делать это будете вы. Через пару дней я допишу программу, которая заставит все это железо работать в нужном нам режиме. Опять же, в нее наверняка придется вносить коррективы, поскольку пока не ясно, какие засады встретятся нам на пути. Главный инженер и профессор Штейн распределяют между всеми сотрудниками текущие задачи. Через два дня мне нужен полный список

оборудования и комплектующих, которые нам понадобятся. Имейте в виду, что запрашивать нужно только самое необходимое, ибо ресурсы у нас не латексные, растягиваются плохо.

И все равно денег не хватило. Ужимая все, что только можно, а иногда и что нельзя, нам удалось уложить расходы в пятьдесят три миллиона. Я прекрасно понимал, что нужен еще некоторый запас на непредвиденные расходы, так что по-хорошему требовалось миллионов шестьдесят, из которых у меня к настоящему моменту имелось только тридцать.

Вопрос с деньгами решился совершенно неожиданным для меня образом. Ближе к вечеру ко мне в кабинет заглянул Иван Герхардович. Профессор выглядел задумчивым, но по нему было видно, что он пришел не просто обсудить текущие дела.

– Игорь, я тут подумал на тему требуемой суммы, – сразу перешел он к делу, – ГВИ нагнула банки на отказ в кредитах нашей компании, это понятно. Но ведь мы с тобой можем выступить не от имени Оружейной компании Лавровых, а просто как обычные граждане. Понятно, что в тех банках, где мы уже были, с нами разговаривать не станут, но на Титане есть небольшой банк, РКСТ – Русский кредитный союз Титана. У меня там с давних времен открыт счет. В этом банке обслуживается Колониальный Технологический, вот и я для удобства стал их клиентом.

Я смотрел на профессора и не мог поверить в происходящее. Осторожный и консервативный Иван Герхардович поразил меня своим «мы с тобой», когда заговорил о кредите.

– Профессор, я не ослышался? Вы хотите выступить заемщиком вместе со мной?

– Ну, наверное, все-таки не заемщиком. На это я еще не созрел. Но залогодателем и поручителем я стать готов. Не забывай, мне ведь тоже принадлежит

двадцать процентов в нашем патенте по астероидной горячке, а я, хоть и старый жадина и карьерист от науки, в душе прекрасно понимаю, кто на самом деле главный в этом патенте. Но дело не только в этом, Игорь. Я не хочу, чтобы твое начинание провалилось. Я хорошо помню твои слова, которыми ты убедил меня перейти на работу в твою фирму. Лет через десять я бы хотел вернуться домой на Титан и снова учить студентов Колониального Технологического. Но для этого нужно, чтобы было куда возвращаться. Так что на мою долю в качестве залога можешь рассчитывать, а это дополнительные миллионов тридцать, как я понял.

В отличие от всех остальных банков, с которыми мы общались исключительно через сеть, в РКСТ мы с профессором решили явиться лично. Перелет до Титана много времени не потребовал, и уже на следующий день мы с Иваном Герхардовичем сидели в кабинете управляющего. Профессор оказался давним и уважаемым клиентом РКСТ. На его счет регулярно падали отчисления по патенту, тратить которые Иван Герхардович не очень торопился, так что банк таким клиентом был весьма доволен.

Выслушав нас и посмотрев документы, управляющий улыбнулся.

– Господа, я надеюсь, вы понимаете, что процентная ставка по потребительскому кредиту будет выше, чем если бы вы обратились ко мне, как представители компании?

– Конечно, господин Камский, мы отдаем себе в этом отчет, – ответил я на его намек, что он в курсе ситуации вокруг Оружейной компанией Лавровых, – однако в настоящий момент идея обращаться к вам от имени фирмы не кажется нам удачной.

– Я думаю, вы правы, и очень хорошо, что вы обратились именно к нам. Вдвойне правильно вы

поступили, прибыв в банк лично. Сейчас нас с вами точно никто не слышит, поэтому я позволю себе быть откровенным. Вы очень заинтересовали наш совет директоров, господин Лавров. Мы видим, как вы добиваетесь своих целей и видим результаты, прежде всего финансовые, такова уж наша специфика, которые могут принести ваши усилия. По известным причинам мы не смогли бы выдать кредит Оружейной компании Лавровых, но вам лично, как простому гражданину Федерации, жителю Титана и кавалеру Золотой Звезды и Железного Креста, мы пойдем навстречу. Предложенный вами залог нас более чем устраивает. Такой патент мы всегда сможем реализовать, если ваше начинание окажется несостоятельным. Но, выдавая такой кредит, мы хоть и не вступаем формально в конфликт с известными вам силами, все же несем определенные риски, связанные с их возможной реакцией на помощь вам. Поэтому мы бы хотели от вас взаимной услуги.

– Я вас внимательно слушаю, Иван Денисович.

– Если в результате нашего сотрудничества Оружейная компания Лавровых получит доступ к государственным заказам и займет достойное место на рынке вооружений, мы бы хотели, чтобы она перешла на обслуживание в наш банк. От вас мне достаточно простого обещания.

– А как вы думаете, Иван Денисович, в какой банк я бы привел свою компанию после того, как из всех тех, к кому я обратился, лишь один вошел в мое положение и согласился помочь? Мне даже не нужно ничего обещать вам. Я и так собирался поступить именно таким образом.

– Ну что ж, господа. Тогда мы можем переходить к формальностям.

Генерал-лейтенант Шиллер выслушал меня с мрачным выражением лица. Я не стал ничего от него скрывать. Этот человек уже не раз помогал мне, и я не ждал от него удара в спину.

– Младший лейтенант, – хмуро сказал он, когда я замолчал, – ты сильно рискуешь. Эти люди шутить не будут. Ты уверен, что все учел?

– Я рискую сильнее, чем на Лейтене-5, господин генерал?

– Не притворяйся дурачком, Лавров. Это разные риски. Никто убивать тебя не будет, по крайней мере, своими руками. Но ты начал дело, которое не имеешь права завалить. Надеюсь, ты понимаешь это не хуже меня. Вот только руководству ГВИ на твои мотивы плевать. Я не знаю, что они там себе думают, но жадность, по-моему, совсем застила им глаза. И я догадываюсь, каким будет их следующий шаг. Если ты представишь комиссии что-то стоящее, их лоббисты настоят на боевых испытаниях перед заключением госконтракта, и тебя с твоими людьми и новой техникой пошлют в такое место, откуда вы гарантированно не вернетесь. Ты к этому готов?

– Я подозревал что-то подобное. Значит, придется пройти и через это.

– Ты настолько в себе уверен?

– Уверен. И в себе, и в своих людях, и в курсантах ВВУ Планетарного Десанта, которых хочу у вас попросить на время госприемки моего нового оборудования. То, что мы представим на полигонные испытания, будет достаточно прорывной технологией, чтобы заинтересовать комиссию, но мы покажем им не все. Кое-что я припрячу в рукаве, чтобы достать этот козырь во время испытаний в бою, в каких бы тяжелых условиях они ни проводились. Мы справимся.

– Кому другому я бы не поверил, но тебя я знаю, как офицера, который зря говорить не будет. Я постараюсь

помочь тебе, младший лейтенант. Но это решение нужно будет согласовать с попечительским советом. Во всяком случае, с его главой. Я думаю, генерал армии Васнецов, меня поддержит.

До начала занятий в академии у меня оставался всего месяц. Все это время, с момента награждения Золотой Звездой, я считался находящимся в отпуске, ведь училище я уже досрочно закончил, а приказ прибыть в академию предписывал мне явиться туда лишь двадцатого июня. Ну и положен мне был отпуск, к ордену прилагался.

Почти весь этот месяц я провел, мотаясь между столицей и Ганимедом, где Джефф с четверкой наших студентов-инженеров безвылазно ковырялись в училищной ремзоне. Генерал меня не подвел, да и Васнецов оказался мужиком с понятием. Во всяком случае, технику мне выделили наименее потрепанную. Пару раз Шиллер лично спускался к нам в ангар и молча смотрел на наши мучения, не вмешиваясь в процесс, а на следующий день так же, не говоря ни слова, прислал нам в помощь бригаду из трех училищных техников. Работы предстояло еще море, ведь мы собирались оснастить нашими новыми станциями РЭБ не только боты и Варанов, но и бронескафандры десантников. Гулять, так гулять. Все компоненты десантного взвода должны соответствовать новым требованиям незаметности.

К концу месяца я сумел немного перевести дух, когда понял, что ребята под чутким руководством лейтенанта Джеффа и профессора Штейна сумеют довести начатое до конца и без моего непосредственного участия, а девятнадцатого июня я улетел в столицу. Меня ждала академия Генштаба.

Седой полковник, которому я доложился о прибытии, с удивлением бросил взгляд на мои погоны младшего лейтенанта, но разглядев квалификационный шеврон, Золотую Звезду и Железный Крест, от комментариев воздержался и молча принял мои документы. Сверившись со списками в своей планшете, он скинул мне ключ-код от моей новой комнаты и инструкции куда-когда прибыть для участия в церемонии представления слушателей начальнику академии. На этом формальности завершились, чему я был несказанно рад.

В академии Генерального штаба к слушателям относились совершенно не так, как в училище к курсантам. Ну, еще бы, все мы были офицерами с немалым боевым опытом, отличившиеся в боях и успевшие покомандовать достаточно серьезными частями и подразделениями. Комната моя напоминала номер в хорошей гостинице. Как оказалось, и сервис здесь был практически таким же. Питались мы в столовой, не уступавшей иным ресторанам по интерьеру и вышколенности официантов. Будущую элиту вооруженных сил Федерации здесь ценили. Ну и, естественно, никакого казарменного положения с увольнительными и прочей милой ерундой здесь не практиковалось. От слушателя требовалось вовремя являться на занятия и экзамены, остальная его жизнь никак не регламентировалась, за исключением чрезвычайных ситуаций, естественно.

На церемонии на меня откровенно косились. Офицеров в звании ниже капитана я здесь ни разу не видел, а вот подполковников среди слушателей встретил больше десятка, дальше сбился и бросил их подсчитывать.

Речь начальника академии генерала армии О'Салливана меня не впечатлила. Чувствовалось, что пожилой ирландец уже давно не военный, а, скорее,

администратор. Что ждет нас в этих стенах, я знал и так, проходили уже, так что слушал я вполуха.

После церемонии все дружно двинулись в нашу столовую-ресторан на праздничный ужин по случаю начала обучения в академии. Я здесь ни с кем познакомиться еще не успел, поэтому скромно занял место за одним из крайних столиков и стал ждать развития событий. События не замедлили развиться.

За мой столик, пробухтев что-то не вполне внятное, долженствующее, видимо, означать «Вы не против, младший лейтенант?» непринужденно плюхнулись два майора и капитан. Судя по их поведению, они давно знали друг друга. Осталось понять, что им нужно от меня, ведь свободных столиков еще оставалось достаточно.

– Здравия желаю, господа офицеры, – первым поздоровался я, как младший по званию, – вскакивать и отдавать честь я, естественно, не стал, не та обстановка.

– Здравствуй, здравствуй, младший лейтенант, – ответил один из майоров, выделявшийся выразительным двойным подбородком. Возможно, я ошибался, но мне показалось, что он находится под действием какого-то слабого наркотика. Спиртным от майора не пахло, но мало ли всякой дури можно купить в столице...

Я удивленно посмотрел на него и спросил:

– Господин майор, а разве мы с вами на ты?

– Да брось, младлей, не тушуйся. Здесь же праздничный ужин, неформальная обстановка... – вступил в разговор второй майор, выглядевший заметно более подтянутым и спортивным, чем его товарищ.

– Господа, – не принял я панибратского тона офицеров, – у вас ко мне какое-то дело? Если вам просто столь сильно приглянулся этот столик, я могу пересесть, мне не сложно.

- Скажи, младшей лейтенант, - присоединился к беседе невысокий капитан, выглядевший на несколько лет младше майоров, - как в таком возрасте и в таком звании можно стать слушателем академии Генштаба? Вот мы с товарищами поспорили, чей ты протеже, да так и не пришли к общему мнению. Лет тебе хорошо если восемнадцать, хотя выглядишь ты еще младше. Но повоевать уже успел, причем, судя по шеврону, повоевать неслабо. Золотая Звезда за что?

- Лейтен-5, - коротко ответил я, не желая развивать беседу, но и не провоцируя конфликт.

- Ну, там-то все несложно получилось. Наши стратеги ожидали гораздо больших потерь. Ну да ладно, а Железный Крест? Это ведь солдатская награда, хоть и высокая.

- Каптейн. Спасательная операция в ничейной зоне.

- Ты немногословен, младлей, - опять вмешался толстый майор, - не хочешь с нами разговаривать?

- А вы как думаете, господа офицеры? Я с вами не знаком, вы садитесь за мой столик, даже не поинтересовавшись, хочу ли я вас здесь видеть, начинаете разговаривать со мной, как со старым знакомым, с которым уже не одно ведро выпито, и даже не представившись, задаете откровенно провокационные вопросы. Вам самим-то понравилось бы все это?

- Ну, младлей, ты нахал. Ты младше нас на несколько званий и на десяток лет. Кто первым должен представляться?

- То, кто напрашивается на знакомство, я полагаю. Обстановка, как вы правильно заметили, неофициальная.

- Просто ответь на вопрос, кто тебя сюда протолкнул, и мы уйдем. Ничего больше нам от тебя не нужно, и сам ты нам не интересен, - уже более жестким голосом произнес капитан, и по его движениям и

интонациям мне окончательно стало ясно, что без какой-то химии в крови у него тоже не обошлось.

– Господа офицеры, вы не находите, что ваши слова выходят за допустимые рамки приличий? – показал я, что тоже неплохо умею подпускать в голос стали.

– Просто ответь на вопрос, – это уже майор с бинарным подбородком.

– Счастливо оставаться, господа. Что-то это место перестало быть мне интересным, – я поднялся и направился к выходу. В конце концов, поужинать я мог и в своей комнате, да и дел у меня еще на сегодня хватало.

Толстый майор дернулся было за мной, но капитан молча придержал его за руку и тихо произнес:

– Младлей, ссориться с нами очень вредно для дальнейшей карьеры. Запомни это хорошенько. Скоро ты в полной мере ощутишь справедливость этих слов на себе.

Я не стал реагировать. Зачем? Ну, обкололись идиоты на радостях какой-то химотой. Проспят и все пройдет. Однако, не прошло.

Я всегда знал, что судьба – очень ироничная дама, и ирония ее иногда принимает самые неожиданные формы. Когда на первом же занятии по стратегическому управлению войсками я увидел нашу группу целиком, я даже как-то не удивился трем нагло ухмыляющимся физиономиям, которые имел счастье лицезреть за своим столиком вчера вечером. Нет, я все-таки обладаю выраженными магнетическими свойствами по части притягивания приключений на свою генеральско-лейтенантскую задницу. И ведь в прошлой жизни таким же был...

– Господа офицеры, – моложавый генерал-полковник Свирский, наш преподаватель по стратегии, обвел группу внимательным взглядом, – сегодняшнее занятие

вводное. Мы разберем с вами последнее крупное сражение, в котором, наша армия и флот остановили наступление врага, но, к сожалению, понесли большие потери и были вынуждены оставить систему звезды Глизе-338. На примере этого сражения я познакомлю вас с нашим учебно-тренировочным оборудованием, моделирующим стратегическое управление наземными войсками и флотом. В конце занятия каждый из вас выполнит задание, которое продемонстрирует вам всю сложность и многогранность управления крупными войсковыми соединениями. Это задание не будет контрольным, и не будет оцениваться, оно лишь поможет вам освоиться с тренажерным комплексом. Но результаты ваших усилий мы разберем. Вам предстоит выступить в роли одного из командующих в том самом сражении за Глизе, а потом мы сравним ваши результаты с тем, что получилось в реальном бою, но об этом позже.

И генерал рассказал нам о том, что же на самом деле произошло в системах звезд Глизе и Грумбридж, со всеми деталями, которые не просачивались в сетевые новости и даже в специальные сводки с фронтов, предназначенные только для офицеров. Здесь, в академии Генштаба, наш допуск к информации был неизмеримо выше, чем у большинства офицеров за ее стенами. А произошло очень нехорошее. Системы оказались совершенно не готовы к отражению массированного удара противника.

Вокруг тусклого красного светила, компонента А двойной звезды Глизе-338, обращалось почти полтора десятка разнокалиберных планет, три из которых уже лет тридцать, как подверглись частичному терраформированию. Опираясь на них, вооруженные силы Федерации и выстроили основные узлы обороны системы. Орбитальные крепости, построенные пятнадцать лет назад и с тех пор пару раз

модернизированные, представляли собой достаточно серьезную силу, чтобы не опасаться захвата планет внезапным ударом. Над каждой из основных планет их висело по четыре штуки. Флот из пяти линкоров, десятка крейсеров, двух авианосцев и полусотни эсминцев и корветов представлялся достаточно сильным для придания обороне необходимой гибкости. Кварги регулярно пытались прорываться подходы к Глизе, как и к ее соседке, системе звезды Грумбридж, но серьезных атак никогда не предпринимали. Тем не менее, седьмой флот Федерации развернул в окрестностях обеих звезд густую сеть мобильных систем контроля пространства и даже патрулировал дальние подступы, используя несколько десятков самых современных корветов, оснащенных пока еще очень дорогими и не слишком надежными сканерами гиперполя, теоретически способными обнаруживать еще не вышедшие из прыжка корабли противника.

При авральной подготовке контрнаступления на Лейтен-5 в усиление пятому ударному флоту придавали множество дополнительных сил, но силы эти требовалось откуда-то взять. В результате система обороны Глизе и Грумбриджа лишилась большинства как раз тех самых современных кораблей, которые обеспечивали разведку дальних подступов. Сделанный позже анализ позволил с высокой вероятностью предположить, что кварги использовали в этом наступлении свои последние разработки в области маскировки кораблей, оказавшиеся процентов на десять-пятнадцать эффективнее всего того, с чем флот Федерации сталкивался до сих пор. Сочетание этих двух факторов привело к тому, что появление эскадры кваргов в системе Глизе седьмой флот проспал.

Внезапность удара позволила кваргам застать основные силы флота Федерации в состоянии средней боевой готовности и, главное, рассредоточенными по

системе. Это привело к необходимости вводить группы кораблей в бой по частям, что позволило кваргам создавать точки локального перевеса в силах, иногда доходившего до соотношения один к десяти. Флот кваргов, и так превосходивший силы Федерации по тяжелым кораблям и авианосцам минимум вдвое, получил решающее преимущество, и к моменту, когда бой переместился на высокие орбиты планет, под прикрытие орбитальных крепостей смогла встать уже только треть от начального состава седьмого флота.

У Грумбриджа ситуация складывалась похожим образом, но там кварги обладали заметно меньшими силами. Впоследствии военные аналитики пришли к выводу, что удар на этом направлении был отвлекающим и сковывающим. Он преследовал цель не дать людям перебросить подкрепления к атакуемым планетам в системе Глизе, но даже в таком ослабленном виде атака на Грумбридж привела к серьезным потерям и разрушениям.

Тем временем прижатый к планетам и орбитальным крепостям седьмой флот продолжал сопротивление, хотя результат сражения уже был предрешен. На планетах дислоцировались довольно значительные силы наземных войск, но они мало чем могли помочь своим погибающим товарищам в космосе. Предел возможностей их огневых средств – низкие орбиты. Пусковые установки противоракет ждали своего часа, когда по коридорам, пробитым в боевых порядках обороняющихся, на планеты пойдет десант кваргов. Час этот наступил достаточно быстро, несмотря на то, что седьмой флот погиб весь, до последнего корабля, пытаясь не дать врагу расчистить путь вниз, на планеты. После гибели мобильных космических сил орбитальные крепости превратились из опорных пунктов обороны в мощные малоподвижные корабли, еще долго отбивавшиеся от атак противника,

но уже неспособные предотвратить высадку десанта и, главное, помешать флоту противника наносить с низких орбит удары по наземным войскам. Размещенные на поверхности противоорбитальные средства в таких условиях кварги выбили довольно быстро, не считаясь с потерями, которые, в итоге, оказались такими уж и большими. А дальше планетарные силы уже ничего не смогли противопоставить высадившимся войскам противника. Их узлы сопротивления кварги просто обходили, а потом уничтожали с орбиты. Так бывает всегда, когда космос над планетой безраздельно контролирует одна из воюющих сторон.

Генерал Свирский замолчал, и в аудитории повисла гнетущая тишина. Все присутствующие здесь офицеры хорошо знали, что такое настоящий бой и живо представляли себя на месте погибающих товарищей, сознающих, что их смерть уже не может ничего изменить в сложившейся безнадежной ситуации.

– После боя ход сражения был тщательно проанализирован, как аналитиками, так и специализированными компьютерными программами, – вновь заговорил Свирский, – Очевиден, и не ставится под сомнение провал разведывательных мероприятий, в результате которого выход флота противника из гипера внутри системы Глизе оказался для сил обороны полной неожиданностью. По идее, их должны были обнаружить еще на предыдущем всплытии в окрестностях системы или незадолго до последнего выхода. Но получилось так, как получилось. А вот дальнейшие действия сил флота и планетарной обороны оцениваются аналитиками достаточно высоко. Мобильными космическими силами командовал адмирал Беркович, а после его гибели вице-адмирал Стравинский. Боевая эффективность их управления обороной оценивается в восемьдесят два процента от лучшего результата, полученного компьютерным анализом различных

сценариев хода сражения. Наземные войска имели заметно меньшее поле для маневра и принятия решений, будучи изначально поставлены в практически безнадежное положение. Планетарной обороной четвертой, пятой и седьмой планет системы командовали генерал-лейтенанты Сандерс, Левински и Григорьев, соответственно. Их боевая эффективность колеблется в пределах от семидесяти до семидесяти пяти процентов от оптимума. В любом случае, по всем проанализированным сценариям, даже при оптимальном управлении флотом и наземными войсками, систему Глизе-338 мы бы потеряли.

Что было дальше, я знал и так. Потрепанный в бою за Лейтен-5 пятый ударный флот, спешно переброшенный к атакуемым системам, вышел сначала к Грумбриджу. Кварги бой принимать не стали и спешно покинули пределы системы, совершив прыжок в сторону Глизе. А когда адмирал Нельсон привел свои корабли туда, стало ясно, что помогать здесь уже некому, система полностью захвачена противником и спешно готовится к обороне. Прикинув соотношение сил, Нельсон запросил командование о дальнейших действиях и получил приказ возвращаться к Грумбриджу.

– Итак, господа офицеры, с ходом сражения я вас ознакомил, – продолжил Свирский, – теперь перейдем к практической части нашего занятия, для чего пройдемте в помещение тренажера стратегического сценарного моделирования.

Соседнее с нашей аудиторией помещение оказалось обширным залом, в центре которого перед рядами кресел размещался большой проекционный экран, на котором сейчас крутилось объемное изображение логотипа академии, а по периметру стояли серо-стальные кубы какого-то оборудования. Как оказалось, именно они и являлись главной изюминкой этого места.

Генерал Свирский что-то нажал на экране своего планшета и в кубах открылись двери.

– Господа офицеры, занимайте места в тренажерах. Все объяснения вы получите уже внутри.

Тренажер оказался весьма интересным приспособлением. Изнутри он напоминал нечто среднее между командным постом корабля и салоном командно-штабной машины планетарных войск. Из пояснений Свирского мы уяснили, что занимавший половину свободного пространства стол является, по сути, огромным командирским планшетом, на который в зависимости от необходимости выводится трехмерная тактическая проекция, окна связи с подразделениями и частями, различные диаграммы и графики, отражающие текущее состояние и передвижения войск, цифры потерь и прочая необходимая информация.

Команды частям и подразделениям, как и в реальной жизни, можно было отдавать голосом или перемещая пиктограммы на тактической проекции. Тренажер самостоятельно генерировал доклады нижестоящих командиров и всячески имитировал реальное управление боем, а на занимавшем всю стену над столом-планшетом объемном экране отображался ход моделируемого сражения, в котором при желании можно было выделить любую деталь или подробность. В общем, разобраться с интерфейсом особого труда не составило. Когда все слушатели подтвердили готовность к получению учебной задачи, мы вновь услышали голос генерала Свирского:

– Сейчас, господа офицеры, вы все получите одинаковую задачу, на выполнение которой у вас уйдет от двух до трех часов реального времени. Я говорю про реальное время, поскольку моделируемое нами сражение длилось трое суток, но у нас нет возможности провести в тренажерах три дня. Поэтому отрезки битвы между принятием вами ключевых решений и отдаaniem

необходимых приказов вы сможете просматривать в ускоренном режиме. Все действия наших войск и противника тренажер подробнейшим образом моделирует исходя из накопленной нами и обработанной аналитиками обширной статистики боевых столкновений с кваргами. Тактика противника нам известна, как и то, что кварги крайне редко отступают от своих тактических шаблонов, что, безусловно, упрощает нам задачу моделирования боя. Итак, каждый из вас через пару минут окажется в роли генерал-лейтенанта Сандерса, руководившего планетарными войсками на Глизе-4. Вы окажетесь в ситуации, сложившейся на момент появления флота кваргов в системе. Помимо планетарных войск вам будут подчинены все четыре орбитальные крепости и та часть седьмого флота, которая в реальном сражении оказалась на орбите Глизе-4 в момент подхода к планете космических сил кваргов. Ну и гражданская администрация планеты тоже подчиняется вам, если вам вдруг от нее что-то понадобится. В остальном, вне рамок вашего влияния, сражение будет проходить так, как оно шло в реальности. Ваша задача состоит в нанесении противнику максимального урона. Я надеюсь, вы сможете приблизиться к результатам, достигнутым героически погибшим в этом сражении генерал-лейтенантом Сандерсом. Приготовьтесь, господа, через тридцать секунд будет включен режим боевого моделирования.

Экран перед моими глазами мягко засветился и отобразил тактическую проекцию. В правом верхнем углу уже тревожно бежали столбцы информации о силах кваргов, вторгшихся в систему.

Я окинул взглядом карту предстоящих боевых действий и вывел на экран список имеющихся в моем распоряжении войск. В подчинении у меня оказался пехотный корпус, усиленный двумя дивизионами

тяжелых роботов Бизон-К4. Кроме того, я располагал четырьмя десятками мобильных пусковых установок противоракетных ракет и почти тремя сотнями бортов атмосферных истребителей и штурмовиков. Это непосредственно на планете. А еще четыре орбитальных крепости, к которым впоследствии должны присоединиться сильно побитый линкор, почти мертвый авианосец, сравнительно неплохо сохранившийся крейсер и еще десяток кораблей поменьше.

Насколько я помнил из доклада генерала Свирского, кварги прижмут остатки седьмого флота к планетам примерно через шесть часов. Я надеялся, что этого времени мне хватит на реализацию задуманного плана. Я смотрел на список своих войск и отчетливо понимал, какая это грозная сила. Но я помнил, что восемьдесят процентов планетарных сил погибли на Глизе-4 не в бою с десантом кваргов, а от орбитальных ударов. Сейчас в моем распоряжении находились войска, численно лишь в полтора раза уступающие всем десантным силам, которые кварги притащили с собой в систему, и если я хотел достичь приемлемого результата, я должен был заставить врага сражаться с ними в равных условиях, а еще лучше в тех, которые противнику навяжу я.

В моей прошлой жизни мы вели войну с жабами уже так долго, что за это время каких только боевых ситуаций не случилось. Имелся в нашей военной истории и похожий, хоть и не во всем, случай. Схожесть заключалась в том, что при обороне планеты наземная группировка оказалась очень сильной, а орбитальная оборона, наоборот, почти никуда не годилась. Принятое тогда командиром планетарных сил решение до сих пор считается нашими аналитиками спорным, но тогда оно сработало, а победителей, как известно, в карцер не

сажают. И сейчас я решил, что воспользоваться опытом моего прошлого будет совсем не лишним.

– Орбитальным крепостям начать маневр смены позиции, – отдал я свой первый в этом виртуальном сражении приказ, подкрепив его указанием на тактической проекции новых точек дислокации моего самого грозного космического оружия. «Выгонят нахрен», постучалась мне в голову оптимистичная мысль, но я задвинул ее в соответствующее место за плинтусом.

Вызвав на экран карту планеты, я начал отдавать своим войскам приказы на смену позиций. Закончил я распоряжением главе гражданской администрации начать эвакуацию населения в указанный мной квадрат и даже выделил ей в помощь транспортный батальон. Занял у меня этот процесс минут десять, после чего я активировал режим ускорения условного времени. Еле видимое движение тяжелых и неуклюжих орбитальных крепостей превратилось в стремительный полет, отметки наземных войск и частей атмосферной авиации заметались по экрану с бешеной скоростью, а цифры на часах понеслись вскачь. Через две минуты я остановил бешеный бег времени и оказался уже в совершенно новой стратегической ситуации.

С точки зрения человека, которому поручили оборону планеты, мои действия выглядели грандиозной глупостью, если не преступлением. Фактически, я без боя сдавал планету врагу. Но ведь и так было ясно, что кварги планету захватят, так зачем сжигать свои и без того невеликие космические силы в заведомо безнадежной попытке не дать им высадиться? Я решил поступить иначе.

Стандартным расположением четырех орбитальных крепостей считалось их размещение в вершинах тетраэдра, в который вписан шар планеты. Но такая схема хороша для защиты всей поверхности и

эффективна при наличии серьезных сил флота, для которых крепости играют роль узлов обороны. В данном случае флота у меня практически не имелось, а висящие на большом удалении орбитальные крепости не могли оказывать друг другу ощутимую поддержку. Достаточно крупная эскадра противника вполне может связать крепость боем до такой степени, что она потеряет способность контролировать низкие орбиты в своей зоне ответственности, что в реальном сражении за Глизе-4 и произошло. Мощные и хорошо вооруженные крепости не смогли оказать существенного влияния на ход боя. Я же решил использовать их все вместе. Выбрав на поверхности планеты сравнительно небольшую территорию, наиболее насыщенную складами боеприпасов, стационарными системами противокосмической обороны и прочей военной инфраструктурой, я приказал крепостям сменить текущие точки привязки и выстроиться квадратом над этим участком поверхности. Сюда же я передислоцировал весь свой корпус со средствами усиления, а в самый центр защищенного участка стянул гражданское население планеты, кого успел, конечно. Все пришедшие к планете корабли заняли места внутри квадрата орбитальных крепостей, усилив и без того довольно плотную оборону.

Смысл моих маневров основывался на довольно простой идее. Если я имею мощную планетарную группировку, сравнимую по силе с вражеской, то зачем мне тратить силы на попытки не допустить высадки вражеского десанта? За это есть только один аргумент – защитить мирное население. Этот аргумент более чем серьезен. Но если посмотреть на реальное соотношение сил, он оказывается несостоятельным. В попытках защитить всех, мы неизбежно всех теряем, а в моем варианте есть шанс спасти хотя бы часть людей, тех, кто успеет эвакуироваться. Главный же резон в моих

действиях заключался в том, чтобы не дать врагу во время сражения бить по моим войскам с орбиты, а наоборот, иметь над головой свои корабли. В таких условиях кваргам будет совсем не просто сковырнуть мой плацдарм. Именно плацдарм, поскольку и мы, и кварги прекрасно знаем, что где-то там, в изнанке пространства, надрывая двигатели и скрепя зубами, рвется сейчас к атакованным системам пятый ударный флот, для которого подконтрольный войскам Федерации кусок поверхности планеты будет ой как полезен при организации контрнаступления.

Сражение началось. Сейчас от моих приказов мало что зависело. Каждый солдат знал свой маневр, и бой раскручивался без моего участия. Я вновь запустил ускоренный режим. Кварги молниеносно высадили десантные силы и, не обращая пока внимания на попрятавшихся жителей, резво рванули в атаку. И умылись кровью. Встретивший их шквал огня из тяжелого оружия смешал с грунтом боевые порядки передовых частей. Немалую роль в этом процессе сыграли зависшие над нашими головами орбитальные крепости и корабли. Тогда кварги решили зайти с другой стороны. Они отвели для перегруппировки высаженные на поверхность части, а сами ударили по нашему орбитальному зонтику силами флота. Результат им не понравился. Одно дело связывать боем одинокую орбитальную крепость, которую пытаются прикрыть несколько сильно побитых в предыдущем сражении кораблей, и совсем другое стоять под сложенными залпами четырех свеженьких бронированных громадин, способных, сосредоточенным огнем выбить из боя линкор за десяток минут.

Я посмотрел на хронометр. К этому моменту в реальном сражении кварги уже раскололи корпус Сандерса на части и добивали сохранившие боеспособность подразделения с орбиты. Конечно,

остатки войск пытались сражаться еще двое суток, но это уже больше напоминало партизанские действия. Сопротивление на пятой и седьмой планетах, где численность войск Федерации была меньше, чем на Глизе-4, окончательно подавили уже в течение первых суток, и я ждал, что в ближайшее время кварги стянут к моему плацдарму силы со всей системы.

Так и вышло. Замешкавшиеся было космические силы кваргов, получив пополнение за счет кораблей, пришедших от пятой и седьмой планет, перешли в атаку одновременно с новой попыткой наземного штурма. Их замысел не блистал затейливостью, но ему было столь же трудно противостоять, как удару железного лома. Крепостям и кораблям стало, мягко говоря, не до поддержки наземных сил. В них летело столько смертоносного железа, что противоракетные системы и скорострельные пушки непосредственной обороны едва успевали уничтожать хотя бы наиболее опасные цели. Часть снарядов и ракет все равно рвалось на толстой броне крепостей, а иногда перепадало и кораблям. Первым не выдержал сильно пострадавший в предыдущем бою авианосец. Выпустив в космос немногочисленные оставшиеся в строю истребители своего авиакрыла, он сначала медленно, а потом все быстрее начал сходиться с орбиты и сваливаться в гравитационный колодец планеты. От крепостей приходили отчеты о многочисленных повреждениях, линкор почти прекратил огонь и был вынужден прикрыться корпусом одной из крепостей. Крейсер еще сражался, но, судя по всему, с каждой минутой ему становилось все сложнее оставаться в строю. Кваргам тоже доставалось, причем доставалось крепко. Их вымпелы на тактической проекции гасли один за другим. Все-таки четыре стоящих по космическим меркам борт к борту орбитальных крепости способны выдать в едином залпе такую

плотность огня, которая любому тяжелому кораблю покажется адом.

А на поверхности разворачивался штурм нашего укрепрайона. Кварги стянули на Глизе-4 войска с уже захваченных планет, и перешли в решительное наступление. Их численный перевес, конечно, сказывался, но без поддержки с орбиты это были уже совсем не те кварги, что с легкостью громили корпус Сандерса в реальном сражении. Мы держались. Бизоны показали себя очень хорошо. Здесь мне пришлось замедлить бег времени почти до нормальной величины и лично руководить тактикой дивизионов тяжелых роботов, затыкая намечающиеся прорывы. Ни о каких контрударах мы даже не помышляли. Высовываться из-под орбитального зонтика моим войскам категорически не следовало, но за свою территорию мы держались зубами.

И в какой-то момент кварги выдохлись. Да, нам это стоило почти всей орбитальной группировки. Теперь наш сжавшийся почти вдвое плацдарм прикрывали руины двух еще как-то державшихся крепостей, уже почти неживой линкор и сильно поврежденный крейсер. Больше никого не осталось. В сражении на планете погибли три четверти Бизонов, численность пехотного корпуса сжалась до неполной дивизии, а от трехсот атмосферных истребителей и штурмовиков осталось два десятка готовых к бою машин. Но и кварги кончились. Видимо, их понятия о стратегии и тактике не позволяли им бросать в бой последние силы. Они должны были понимать, что люди не оставят ситуацию, как есть, и контрудар по Глизе-338 более чем возможен.

Я глянул на хронометр. С момента начала атаки прошло уже пять дней. Я ускорил бег времени и на восьмой день нашего стояния на плацдарме сканеры наименее пострадавшей крепости засекли выход из

гипера кораблей пятого ударного флота адмирала Нельсона.

Тактическая проекция погасла, на ее месте появилась крупная надпись «Время истекло. Выполнение учебной задачи остановлено». Я посмотрел на часы. Внутри тренажера я находился уже три с половиной часа. Больше, чем генерал Свирский отвел нам на выполнение задачи. Я открыл дверь и вышел в зал. Все мои товарищи по группе уже сидели в креслах напротив проекционного экрана и внимательно слушали, как генерал комментирует действия очередного офицера. Я тихо подошел, занял свободное место в последнем ряду и попытался вникнуть в суть происходящего.

– Итак, майор Линден, – не слишком довольным голосом обратился Свирский к стоящему у экрана моему вчерашнему знакомцу с двойным подбородком, – ваша боевая эффективность ниже сорока пяти процентов. Вы поняли, в чем была ваша ошибка?

– Пока нет, господин генерал-полковник, – ответил Линден, обозначив легкое пожатие плечами, что, на мой взгляд, при такой разнице в званиях являлось поведением совершенно недопустимым, – в соответствии с задачей я стремился нанести максимальный урон врагу.

К моему удивлению, генерал оставил жест майора без внимания, как будто вообще его не заметил.

– Вы провели контрудар по высадившимся войскам противника в ситуации, когда этого ни в коем случае нельзя было делать, майор, – терпеливо объяснил Свирский, – вы не имели возможности обеспечить прикрытие ваших Бизонов с воздуха и не провели предварительную разведку сил противника. В результате вы лишились девяноста процентов тяжелых роботов, а ваши войска понесли большие потери,

добившись лишь локального успеха и не нанеся врагу адекватных потерь. Вам все ясно, майор Линден?

– Так точно, господин генерал-полковник, – сказал Линден с кислым выражением лица. Было видно, что слова Свирского ему не интересны. Кто же он такой, все-таки, если позволяют себе такое поведение со старшим по званию и не боится последствий?

– Займите свое место в зале, майор. Перейдем к следующему полководцу, – с легким сарказмом произнес генерал, посмотрев на меня, – я вижу, мы уже в полном составе. Что-то вы задержались, младший лейтенант. Режимом ускоренного времени стоило пользоваться активнее.

– Так точно, господин генерал-полковник, – ответил я вскакивая.

– Не тянитесь, младший лейтенант, – усмехнулся генерал, – вы в академии Генштаба. Здесь не плац. Вы такой же слушатель, как и остальные офицеры. Вам ясно?

– Так точно, господин генерал-полковник, – ответил я уже более свободно, – разрешите объяснить причину задержки?

– Не нужно, младший лейтенант, мы сейчас сами все увидим, – произнес генерал и совершил некую манипуляцию со своим планшетом.

На экране возникла тактическая проекция, отражающая начальную фазу сражения. Генерал запустил ускоренное время, и объекты на ней пришли в движение. С удивлением отследив передислокацию крепостей и войск, генерал остановил воспроизведение.

– Что это значит, младший лейтенант? Что вы сотворили?

– Передислоцировал войска на укрепленный плацдарм и обеспечил над ним прочный зонт орбитальной обороны. В центральную часть плацдарма провел эвакуацию части населения планеты.

- Это я и без вас вижу, - раздраженно произнес генерал Свирский, - вы понимаете, что мы здесь не в игрушки играем, младший лейтенант? - вы, вообще, осознаете, что вы сделали? Вы оголили оборону целой планеты, бросив ее население, которое мы давали присягу защищать всеми силами. Вы это понимаете?

- Так точно, господин генерал-полковник. Именно исходя из этого понимания я и действовал.

- Объяснитесь!

- При текущем соотношении сил защитить всю планету невозможно. Это показывают все расчеты. Мы можем стоять насмерть, что блестяще показал героически погибший генерал-лейтенант Сандерс, но мы не в состоянии защитить планету и все ее население. Я преследовал две цели: спасти ту часть населения, которая успеет эвакуироваться на плацдарм, и не дать кваргам расстреливать мои войска с орбиты, а заставить их пойти на штурм в невыгодных условиях.

- Сейчас я включу воспроизведение, младший лейтенант, - ледяным голосом произнес генерал, - и если то, что я увижу, меня не убедит, я буду вынужден сделать выводы о степени вашего соответствия статусу слушателя академии.

Изображение на экране пришло в движение. Беспрепятственно высадившиеся на поверхность кварги пошли в атаку. Иногда генерал включал ускоренное время, но в целом мы потратили на просмотр виртуального сражения около пяти часов. За окнами уже давно стемнело, в наш зал пару раз заглядывали какие-то офицеры, но увидев мрачное лицо генерала, тихо исчезали, прикрывая за собой дверь. За это время Свирский не произнес ни слова. Когда сканеры полуразрушенной орбитальной крепости засекли в системе корабли пятого ударного флота, воспроизведение остановилось в связи с окончанием

времени, выделенного на выполнение задания. Полковник все так же молча что-то сделал в планшете, и изображение вновь ожило, разворачивая перед нами цепь событий, так и не состоявшихся в нашей реальности.

Генерал-полковник Свирский смотрел на экран, сжав кулаки. По его скулам было заметно, как сильно он стиснул зубы, а глаза его нехорошо блестели.

– Мы просрали свой шанс, господа офицеры, – с горечью в голосе, наконец, выдавил генерал, глядя как на тактической проекции под ударами флота адмирала Нельсона гаснут отметки кораблей кваргов и как десантные транспорты заходят на посадку на выстоявший плацдарм, так и не сданный врагу корпусом генерал-лейтенанта Сандерса. К сожалению, лишь виртуальным корпусом погибшего в реальном бою генерала.

– Занятие окончено, все свободны, – из Свирского как будто выдернули стержень, на котором держалось все его спокойствие и уверенность. Генерал тяжело опустился в кресло за своим столом, – Младший лейтенант Лавров, задержитесь.

– Младший лейтенант, – устало произнес Свирский, когда за последним офицером нашей группы закрылась дверь, – я буду вынужден переслать файл с вашим боем в аналитический центр Генштаба. Это слишком важная информация, чтобы спустить все на тормозах. Вы достигли запредельной боевой эффективности в учебной задаче, но метод, который вы применили, пахнет преступлением. Глизе-4 – небольшая и не слишком густонаселенная планета, но вы без боя отдали ее кваргам вместе с сорока миллионами граждан Федерации. На ваш плацдарм, как я понял, гражданская администрация успела эвакуировать около миллиона жителей.

- Господин, генерал-полковник, а разве миллион спасенных это хуже, чем полностью потерянное население всей планеты?

- Не хуже, младший лейтенант, мало того, в ситуации, сложившейся в учебной задаче, у кваргов просто не оказалось бы достаточного времени на геноцид, и, я уверен, что сложись все так в реальности, минимум половина жителей планеты смогла бы уцелеть. Но дело не в этом. Это сухие цифры, а есть еще и понятия воинской чести. Нельзя бросать гражданских на растерзание врагу. Просто нельзя. Никогда. Даже если армия при этом несет огромные и, казалось бы, неоправданные потери.

Я понимал генерала. Он был представителем той старой школы, которая сформировалась еще до начала войны с кваргами. Он помнил мирную жизнь и его понятия о чести офицера родом именно оттуда. Двадцать лет войны ничуть их не изменили.

- Господин генерал-полковник, эта война ставит перед нами не вопрос потери территорий или временного прекращения экспансии, - твердо сказал я, глядя в глаза Свирскому, - Речь идет о том, выживут люди, как вид, или в галактике останутся только кварги. У нас больше нет военных и гражданских. Эти понятия ушли вместе с мирной жизнью и с последними безрезультатными попытками о чем-то договориться с врагом. Мы все теперь солдаты, даже дети и старики, пусть пока еще не все это осознали. Нет больше абстрактного гуманизма. Осталась только боевая эффективность. И только она в итоге может служить идеалом для любого офицера, по крайней мере, пока война с кваргами не закончится нашей победой. Вы ведь сами видите, что даже в этой конкретной учебной задаче мой цинизм и жестокость в итоге оказались самым гуманным решением из всех возможных вариантов.

- Возможно, мои взгляды устарели, младший лейтенант, я готов это допустить. Я вижу, что если бы все трое командующих войсками на планетах применили вашу тактику, мы бы смогли отстоять систему и сохранить жизни большей части населения. Я понимаю вашу позицию и даже готов согласиться, что в этой войне по-другому нельзя, но мои понятия офицерской чести не дают мне ее принять, и я уверен, что многие офицеры в Генштабе со мной согласятся.

- Я и сам во многом согласен с вашей оценкой, господин генерал-полковник, но у меня есть цель - победа в войне, и все остальное я готов задвинуть на дальнюю полку в глубину сознания. В реальном бою я поступил бы так же, как в этой учебной задаче. После победы моя совесть предъявит мне все отложенные счета. Вот тогда у меня и возникнет возможность оценить мои действия с точки зрения этики и чести, но не раньше. И если кто-то спросит меня, что вернее приведет человечество к победе, гуманизм или плотность огня моих войск, я без колебаний выберу плотность огня.

- Откуда у вас высший командный опыт, младший лейтенант? - сменил тему Свирский.

- Лейтен-5, господин генерал-полковник. Командование тяжелой десантной бригадой.

- Младший лейтенант - командир бригады?

- Тогда я еще был курсантом ВВУ Планетарного десанта. Просто в той ситуации других кандидатур не нашлось.

- Золотая Звезда оттуда же?

- Так точно, господин генерал-полковник.

- Теперь мне, по крайней мере, ясно, почему вы так уверенно принимали решения в учебном бою. Вы хороший офицер, младший лейтенант. Настоящий заряженный на победу боец. В сопроводительном письме к материалам по учебному бою, которые я

направлю в Генштаб, я дам вашим действиям положительную характеристику, хоть во многом и не разделяю вашу точку зрения. Жаль, что в нашу академию поступает все меньше таких слушателей, как вы, и все больше неприкасаемых бездарей, вроде этого майора Линдена, которого на пушечный выстрел нельзя подпускать к командованию войсками, но за которым стоит военно-промышленное лобби.

– Разрешите вопрос, господин генерал-полковник?

– Задавайте.

– Майор Линден действительно столь неприкасаем? Что ждет того, кто вступит с ним в конфликт?

По выражению лица генерала я понял, что он уже жалеет о том, что вообще затронул тему Линдена и его покровителей. Не с младшим лейтенантом такие вопросы обсуждать, но генерал, видимо, еще находился под действием шокового осознания, что крупную и очень важную стратегическую операцию можно было выиграть, но шанс оказался упущен.

– Тебе оно зачем, младший лейтенант? – неожиданно перешел на ты генерал.

– Вчера на торжественном ужине у меня вышел неприятный разговор с майором Линденом и его друзьями, – не стал скрывать я, – они в довольно хамской манере пытались добиться от меня, кто протолкнул меня в академию. Я не стал с ними разговаривать.

– Красиво, достойно, но глупо, – усмехнулся генерал, – жди теперь неприятностей. Нашу академию с завидной регулярностью посещают министерские комиссии, обожающие совать нос в разные интересные подробности жизни слушателей и преподавателей. К успехам и неудачам некоторых из них они относятся с особым вниманием и пристрастием. Те, кто стоит за Линденом, обязательно подскажут этим военным чиновникам, на что и на кого им нужно обратить

наиболее пристальное внимание. Возможно, тебя приняли за будущего лоббиста конкурентов. Так что готовься, младший лейтенант, отвечать на неудобные вопросы.

Пусть и не часто, но выходные дни в академии случались, и тогда я мотался на Ганимед разруливать накопившиеся дела Оружейной компании Лавровых и встречаться с вернувшейся, наконец, с практических занятий Ингой. Уйти из действующей армии она, как я и думал, отказалась категорически, но попытаться-то я должен был.

Джефф и Штейн не вылезали из ремзоны училища, и это начинало приносить свои плоды. Помолодевший лет на десять профессор лучился энергией. Вот что делает с человеком настоящее живое дело и Цель, с большой буквы. Лейтенант Джефф пребывал в родной стихии и откровенно наслаждался процессом, от которого его иногда отвлекала только... курсант Яковлева, та самая девочка-спелеолог, дальняя знакомая Инги, с которой я стоял вместе в кабинете начальника училища во время вступительных тестов. Большие потери среди первокурсников вынудили генерала Шиллера провести дополнительный набор курсантов, и кандидат Яковлева свой шанс не упустила, как, впрочем, не упустила она и лейтенанта Джеффа.

К середине августа моя усталая, но довольная команда доложила о завершении всех работ. На нашу внутреннюю приемку новых образцов техники я пригласил генерала Шиллера. Еще бы я этого не сделал, если мы собирались провести наши испытания на училищном полигоне. Генерал не упустил возможности очередной раз погонять курсантов и обставил испытания, как учебный бой.

Рота третьекурсников изображала охрану важного военного объекта на атакуемой планете. В задачу моего

взвода входил его захват с минимальными повреждениями. Для наибольшей достоверности результатов, мы закупили последние модели боевых сканеров, выпускаемых РОК – Русским Оружейным Концерном, и оснастили ими Вараны охранной роты.

Генерал Шиллер с комфортом устроился в бункере наблюдательного пункта полигона вместе с Джеффом и профессором, а я повел в бой свой бывший учебный взвод, вернее, командовала взводом Инга, а я лишь играл роль консультанта и представителя разработчика.

Собственно, боя толком не получилось. В каждый из трех наших десантных ботов мы поставили по шесть станций РЭБ собственной разработки, специально, на уровне конструкции, заточенных под совместную работу. Для оптимизации их настроечных параметров я специально закупил один из самых мощных компьютеров, которому позавидовал бы не только Колониальный Технологический, но и любой из столичных университетов. На это чудо техники ушло восемнадцать миллионов рублей, но я не жалел, результат окупал все затраты. Когда мы включили нашу маскировку в первый раз, в ангаре ремзоны повисла звонкая тишина, лишь секунд через десять нарушенная удивленным «ну ни фига ж себе...» кого-то из прикомандированных к нам техников. Бот, конечно, не стал невидимкой, но даже при взгляде с десяти метров он ощутимо побледнел и слегка размазался, потеряв четкость очертаний. Стандартные же сканеры начинали его различать в лучшем случае с двух-трех километров, то есть с расстояния, когда что-то предпринимать уже почти всегда поздно. Очень похожей модернизации подверглись и Вараны, поучившие каждый по две станции РЭБ. С бронескафандрами нам пришлось изрядно повозиться, но опыт создания моей экипировки

для практики на Каптэйне помог нам справиться в разумные сроки.

Конечно, наш условный противник глупостей старался не делать. Они выстроили вокруг охраняемого объекта сеть выносных сканеров и создали какой-никакой охранный периметр. Кроме того один из трех взводов все время патрулировал прилегающую территорию, как пешим порядком, так и с помощью беспилотников. В общем, уставный порядок охраны объекта третьекурсники соблюли в полном объеме. Вот только мер этих против наших новых средств маскировки оказалось совершенно недостаточно. Сканеры противника мы обнаруживали заметно раньше, чем те начинали хоть как-то реагировать на нашу технику. Боты высадили десант в трех километрах от патрулируемой зоны и взвод Инги начал неспешное движение вперед, просачиваясь между выносными постами наблюдения и скрываясь в складках местности от беспилотников. Удобно воевать, когда ты засекаешь противника на расстоянии, на многие сотни метров превышающем то, с которого он сам может тебя обнаружить.

Мы сосредоточились на исходной позиции, и Инга отдала приказ ботам начинать атаку. Летящие над самой землей машины со слегка смазанными силуэтами достигли рубежа пуска ракет так и не обнаруженными. Ракетный залп в полигонных условиях по целям, которые тебя даже не видят, штука нехитрая. Особенно грустно становится атакуемым, когда они понимают, что системы ПВО не могут даже толком захватить в прицел обнаруженные после залпа машины противника.

Все закончилось очень быстро. Девяноста пять процентов живой силы и техники охранной роты компьютер полигона после нашего ракетного залпа пометил, как уничтоженные или выведенные из строя, и они застыли неподвижными истуканами с отключенной

энергией. Оставшийся в живых Варан и десяток пехотинцев ничего не смогли противопоставить вынырнувшему буквально из пустоты полноценному десантному взводу. Надо отдать должное третьекурсникам, потери были и у нас. Компьютер засчитал обороняющимся трех убитых противников. Очень неплохой результат при таком гиблом раскладе.

Генерал Шиллер пригласил нас к себе в кабинет. Мы с Джеффом и профессором удобно устроились за столом напротив начальника училища. Генерал улыбнулся. Я давно не видел его в таком приподнятом настроении.

– Господа, я вас искренне поздравляю, – начал Шиллер, – вы сделали действительно потрясающую штуку. Если комиссия минобороны не примет ее на вооружение, я лично разошлю всем своим бывшим сослуживцам, занимающим сейчас высокие посты, запись этого учебного боя с моими комментариями. Я хочу, чтобы мои выпускники воевали на таких машинах, и я этого добьюсь.

– Спасибо, господин генерал-лейтенант, – мне было приятно слышать эти слова от старого вояки, но моя ответная улыбка оказалась немного грустной, – боюсь, что ваша помощь действительно может нам понадобиться, причем достаточно скоро.

Мы не стали дожидаться, пока комиссия минобороны явится к нам по собственной инициативе, а сами подали заявку на проведение демонстрационных испытаний наших новых образцов вооружений. Ждать ответа из министерства пришлось почти неделю. Как нам говорили министерские чиновники, шел процесс согласования программы испытаний и состава комиссии. Наконец, военные бюрократы сообщили, что нам следует пятого сентября прибыть вместе с людьми и техникой на Каллисто, где размещался

специализированный испытательный полигон комиссии по новым вооружениям министерства обороны.

Второй по величине спутник Юпитера в свое время пыталась осваивать Индия, но то ли у индийцев не хватило ресурсов, то ли просто не очень-то и хотелось, но терраформирование они до конца не довели. В результате спутник обзавелся маломощным солнышком, неподвижно висящим над главным городом колонии, и столь же слабосильным гравикорректором, зоны действия которого хватало далеко не на весь объем спутника. В итоге пригодная для жизни людей зона не охватывала и пятой части поверхности. Ближе к границам обитаемой территории условия становились уже откровенно паршивыми, и там практически никто не жил, зато вольготно себя чувствовали гигантские автоматические заводы и обширный полигон минобороны.

Состав комиссии меня озадачил. Председателем оказался генерал армии Баррингтон, не особо прославившийся своими боевыми достижениями, но известный тем, что в хаосе начавшейся войны с кваргами смог организовать службу тыла, транспортную логистику и снабжение войск на таком уровне, что это отчасти компенсировало откровенную слабость земных боевых частей в сравнении с вторгшимися в освоенный людьми космос кваргами. В общем, уважаемый со всех точек зрения военный специалист. А вот члены комиссии, представлявшие, как я понял, военную промышленность, вызывали много вопросов. Несмотря на их высокие звания, ни я, ни Джефф ничего о них раньше не слышали, да и в сети о них тоже найти внятной информации не удалось. Квалификационные шевроны этих господ едва-едва дотягивали по боевому опыту до минимальных требований, и что-то мне подсказывало, что натягивали им этот опыт всеми возможными средствами. Тем не

менее, выбирать не приходилось, и оставалось надеяться, что председательство Баррингтона придаст выводам комиссии хоть какую-то объективность. Правда, пожилой генерал, начавший войну уже далеко не молодым человеком, к настоящему моменту сильно сдал, и сложно было сказать, как он себя поведет под нажимом остальных членов комиссии.

По сравнению с учебным боем, устроенным генералом Шиллером, работа комиссии минобороны выглядела значительно более академично. Сначала десантные боты, Варанов и десантников в бронескафандрах просветили сканерами с различных дистанций, неподвижными и в движении, просто перемещающимися и ведущими огонь из штатного оружия. Все результаты тщательно запротоколировали и только после этого перешли к испытаниям в условиях, приближенных к боевым.

Поскольку в заявке мы указали, что наши станции РЭБ позволяют не только уменьшить заметность десантных ботов, роботов и солдат в бронезащитной одежде, но и дают возможность применения новой тактики десантирования, эту часть программы испытаний расширили до двух этапов. Сначала мы имитировали стандартную десантную операцию, при которой боты входят в атмосферу, приближаются к точке высадки, накрывают ее термобарическими ракетами, приземляются и высаживают десант. При этом, естественно, с поверхности нас облучали сканерами и при обнаружении десанта обстреливали боты имитаторами легких ракет земля-воздух. По легенде испытаний после подавления тяжелых средств ПКО противника орбитальным ударом враг успел передислоцировать в точку высадки два взвода легких роботов типа Малый дракон. Вполне, кстати, жизненная ситуация. Когда генерал Баррингтон озвучил нам эти условия и спросил, есть ли у нас вопросы, я взял слово.

– Господин генерал армии, прежде чем представить нашу разработку вниманию комиссии минобороны, мы провели всесторонние внутрифирменные тесты нашей новой техники, и я могу с уверенностью сказать, что предложенные комиссией условия испытаний не позволят нам продемонстрировать вам все ее возможности. Я прошу усложнить условия, изменив легенду следующим образом: орбитальный удар достиг цели лишь частично. В зоне высадки сохранился работоспособный стационарный сканер и одна батарея тяжелых ракет земля-воздух. Кроме того, противник смог перебросить в угрожаемый район полную роту Малых Драконов.

Генерал озадаченно хмыкнул.

– Ну, смотрите, господин Лавров, – генерал сейчас говорил со мной не как с младшим лейтенантом, а как с директором Оружейной компании Лавровых, – вы это сами предложили, потом назад уже не отыграете. Нам понадобится минут тридцать для переоборудования полигона. Готовьтесь.

Мы падали в жиденькую атмосферу Каллисто с низкой орбиты. Наш с Ингой бот шел первым. Генерал немного удивился моему желанию лично участвовать в испытаниях, но возражений от него не последовало. Станции РЭБ мы включили сразу, благо экономить энергию смысла не было. До точки вероятного обнаружения стандартного десантного бота стационарным сканером можно было вообще не беспокоиться. Здесь не училище, инструкторы никакой подлянки не устроят.

На тридцати километрах над поверхностью компьютер бота предупредил нас тональным сигналом о высокой интенсивности облучения стационарным сканером. В случае стандартного бота это означало восьмидесятипроцентную вероятность обнаружения. Однако, нас еще явно не видели. Снизившись еще на

десять километров, Инга отдала ботам приказ выпустить ракетные станции РЭБ. К и так неслабому маскировочному зонтику наших машин добавилось шесть низкоскоростных ракет, нарезающих круги вокруг тройки ботов и дополнительно скрывающих их от обнаружения. Мы сами внизу пока тоже ничего не видели. Замаскировать наземные цели куда проще, чем воздушные.

С пятнадцати километров Инга выпустила одноразовые ракетные беспилотники, умчавшиеся вперед для разведки места высадки. Еще через десять секунд наземные цели уже светились красными отметками на наших тактических проекциях. Нас, наконец, тоже заметили. Все-таки стационарный сканер – штука довольно настырная. Именно в этот момент все три наших бота дали залп муляжами термобарических ракет, одновременно выпуская по два имитатора, тут же начавших интенсивно прикидываться десантными ботами.

Батарея тяжелых ракет земля-воздух не стреляла. Ее система наведения никак не могла захватить ускользающие метки машин противника, но вот на сканерах появились шесть четких отметок, созданных нашими имитаторами, и компьютер отдал приказ на открытие огня. Двенадцать ракет сорвались с направляющих и устремились в небо. Почти одновременно с ними дали залп десять Малых Драконов, выпустив по целям еще двадцать легких ракет. Транспортно-заряжающие машины подкатили к роботам и начали подачу на их направляющие новых боеприпасов, но в этот момент до поверхности добрался наш залп. Сто двадцать неуправляемых термобарических ракет оставили противнику очень мало шансов. Уцелел лишь бронированный колпак стационарной точки ПВО и пара Малых драконов, оказавшихся на периферии зоны высадки.

Имитаторы ожидаемо погибли от попаданий тяжелых ракет. Настоящих взрывов, естественно, не последовало, мы увидели лишь яркие вспышки, поскольку заряды в головных частях ракет стояли учебные, но компьютер полигона пометил имитаторы, как уничтоженные цели. Летящих в нас ракет было все же много. Оставшись без четко видимых целей, они продолжали полет в нашем направлении, и их не слишком высокоинтеллектуальным электронным мозгам не оставалось ничего, кроме как отдать приказ на подрыв головных частей примерно в том районе, где мы могли бы быть. Пальцем в небо, короче. Но им повезло. Бот второго отделения осыпало условными поражающими элементами от взорвавшейся боеголовки тяжелой ракеты. На наше счастье подрыв произошел примерно в сотне метров от бота, иначе трети взвода мы бы недосчитались.

– Бот-2 получил повреждения, – раздался в кабине нашей машины синтезированный голос полигонного компьютера. Мощность двигателя снижена на тридцать процентов. Выведены из строя обе пусковых установки термобарических ракет и авиапушка.

Это уже не играло никакой роли. Взвод заходил на посадку. На вялый и неточный огонь уцелевших Драконов ответил слаженный залп авиапушек ботов, а потом по опустившимся пандусам в атаку устремился весь взвод.

В этот раз потерь удалось избежать. Инга учла опыт предыдущих испытаний и противника не торопясь издали подавили огнем наши Вараны. Стационарную батарею ПВО мы захватили без боя. Оборонять ее оказалось уже некому.

Второй этап полигонных испытаний прошел уже по нашему сценарию. При тех же исходных условиях мы выбрали совершенно иную тактику, ту же, что мы продемонстрировали генералу Шиллеру. Боты

высадили десант за пределами зоны действия стационарного сканера и взвод нанес удар с земли одновременно с ракетным залпом ботов. Противник даже не успел открыть огонь. Несколько неприцельных выстрелов в нашу сторону не в счет. Батарею ПВО мы захватили прямо с ракетами на направляющих. Ей просто не в кого оказалось стрелять. Засечь боты стационарный сканер смог лишь в момент пуска термобарических ракет, а захватить цели системы наведения батареи так и не сумели.

Когда мы вернулись в оперативный зал полигона, генерал Баррингтон встретил нас довольной улыбкой, а лица его помощников выглядели донельзя кисло.

– Поздравляю, господин Лавров, – произнес генерал, протягивая мне руку. Мне! Сопляку младшему лейтенанту! – Вы отлично справились с усложненной задачей. Я зря в вас сомневался. Думаю, ваша разработка будет принята на вооружение в кратчайшие сроки. Нам срочно, уже вчера, нужны такие машины. Что вы об этом думаете, господа офицеры? – обернулся он к своей свите.

– Мн...э..., господин генерал армии, – взял слово невысокий лысеющий тип со скользким выражением лица и погонями генерал-лейтенанта, – результат, конечно, впечатляет, но прежде чем принимать решение о приеме данных образцов на вооружение, необходимо взвесить не только технические характеристики представленных нам машин и снаряжения. Большую роль играет цена, ресурсоемкость производства и способность техники выдерживать суровые условия боевой работы. Обещанная Оружейной компанией Лавровых цена на серийные машины превышает нынешнюю цену почти на сорок процентов. Это много.

– Но они же на две головы превосходят стандартные машины! – возмутился генерал. Там где раньше нам

нужна была полная рота, теперь справился один взвод. Это явно окупает повышение цены и расход ресурсов.

– Возможно, господин генерал армии, вполне возможно. Но есть еще устойчивость к поломкам и отказам в боевых условиях. Этот момент необходимо прояснить обязательно, – вмешался второй генерал-лейтенант. На мой взгляд, для принятия окончательного решения необходимы боевые испытания.

– Так точно, господин генерал армии, – подтвердил второй член комиссии, – мы не можем принимать на вооружение сырые машины.

– Ну что ж господа, – с сомнением произнес Баррингтон, – если вы столь единодушны, назначим боевые испытания. Есть предложения о месте их проведения?

– Глизе-338, господин генерал армии, – почти сразу ответил лысоватый генерал, – несколько дней назад наш беспилотный разведчик перехватил сигнал с одного из крупных периферийных астероидов. Система недавно захвачена врагом и на ее окраинах еще есть уцелевшие поселения. В данном случае это наша научная станция, занимавшаяся важными исследованиями. Достаточно важными, чтобы в генштабе озаботились их спасением. Вот только подобраться туда могут только легкие разведчики, а на астероид высадились кварги. Немного, но разведчикам не по зубам. А Оружейная компания Лавровых как раз позиционирует маскировку, как главное преимущество своих боевых машин. Им и карты в руки. Нужно провести высадку, силовую расчистку места входа в подземную лабораторию и эвакуацию персонала. Там всего-то пятнадцать человек. Вполне поместятся в десантные боты.

– А не слишком ли для боевых испытаний? – с сомнением произнес Баррингтон, – это операция для

хорошо подготовленного спецназа.

– В самый раз, господин генерал армии, особенно если Оружейная компания Лавровых сможет подготовить еще два-три бота. Тогда сил точно хватит.

Мне очень хотелось разбить что-нибудь об голову этого поганца, но я стоял с невозмутимым видом и ждал решения председателя комиссии.

Тот размышлял с минуту, потом повернулся ко мне и спросил:

– Господин Лавров, вы доверили управление вашей техникой на государственных испытаниях взводу курсантов ВВУ Планетарного Десанта. Вы так в них уверены?

– Я воевал с этими людьми на Лейтене-5, господин генерал армии. Если они не подвели меня там...

– Я понял. На боевые испытания полетят тоже они?

– Если это санкционирует начальник училища генерал-лейтенант Шиллер.

– В его решении я не сомневаюсь, – усмехнулся Баррингтон, – Кого бы вы хотели видеть в качестве командующего операцией?

– Себя, господин генерал армии.

– Вот как? – приподнял бровь генерал, – впервые вижу главу оружейной компании, готового лично возглавить боевые испытания своей техники. Ну что ж, в таком случае сегодня к вечеру жду от вас план операции. Все расходы на ее подготовку, включая закупку необходимого оборудования и боеприпасов, министерство обороны берет на себя.

Оба генерал-лейтенанта синхронно поморщились. Ничего, не развалитесь, господа офицеры. А мне теперь хватит денег на подготовку еще пары ботов, а может и трех.

По распоряжению Баррингтона нам выделили не только деньги, но и бригаду квалифицированных

инженеров и техников. Требовалось торопиться, кварги в любой момент могли обнаружить спрятавшихся в подземной лаборатории ученых, но и соваться туда недостаточными силами тоже не следовало.

Генерал-лейтенант Шиллер скрипел зубами и сильно выражался на немецком. Ему хватало уже потерь среди курсантов, а эта операция сулила их существенное увеличение, но мысли отказать мне у него даже не возникло. Наоборот, он делал все, чтобы нам помочь. В дополнение к бывшему своему я взял с собой на операцию взвод Стивена Фултона. Он уже вышел из госпиталя и вернулся в училище. После Лейтена-5 наши с ним отношения окончательно пришли в норму, да и самого Стивена та операция и тяжелое ранение сильно изменили.

Еще я обратился к генералу Баррингтону с просьбой выделить в мое распоряжение капитана Андре Мбиа и пять-семь его людей. Я сильно подозревал, что услуги профессионалов разведки нам пригодятся.

– А как у вас будет с субординацией, господин Лавров? – слегка удивился генерал, – вы ведь младший лейтенант, а капитан Мбиа... – генерал замолчал и заглянул в свой планшет, – нет, не капитан, а уже майор Мбиа, мягко говоря, старше вас по званию.

– Мы договоримся, господин генерал армии. Майору Мбиа уже приходилось воевать под моим командованием, правда тогда он был капитаном, а я курсантом, но это дела не меняет.

– Веселая у вас биография, господин Лавров, – усмехнулся генерал, – я узнаю, где сейчас майор и постараюсь все устроить.

Несмотря на всестороннюю помощь и постоянные стимулирующие пендели свыше, вылететь в систему Глизе мы смогли только через трое суток. Впрочем, регулярно засылаемые в район астероида разведзонды

подтверждали, что лаборатория пока противником не обнаружена. Тем не менее, ситуация могла измениться в любую секунду, а лететь нам предстояло около десяти дней.

В пустую точку пространства, находящуюся в одном прыжке от Глизе, мы прибыли на среднем десантном транспорте. Там нас уже ждали три небольших корабля класса средний разведчик, оснащенных, по уверениям Баррингтона, самыми современными системами маскировки, какими на данный момент располагала Земная Федерация. Я очень жалел, что не имел возможности поработать с их станциями РЭБ до операции, но теперь думать об этом было уже поздно, да и возможности такой мне все равно никто бы не дал.

По утвержденному плану в каждый из разведывательных кораблей нам предстояло загрузить по два десантных бота. Операция эта оказалась весьма нетривиальной, поскольку разведчики никогда не предназначались для перевозки десанта. Формально внутреннего объема трюмов хватало, но полное отсутствие необходимой инфраструктуры, вроде специальных захватов и фиксаторов, а также, стартовой катапульты для выпуска ботов в космос, создавало массу неожиданных трудностей, которые приходилось решать на месте.

Мбиа со своими людьми прибыл сюда раньше нас, и мы встретились в крошечной кают-компании флагмана нашей небольшой эскадры, повергнув капитана третьего ранга Юн Гао в шок попранием всех основ субординации. Находящийся в равных с Мбиа званиях Юн Гао ожидал от прибывшего младшего лейтенанта доклада по всей форме, однако, когда я вошел в кают-компанию, то не успел даже рта раскрыть, как майор Мбиа вскочил и, с довольной улыбкой на своем черном лице выпалил:

– Господин младший лейтенант, майор Мбиа с семьёй разведчиками из состава разведроты третьего полка сто пятой пехотной дивизии прибыл в ваше распоряжение.

Сказать честно, я такого не ожидал, но постарался вывернуться из сложившегося нестандартного положения, не вгоняя ничего не понимающего Юн Гао в окончательный ступор.

– Рад вас снова видеть, господин Майор, – ответил я, отдавая честь и пожимая руку Мбиа, – и, развернувшись к командиру корабля, продолжил, – Господин капитан третьего ранга, младший Лейтенант Лавров прибыл с двумя взводами десанта для проведения совместной спасательной операции.

– Юн, – с трудом сдерживая смех, Мбиа попытался вывести капитана корабля из состояния калькулятора при делении на ноль, – извини, что не предупредил тебя сразу. Я здесь командую только своими людьми. Руководство операцией возложено на младшего лейтенанта.

– Мог бы сразу сказать, – очнулся китаец, бросив злобный взгляд на Мбиа – а то устроили тут цирк из Гуйчжоу. Рад познакомиться, младший лейтенант. Располагайтесь, обсудим детали вашей доставки до места и порядок десантирования.

Астероид, являвшийся нашей целью, представлял собой довольно большой планетоид. Собственной атмосферы он не имел, но был достаточно крупным, чтобы сформироваться в почти правильный шар. Эта груда льда и камня образовалась на периферии системы звезды Глизе еще во времена формирования планет, да так и осталась недопланетой, не сумев расчистить собственной гравитацией свою орбиту от каменных глыб и обломков, составляющих здешний аналог пояса Койпера.

Корабли-разведчики не рискнули глубоко заходить в систему. С каждым днем кварги увеличивали плотность сети сторожевых маяков и патрулей, и выход непосредственно к цели операции капитан Гао считал слишком опасным. Учитывая, что кварги при штурме Глизе смогли удивить нас своими новыми разработками в области маскировки, я не мог с ним не согласиться. Если противник улучшил средства обеспечения незаметности, то мог продвинуться вперед и в системах сканирования, поэтому рисковать никто из нас не захотел.

В десяти миллионах километров от цели внешние створки ворот трюмов открылись, и импровизированные пневматические катапульты плавно вытолкнули десантные боты в открытый космос. Подождав с минуту, пока боты отойдут от кораблей на безопасное расстояние, Юн Гао отдал приказ начать осторожное торможение и смену курса. Кораблям предстояло развернуться по широкой дуге и вновь покинуть систему, а затем через трое суток вернуться в назначенную точку встречи и подобрать боты.

– Удачи, десант! – пришло нам короткое сообщение по лазерно-оптическому каналу, и связь прервалась.

Корабли исчезли среди огоньков далеких звезд, а наши машины продолжили полет по инерции в сторону цели. Нам предстояло добираться до поверхности астероида почти двадцать восемь часов. Я считал, что лучше мы поскучаем в плохо приспособленных к долгим перелетам ботах под надежным прикрытием наших новых станций РЭБ, чем полезем на более комфортных кораблях ближе к цели, но с сомнительным результатом.

Через семь часов наши сканеры поймали зашифрованный импульсный сигнал с астероида. Ученые подтверждали, что пока с ними все в порядке. Мы, естественно, имели точные сведения о месте

расположения лаборатории и подробную карту прилегающей местности, но вот данные по силам кваргов у нас были приблизительные. Разведка считала, что их на астероиде не более стандартной пехотной роты.

Готовясь к операции, нам пришлось заменить почти все боеприпасы и перенастроить часть оборудования. Десант на астероид, не имеющий атмосферы и обладающей весьма слабой гравитацией – дело нетривиальное. Например, термобарические боевые части ракет, которыми обычно оснащаются десантные боты, в таких условиях просто не сработают. Им нужна атмосфера, содержащая много кислорода. Перемещение по поверхности при низкой силе тяжести тоже создает трудности для непривычного человека. Мы, конечно, тренировались в таких условиях, но нельзя сказать, что этих занятий было много. Зато низкая гравитация имела один огромный плюс, который мы и планировали использовать. Десантные боты не могут взлететь с планет, и их поднимают обратно на орбиту специальные транспорты, но не в этом случае. Гравитация астероида, ничтожная по сравнению с планетарной, не являлась препятствием для двигателей ботов. Мы могли уйти в открытый космос самостоятельно, без помощи кораблей.

Пока мы относительно неспешно приближались к нашей цели, я успел много передумать и даже поругать себя за то, что не уделил внимания модернизации сканеров, уж очень мне хотелось поскорее увидеть места дислокации противника. Но по здравому размышлению я пришел к выводу, что мы просто не имели ни ресурсов, ни времени на такое распыление сил, так что теперь оставалось надеяться только на нашу продвинутую маскировку.

С давних времен известен непреложный закон подлости: если какая-нибудь пакость может случиться,

она случится обязательно. Частный случай этого закона хорошо известен в виде «закона бутерброда», который всегда падает на пол маслом вниз. Внизу, на поверхности астероида, нас ждал еще один частный случай вышеупомянутого закона: кварги околачивались в непосредственной близости от входа в лабораторию, и было их немеряно.

– Старший сержант Фултон, вызвал я командира второго взвода.

– На связи, командир.

– Выделите два бота для проведения отвлекающего маневра. Третье отделение передадите под мое командование. Примите координаты точки высадки. Ваша задача – оттянуть на себя силы противника и связать их боем на тридцать минут. В ближний бой лезть запрещаю. Используйте преимущества наших систем РЭБ и держитесь на предельной дистанции эффективного огня. Задача ясна?

– Так точно, командир.

– Через тридцать минут после высадки отрывайтесь от противника, грузитесь в боты и уходите в открытый космос. В точку встречи выдвигаетесь самостоятельно.

– Принято. Разрешите выполнять?

– Приступайте. Удачи, Стивен.

– Спасибо, командир.

– Первому взводу и третьему отделению второго взвода начать торможение. Фултон должен начать атаку минут на десять раньше нас.

Инга и ком-3 второго взвода подтвердили принятие команды к исполнению, а я переключил все свое внимание на тактическую проекцию. Сейчас боты двух отделений взвода Фултона ушли вперед и слегка подправили курс. Я поставил им задачу поднять шум в двух сотнях километров от лаборатории, вот только уверенности в том, что на этот шум сбегутся все кварги, у меня не было. Внизу, под нами, по поверхности

астероида вместе и порознь бродили подразделения полного пехотного батальона противника, усиленного двумя тяжелыми роботами, похоже, Мамонтами. Там же, но в отдалении от основных сил, сидел на грунте десантный транспорт, который, видимо, и доставил сюда весь этот дружный коллектив.

Я задумался. Если отвлекающий маневр позволит оттянуть от входа в лабораторию недостаточно сил кваргов, задачу выполнить будет крайне сложно. Ученые в бункере о нас уже знали. Передачу по лазерно-оптическому каналу почти невозможно перехватить или заглушить, вот только нужно, чтобы приемник находился в прямой видимости, а также, чтобы его местоположение было точно известно. Место мы знали, так что одетые в скафандры обитатели лаборатории уже ждали в шлюзе нашей команды на выход. Правда, скафандры у них имелись только гражданские, без брони и оружия, не способные выдержать даже попадания осколков и пуль из легкого ручного оружия, поэтому мне требовалось хоть в лепешку разбиться, но обеспечить несколько безопасных минут у входа в лабораторию для погрузки ученых в бот.

До начала активной фазы операции оставались считанные минуты. Решение требовалось принять прямо сейчас.

– Третьим отделениям первого и второго взводов сменить курс. Ваша задача – атака десантного корабля противника неуправляемыми ракетами с дистанции тридцать километров с последующей высадкой и демонстративной стрельбой в сторону противника. Близо не лезть. Только обозначить атаку и сразу уходить обратно в боты и в космос. К точке встречи идете сами. Командует вашей группой курсант Джасвиндер.

– Принято, – хором ответили командиры отделений.

На нападение на транспорт кварги просто обязаны отреагировать болезненно. С высокой вероятностью на его борту находится штаб батальона, а воинский начальник для кварга – почти бог. Оставалось надеяться, что одновременная атака в двух точках заставит врага оголить кажущееся безопасным пространство.

Фултон начал первым. Ракетный залп он провел, как на полигоне, отлично видя цели, но сам оставаясь невидимым для них. Кварги, правда, оказались вояками опытными и эффект внезапности длился не больше двадцати секунд с того момента, как в боевых порядках взвода противника поднялись фонтаны взрывов осколочно-фугасных боеголовок. Ответный залп оказался вялым и неточным, что и неудивительно при невозможности нормально захватить цели системами управления огнем, но сам факт того, что он последовал так быстро, меня не порадовал.

Что делает опытный солдат, когда понимает, что его огонь не достает до противника, оснащенного более дальнобойным оружием или просто хорошо замаскированного? Либо отступает, прячется и вызывает подкрепление или огонь артиллерии, либо рывком сокращает дистанцию и вступает в ближний бой. Отступать кварги никогда не любили, но и подкрепление вызвать они тоже не забыли. Поредевший после ракетного удара взвод противника двинулся в сторону позиций отряда Фултона.

Стивен не стал излишне геройствовать. В строгом соответствии с приказом он отступал, сохраняя дистанцию, и осыпал противника противотанковыми ракетами своих Варанов. Несмотря на явно высокую квалификацию пилотов Малых Драконов, все три робота противника уже через пару минут неподвижно застыли среди скал и ледяных глыб. Вести дальнейшее преследование оказавшегося сильно кусачим

противника пехота без поддержки не решилась, но к месту боя уже спешило не меньше роты кваргов и оба тяжелых робота. Низкая гравитация позволяла им перемещаться очень быстро, совершая гигантские прыжки над поверхностью. Я еще раз с тревогой отметил высокую выучку врага. Чувствовалось, что воевать в таких условиях этот батальон умеет очень хорошо. Прямой связи с Фултоном у меня уже не было, так что я не мог ни помочь ему, ни предупредить об опасности, и мне оставалось надеяться только на боевое мастерство моего бывшего недруга.

Атака на десантный транспорт кваргов началась ракетным залпом. Восемьдесят осколочно-фугасных боеголовок легли в непосредственной близости или взорвались прямо на корпусе вражеского корабля. Броню они, естественно, пробить не могли. Я не уверен, что даже будь головные части ракет кумулятивными, мы бы достигли успеха. Все-таки корабельная броня рассчитана на космический бой где применяются совсем другие калибры. Тем не менее, корабль оказался совершенно не подготовлен к такому повороту событий. Его главный трюм был открыт, десантная аппарель опущена на грунт, а моим курсантам хватило соображалки зайти в атаку с нужной стороны. В результате несколько ракет влетели внутрь корабля и взорвались уже там. Фатальных повреждений десантному транспорту они все равно нанести не смогли, но сам факт атаки и обидные неожиданные потери привели врага в неистовство.

Несшиеся огромными прыжками в сторону взвода Фултона Мамонты, резко сменили направление движения на почти противоположное, и бросились устранять новую угрозу. Все силы противника, еще не задействованные в сражении, пришли в движение и начали стягиваться к транспорту. Через пару минут,

когда на подступах к вражескому кораблю вспыхнул бой, я отдал приказ начать спасательную операцию.

Сопrotивления нашей высадке кварги не оказали. На данный момент у них имелись куда более интересные занятия. Я очень переживал за отделения, атаковавшие корабль. Туда устремились такие силы противника, оторваться от которых им будет очень сложно, а лобового столкновения при таком соотношении сил мои люди не выдержат. Тем не менее, передо мной стояла конкретная задача, и я сосредоточился на ее выполнении. Два отделения первого взвода с завидной проворностью образовали оборонительный периметр вокруг входа в лабораторию.

– Майор Мбиа, мне нужен временный электронный периметр, выносные сканеры на высотах и беспилотники над зоной высадки.

– Принято, командир.

Замаскированная под кусок скальной поверхности плита входного люка дрогнула и сдвинулась в сторону. В едва образовавшуюся щель начали выскакивать люди в гражданских скафандрах. Сгибаясь под тяжестью объемных кейсов, они бегом бросились к ближайшему боту, сопровождаемые десантниками в броне.

То ли у кваргов нашлась-таки светлая голова, понявшая, что атака ведется столь малыми силами, что ничем, кроме отвлекающего маневра она быть не может, то ли их сканеры обнаружили открытие входа в убежище и людей в гражданских скафандрах, не оснащенных никакими средствами маскировки, но в моем шлеме раздался встревоженный голос Инги:

– Командир! Сюда направляются оба Мамонта, четыре Малых Дракона и до взвода пехоты противника. Нас пока не видят... Фиксирую пуск ракет!

– Всем быстро в сторону от бункера! У нас не больше пятнадцати секунд! Ботам немедленный взлет! – заорал я на командной частоте и вывел двигатели своей

машины на форсаж. Хорошо, что ученые уже оказались на борту. Опомнись кварги тридцатью секундами раньше, и у нас бы возникли очень серьезные проблемы, хотя и так назвать их несерьезными у меня бы язык не повернулся.

Удар ракетами с пятидесяти километров нанесли оба Мамонта. Били они по площадям. Наш десант они не засекли, но открыв вход, лаборатория демаскировала себя, и теперь у кваргов появилась четко видимая цель.

Мы почти успели. Тяжелый штурмовой робот Мамонт – страшное оружие. Я это лично проверил, сидя в его кабине и стреляя по кваргам на Лейтене-5. А вот теперь я оказался по другую сторону прицела. По плану мы собирались взорвать лабораторию перед отлетом с астероида. Думаю, теперь в этом отпала всякая необходимость. Поверхность планетоида в зоне удара взорвалась титаническими султанами каменного и ледяного крошева, поднявшимися на нереальную высоту благодаря низкой гравитации. Нас задело краем этого рукотворного извержения. Если бы здесь имелась атмосфера, ударная волна наделала бы немалых бед, но и так часть взвода попала под град осколков и поражающих элементов. На тактической проекции красным огнем обозначилась потеря телеметрии с пяти скафандров десантников и с одного Варана. Бот второго отделения получил повреждения, и у него резко просела маскировка, но с каждой секундой она все более восстанавливалась, приближаясь к норме – компьютер бота, использовал наш последний программный алгоритм и постепенно вводил поправки к настроечным параметрам станций РЭБ, учитывая изменения, возникшие в результате полученных повреждений.

Я понял, что спокойно погрузиться в боты и уйти нам не дадут. С Мамонтами нужно было что-то делать, иначе через пару минут они нас сотрут в порошок.

– Инга, медленно отводи взвод вот сюда, – указал я на тактической проекции точку сбора. Бот-2, делай, как я.

– Есть! – немедленно откликнулся пилот второй машины.

Мы летели по большой дуге, прижимаясь к поверхности и прикрываясь от сканеров Мамонтов и Драконов работающими на полную мощность станциями РЭБ. Фултон еще вел бой. В соответствии с приказом ему нужно было продержаться еще около десяти минут. Меня очень беспокоило, что бой в районе десантного транспорта кваргов тоже не утихает. Один из уцелевших беспилотников, подвешенных чуть в стороне от места нашей высадки, фиксировал вспышки выстрелов и взрывы в той стороне. Через несколько минут мы зашли в тыл кваргам, азартно преследующим первый взвод. Инга уже почти достигла указанной мной точки сбора. Прицельно-навигационный комплекс бота уверенно захватил тяжелых роботов противника и доложил о готовности к стрельбе.

– Второй, готов к пуску? – уточнил я у ведомого.

– Готов!

– Залп!

Восемьдесят неуправляемых ракет покинули пусковые блоки и рванулись к целям, а мы, не дожидаясь результатов, резко сменили курс и, продолжая почти царапать днищем поверхность, на максимально возможной скорости полетели к точке сбора, чтобы подобрать первый взвод. Уничтожить Мамонтов нашими ракетами я не надеялся. Не по зубам им такие бронированные туши, но нашим злобным подаркам было вполне по силам снести эффекторы сканеров, покорежить навесное оборудование и тем самым резко снизить боеспособность гигантов и точность их стрельбы.

Когда мы опустились на поверхность в точке встречи, по пандусам ботов поднялись двенадцать курсантов в бронескафандрах и один Варан. Люди майора Мбиа напрямую не участвовали в сражении и отделались одним раненым, а мы потеряли почти половину личного состава, и это при том, что я еще не знаю потерь Фултона и отделений, атаковавших корабль противника. Кто-то в столице дорого за это заплатит, пусть и не сразу. Я такое не прощаю.

Мы взлетели с астероида и начали медленно разгоняться. По сравнению с двигателями космического корабля наши слабосильные движки не могли придать нам столь внушительного ускорения, и обратно, к точке randevу с кораблями-разведчиками, мы добирались почти двое суток. Там нас уже ждали боты взвода Фултона. Стивен умудрился обойтись без потерь. Атака отделений Джасвиндера на корабль кваргов отвлекла от Фултона большую часть преследователей, так что он поводил по ледяной пустыне немногочисленных и не очень настойчивых врагов, рывком оторвался от них и ушел в космос.

Корабли-разведчики пришли вовремя. Я приказал всем подняться на борт, и корабли ушли из системы еще на двое суток, а мы с Ингой в нашем десантном боте остались ждать отделения Джасвиндера в точке встречи. Мы видели патрули кваргов, но они пролетали достаточно далеко, чтобы мы не опасались быть обнаруженными в нашей неподвижной и хорошо замаскированной машине. Сутки прошли безрезультатно, и я решил провести разведку, выдвинувшись в направлении астероида. Инга пожала плечами и сказала, что уже и сама хотела это предложить.

Мы рискнули выпустить беспилотный разведчик, который разогнался и в пассивном режиме, не включая активного сканирования, пролетел в нескольких сотнях

километров от астероида, а потом вернулся к нашему боту. Проанализировав полученное зондом изображение, компьютер бота однозначно идентифицировал искореженные обломки десантного бота третьего отделения взвода Фултона. Куда делся бот Джасвиндера, осталось неясным.

Мы легли на обратный курс к точке встречи, но летели не прямо, а по расширяющейся спирали, уклоняясь от встреч со все увеличивавшимися свое присутствие в системе кваргами и сканируя пространство в поисках наших товарищей. Лишь решив рискнуть, и выведя мощность сканирования на максимум, мы нащупали слабую метку далеко в стороне от точки встречи.

Бот третьего отделения первого взвода выглядел ужасно. Он весь был истыкан поражающими элементами вражеских боеголовок, как еж иголками, но маскировка работала в почти штатном режиме, что и спасло машину от обнаружения кваргами. Силовая установка выдавала едва четверть мощности, а сам бот оказался перегружен до предела, поскольку в него набились оба отделения почти в полном составе. Одного Варана пришлось бросить и взорвать, но всех живых и шестерых погибших товарищей курсанты с планетоида вывезли.

Мы едва успели в точку встречи, но все же успели, и командир тройки средних разведчиков Юн Гао с явным облегчением приказал ложиться на курс, ведущий прочь из системы Глизе-338.

Через пару часов после того, как мы покинули систему, ко мне подошел мрачный Мбиа и сказал, что у него есть ко мне серьезный разговор.

– Командир, – начал майор с некоторой неуверенностью в голосе, как будто сомневаясь, стоит ли задавать такой вопрос, но все же решился, – у вас есть влиятельные враги?

– Не без этого, Андре, не без этого, – невесело ответил я, – и что навело вас на эту мысль?

– Я так и подумал, – произнес майор, слегка качнув головой, – дело в том, командир, что когда вы приказали организовать контроль местности, прилегающей к зоне высадки, я наткнулся на остатки сети разведдронов. Кто-то высеял их там еще до прилета кваргов, потом противник, естественно, нашел и уничтожил большую часть аппаратов, но кое-что осталось. Я снял с них информацию, никакого специального шифра, кроме общеармейского, там не использовалось. Так вот, когда еще здесь, на борту корабля, вы ставили нам задачу, вы говорили, что по данным разведки на астероиде находится не больше стандартной роты кваргов. Вы ведь опирались на разведданные, предоставленные Генштабом, не так ли?

– Естественно.

– Так вот, эти разведданные – фальшивка. Не ошибка, не неточность, а именно подделка. Дело в том, что разведка астероида проводилась зондами Угорь-ЗМУ. Я хорошо знаю эту модель. Такой зонд разгоняется, включает станцию РЭБ и идет по касательной к объекту разведки, сканируя пространство. Чувствительности его сканеров более чем достаточно для того, чтобы принять сигналы разведдронов с поверхности, и он их наверняка принял, отправил в ответ ключ-код и снял с них информационный пакет. Такой же пакет снял и я, обнаружив остатки сети дронов на поверхности. И я хочу вам сказать, командир, что на астероиде с самого начала, с момента высадки кваргов, находился именно усиленный тяжелыми роботами батальон, а совсем не стандартная рота противника. Кто-то намеренно искажил данные зонда, и этот кто-то, видимо, очень не хотел, чтобы вы и ваши люди вернулись оттуда живыми.

- Спасибо, Андре, - ответил я, спустя почти минуту, - это очень ценная для меня информация. Я знал, что у меня есть недоброжелатели, но не думал, что они готовы пойти на такое. Прошу простить, что невольно подверг вас и ваших людей такому риску.

- Не стоит, командир, - усмехнулся Мбиа, - Погибших жаль, они были настоящими солдатами, но мы ведь живы. И знаете, что... Если когда-нибудь еще вы попадете на раздачу бесплатных билетов на подобную вечеринку, не забудьте прихватить билетик для меня.

- На самом деле, Андре, - обозначил я в ответ не слишком веселую улыбку, - в дальнейшем я планирую сам организовывать вечеринки подобного толка, а не получать на них бесплатные билеты. И можете не сомневаться, как только у меня это получится, я вышлю вам VIP-приглашение за столик в первом ряду, поближе к сцене.

Обратно на Ганимед нас доставил тот же десантный транспорт, на котором мы летели к системе Глизе. Генерал Шиллер уже знал о результатах нашего рейда и сразу по прибытии принял нас с майором Мбиа у себя в кабинете.

- То, что вы живы, господа офицеры, - произнес Шиллер после взаимных приветствий, - вызывает у тех, кто в курсе, неподдельное удивление. А в то, что при таком раскладе вы выполнили задачу, вообще мало кто верит с первого раза.

- Мы потеряли четырнадцать человек, господин генерал-лейтенант, - ответил я генералу, - Улетая на операцию, я обещал вам беречь ваших людей. К сожалению, я не справился и обещания не выполнил.

- Это война, младший лейтенант, я уже не раз говорил вам это. Все, кто пошел с вами, вызвались

добровольно. Я не имел права посылать курсантов на такую операцию просто своим приказом.

– Господин генерал-лейтенант, – негромко произнес майор Мбиа, – дело не только в войне и неизбежных потерях. Нас предали.

– Предали? О чем вы, майор? Кварги не идут на контакт с людьми. Как вас могли предать?

– Этого не было в отчетах, господин генерал-лейтенант, Я не хотел, чтобы такая информация раньше времени попала не в те руки, – ответил я за Мбиа, – Андре, расскажите господину генерал-лейтенанту все, что я услышал от вас сразу после операции.

Шиллер слушал молча, не перебивая и не задавая вопросов. С каждым новым словом майора генерал мрачнел все сильнее.

– Для вас, младший лейтенант, это означает только одно, – произнес Шиллер, когда Мбиа закончил доклад, – теперь эти люди не остановятся ни перед чем. Отступить им уже некуда. У вас еще есть какое-то время, пока они не знают о наличии у вас доказательств предательства, но как только они поймут, что над ними нависла угроза разоблачения...

– Но, господин...

– Без званий, майор.

– Есть без званий. Но мы ведь не знаем, кто именно это сделал.

– С такой доказательной базой безопасники раскрутят это дело в два счета, будьте уверены, – невесело усмехнулся генерал, – Вы даже не представляете, на что эти ребята способны после команды «фас!». Так что я рекомендую вам пока придержать эту информацию. Вам же будет спокойнее.

Для оглашения решения комиссии генерал армии Баррингтон официально пригласил меня в центральное здание Министерства обороны, вольготно

расположившееся в пригороде столицы. Я оставил флайкар на ведомственной площадке, где меня встретил лейтенант в форме службы безопасности и проводил к кабинету председателя комиссии по новой технике и вооружению. Баррингтон в кабинете оказался не один. В кресле за столом для совещаний сидел еще один высший офицер с погонами генерал-майора, похожий на кого угодно, только не на военного. Форма сидела на нем, как на корове седло и сразу чувствовалось, что носит он ее крайне редко.

– Господин генерал армии..., – начал я доклад, но генерал остановил меня жестом руки.

– Добрый день, господин Лавров, вы здесь не как младший лейтенант, а как глава Оружейной компании Лавровых, так что чувствуйте себя свободнее. Присаживайтесь. Прежде, чем мы перейдем к делу, я хочу вас кое с кем познакомить. Собственно, вы уже встречались, вот только обстоятельства вашей встречи не располагали к светским беседам и даже простому знакомству. Господин генерал-майор, я рад представить вам офицера, организовавшего и лично возглавившего операцию по вашей эвакуации из системы Глизе. Младший лейтенант Игорь Лавров, являющийся по совместительству главой Оружейной компании Лавровых.

– Очень приятно, молодой человек, – совершенно не по-военному произнес генерал-майор, – я профессор Супарман Алата, Индонезийский военно-технический университет в Джакарте. В системе Глизе возглавлял научную лабораторию по изучению..., – профессор осекся, встретив жесткий взгляд Баррингтона, – впрочем, не важно. Важно, что я и мои люди весьма благодарны вам за наше спасение.

Я действительно не успел познакомиться со спасенными учеными. В точку встречи они летели не в

моем боте, а там их сразу перевели в один из кораблей-разведчиков, и тот без промедления ушел из системы.

– Всегда рад помочь, господин Алатас, – принял я свободную форму общения.

– Итак, господа, перейдем к обсуждению основной темы нашей встречи, – официальным тоном произнес Баррингтон, – боевые испытания новых комплексов РЭБ для десантных ботов, боевых роботов и бронескафандров, разработанных Оружейной компанией Лавровых, признаны комиссией успешными. Министерство обороны приняло решение о принятии данных комплексов на вооружение и о размещении заказа на модернизацию одной тысячи десантных ботов и соответствующего количества боевых роботов Варан-2М и бронескафандров. По итогам выполнения этого заказа министерством будет принято решение о размещении заказов на аналогичную модернизацию других видов вооружений и техники. Формально заказ должен быть размещен через открытый конкурс, но поскольку заявок на участие в нем не поступило ни от кого, кроме Оружейной компании Лавровых, принято решение о заключении контракта именно с ней. Поздравляю вас, господин Лавров, с первым госконтрактом. Это дорогого стоит.

– Спасибо, господин генерал армии, – ответил я, по-прежнему игнорируя требования устава. Впрочем, генерал не настаивал.

– А сейчас, господа, начинается самое интересное, – усмехнулся Баррингтон, – обсуждение условий договора. Цену Оружейная компания Лавровых нам обозначила еще в первичной документации, предоставленной для проведения испытаний, и министерство эта цена устроила. Но есть ведь еще и условия оплаты. Договором предусмотрен аванс на закупку оборудования и материалов и на иные необходимые расходы, который будет переведен на

счет Оружейной компании Лавровых сразу после заключения контракта. Вопрос в размере этого аванса. Я жду от вас, господин Лавров, обоснования необходимой суммы.

Да, этот вопрос действительно являлся для меня ключевым. Я точно знал, сколько денег мне нужно, чтобы выполнить контракт. Все это мы уже просчитали с Джеффом и профессором Штейном, но я хотел выбить из министерства авансом гораздо большую сумму, чтобы потратить ее на наши следующие разработки.

– Господин генерал армии, – аккуратно начал я формулировать свою мысль, – возглавляемая вами комиссия имела возможность убедиться, что Оружейная компания Лавровых способна предложить нашим вооруженным силам действительно прорывные технологии. Однако, на их разработку и, главное, доведение до практических результатов и действующих образцов требуются значительные средства. Мы не просим финансирования наших исследований у государства. Мы частная компания, и я понимаю, что средства на эти цели нам никто не выделит, но я все же надеюсь, что аванс по данному контракту министерство сочтет возможным увеличить. Это позволит нам к окончанию выполнения работ по госзаказу представить вашей комиссии еще одну-две наших разработки, столь же прорывных, как и новый комплекс РЭБ.

– Я предполагал, что речь об этом пойдет, – кивнул генерал, – и это еще одна причина, по которой я пригласил сегодня на нашу встречу профессора Алатаса. Сейчас, господа, я оставляю вас примерно на час, у меня назначена еще одна встреча. За это время, господин Лавров, вам нужно убедить уважаемого профессора в том, что ваши новые разработки действительно могут быть интересны министерству обороны. Только от вас зависит, какой размер аванса в итоге будет указан в контракте. Пойдемте, господа, мой

помощник проводит вас в кабинет, где вам будет удобно.

Индонезийский профессор оказался весьма увлеченным человеком. Физика плазмы, являвшаяся его основной специализацией, требовала обширных знаний в смежных областях, и профессор этими знаниями обладал, и даже более, чем.

Я, естественно, не стал раскрывать профессору в погонах всех карт, но поделился с ним основами наших, а, вернее, моих, из прошлой жизни, наработок. Я рассказал о планах создания новых сканеров и средств связи и о принципах, на которых эти разработки строятся, намекнув, что уровень, на который мы планируем вывести наши устройства, позволит преодолеть перекос, сложившийся сейчас и у нас, и у кваргов, в сторону преобладания средств радиоэлектронной борьбы над средствами связи. В моей прошлой истории такой период тоже имел место, и я знал, как именно эту проблему в итоге решили.

Час прошел незаметно, и вежливый помощник Баррингтона вновь пригласил нас в кабинет генерала.

– Ну-с, профессор, что вы скажете о планах господина Лаврова? – заинтересованно спросил Баррингтон. Выглядел генерал бодрым и энергичным. Видимо, состоявшаяся встреча не испортила ему настроения.

– Знаете, Винсент, – задумчиво ответил профессор, назвав генерала по имени и, тем самым, напрочь поправ все уставы, но генерал никак не отреагировал, видимо, хорошо зная, какой из индонезийца на самом деле военный, – если бы вопрос о выделении денег этому молодому человеку решал я, он бы получил все, что просит, а я бы еще каждый вечер звонил ему и спрашивал, не требуется ли ему добавки.

– И это я слышу от вас, Супарман? – Баррингтон выглядел обманутым в лучших ожиданиях, – да из вас

же обычно клещами лишней копейки не вытащишь, я потому вас и привлек к этому делу. Я был уверен, что при вашем участии ни один рубль из бюджета не будет потрачен зря. А тут такое! Добавки ему...

- Винсент, - негромко ответил профессор, - господин Лавров предлагает нам не просто новые технические устройства или еще одну замечательную пушку. То, что он в состоянии сделать, даст нам возможность реально приблизить победу, а если вспомнить о положении на фронтах, то, даже не приблизить, а, в принципе сделать ее возможной.

- Все так серьезно? - генерал выглядел озадаченным.

- Более чем.

- Ну что ж, господин Лавров, я не ожидал такого поворота нашей беседы. Мне необходимо подумать и согласовать в министерстве все детали. О решении вас известят завтра в течение дня.

Аванс мы получили в размере девяноста процентов от суммы контракта. Я о таком боялся даже мечтать. Видимо, профессор Алатас и генерал Баррингтон смогли найти правильные слова для обоснования этого решения.

Я не слишком интересовался светскими новостями, без них забот хватало, но то, что сейчас происходило в сети, не обошло даже меня. В Земной Федерации разгорался грандиозный коррупционный скандал, и, возможно, я все-таки пропустил бы его мимо сознания, но мой злой внутричерепной червячок сомнения вновь схватился за свои молоточки и принялся долбить ими в темечко, не объясняя, правда, в чем он видит подвох. Я решил не игнорировать активность полезной зверушки и попытался вникнуть в проблему более внимательно.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что мишенью наезда является Русский Оружейный Концерн.

Его всячески полоскали сетевые издания, особенно те, которые, как я знал, активно спонсировались Глобал Випон Индастриз. РОК обвиняли в недобросовестной конкуренции и взятках чиновникам за создание для концерна благоприятных условий участия в конкурсах минобороны. Эта песня стара, как мир, и даже не только как этот, но и как тот, где я был бригадным генералом.

Через несколько дней этой вакханалии противники Русского Оружейного перешли от слов к делу, что выразилось в арестах нескольких высокопоставленных функционеров концерна. Возможно, какие-то реальные факты за всем этим грандиозным словоблудием действительно стояли, а может, и нет, но обычная в таких случаях юридическая карусель со следователями, адвокатами, свидетелями, мерами пресечения и группами неустановленных лиц закрутилась очень бодро.

Пока меня все это напрямую не касалось, я продолжал заниматься своими делами. Учеба в академии отнимала немало времени, да еще постоянно приходилось встречаться с подрядчиками, чиновниками минобороны и других ведомств, поставщиками оборудования и массой других нужных людей, без которых наладить производство крупной партии комплексов РЭБ не представлялось возможным.

Получив щедрое финансирование, моя научно-инженерная группа закупила дорогущее оборудование и с головой ушла в работу над новыми процессорами, основой архитектуры которых явились знания из моей прошлой жизни, намертво вбитые в мой мозг добрым доктором Силком. Мы всерьез поставили перед собой цель кардинально изменить качество связи в армии Федерации. Меня не оставляла мысль внедрить здесь ставшие стандартными в моем бывшем мире подразделения дистанционно управляемых

штурмдронов, которых ведет в бой один пилот в управляющем модуле. Мыслью этой я пока ни с кем не делился, но многие новые разработки Оружейной компании Лавровых, так или иначе, работали на ее воплощение. Ну и конечно, где-то в туманной перспективе я уже различал смазанные контуры ворот гиперпортала, которые и являлись моей главной задачей, но до них местным технологиям еще требовалось расти и расти.

Дней через десять после завершения нашей операции меня неожиданно вызвал в свой кабинет начальник академии Генштаба. С торжественным выражением лица генерал армии О'Салливан выслушал мой доклад, вручил мне новый квалификационный шеврон, обогатившийся еще некоторым количеством боевого опыта, и объявил, что за успешный рейд в систему Глизе я представлен к внеочередному званию, так что теперь я стал лейтенантом и сравнялся в звании с обычными выпускниками высших военных училищ.

За всеми этими заботами я лишь урывками следил за разворачивающимся все шире коррупционным скандалом, и, наверное, поэтому вовремя не расслышал тревожных звоночков, зазвучавших в речах сетевых репортеров, хотя первые признаки неприятностей начались не с них.

В академию прибыла комиссия министерства обороны. Чем занимались эти надутые индюки с генеральскими погонами, я не знал, и знать особо не рвался, пока прямо в нашу аудиторию, где проходило занятие по взаимодействию родов войск, не явился посыльный и не потребовал меня на выход, дабы я мог предстать перед высокой комиссией и ответить на ее вопросы. Выходя из аудитории, я краем глаза заметил злорадные ухмылки на лицах майора Линдена и его дружков, но решил не заморачиваться и не придавать этому особого значения. Возможно, зря.

- Лейтенант Лавров, - выслушав мой доклад, обратился ко мне исполненный собственной значимости генерал-лейтенант. Представиться он не соизволил, - комиссия внимательно изучила ваше личное дело, и у нас возникли вопросы, как к вам, так и к вашим покровителям, рекомендовавшим вас для поступления в академию Генштаба. Им мы соответствующие вопросы еще зададим, а здесь и сейчас отвечать будете вы, лейтенант.

Я молча ждал продолжения. Испугать или смутить меня таким словоблудием можно было разве что лет пятьдесят назад, да и то не факт. Детдомовское детство и кадетское училище, они, знаете ли, закаляют.

- Вам не интересно, что комиссия желает у вас узнать, лейтенант? - задал глупейший, на мой взгляд, вопрос генерал-майор, сидящий справа от председателя комиссии.

- Господин генерал-майор, - ровным голосом ответил я, - я жду, когда председатель или члены комиссии начнут задавать мне вопросы и готов дать на них максимально полные ответы. Любые другие действия или слова с моей стороны были бы нарушением субординации.

- Ну хорошо, лейтенант, раз вы хотите формального подхода, вот вам первый вопрос, - вновь взял слово председатель комиссии, и, заглянув в планшет, продолжил, - Как получилось, что будучи обычным средним учащимся ничем не выдающейся школы на Титане вы вдруг, в течение нескольких месяцев стали обладателем четырех дипломов о высшем образовании?

Они мучали меня больше двух часов. Все эти вопросы в той или иной форме мне уже задавали раньше, и теперь я заученно и монотонно отвечал на них, пытаясь понять, что же им на самом деле от меня нужно. Что-то новое появилось только в самом конце этого допроса.

- В аналитический департамент министерства обороны недавно поступил доклад генерал-полковника Свирского о примененном вами в процессе решения учебной задачи новом сценарии ведения боя за Глизе-4, который позволил достичь боевой эффективности, более чем в три раза превышающей результат, полученный в реальном бою генерал-лейтенантом Сандерсом, и более чем вдвое превосходящей максимальную эффективность, теоретически рассчитанную аналитиками Генштаба. Комиссия внимательно изучила данный учебный бой. Нас интересует, чем вы руководствовались, принимая решение снять орбитальные крепости и корабли седьмого флота с обороны планеты и сосредоточить их для защиты небольшого участка поверхности, где находились вы сами и подчиненные вам войска. Отвечайте, лейтенант.

- В первую очередь я руководствовался именно соображениями боевой эффективности, господин генерал-лейтенант. Кроме того, я принимал во внимание возможность дать надежное убежище хотя бы части, пусть и небольшой, населения планеты.

- Принимая решение, вы отдавали себе отчет, что большая часть населения планеты останется без защиты и попадет в руки противника?

- Отдавал. Это решение было принято осознанно.

- Очень хорошо, лейтенант, очень хорошо. Теперь последний вопрос. Вы являетесь главой Оружейной компании Лавровых, которая сейчас выполняет контракт по государственному заказу. Одновременно с этим вы проходите обучение в академии Генштаба, чтобы в перспективе стать высшим офицером нашей армии. Как вы объясните этот факт?

- Я не вижу противоречий в этих двух занятиях, господин генерал-полковник. Я действительно стремлюсь сделать военную карьеру. И я действительно

хочу производить оружие и военную технику высокого качества, столь необходимую нашей армии.

– А вам не кажется, лейтенант, что ваш потенциальный высокий пост в армии сможет способствовать получению вашей компанией преимуществ перед конкурентами в конкурсах министерства обороны?

Что-то кольнуло мой мозг. Не иначе, мой боевой червячок опять проснулся. Где-то я уже слышал подобную формулировку. Точно! Примерно так звучали обвинения против функционеров Русского Оружейного Концерна.

– Я не оперирую такими понятиями, как «кажется», господин генерал-полковник, – спокойно ответил я, – любые домыслы, не подкрепленные фактами и доказательствами, остаются только домыслами. Могу лишь ответственно заявить, что подобная возможность мной никогда не рассматривалась.

– А зря, лейтенант, очень зря. Над такими вещами стоит задумываться самому, пока о них не задумались другие. Вы свободны, лейтенант, пока свободны, но поразмышляйте на досуге над моими словами.

Звонок Джеффа застал меня за обедом в академии.

– Командир, что происходит? – в голосе моего главного инженера звучало неподдельное беспокойство.

– Пока не знаю, Джефф, а в чем дело?

– Уже час, как сетевые СМИ на все лады поливают грязью нашу компанию. Нас обвиняют в сговоре с Русским Оружейным Концерном. Какие-то проходимцы провели журналистское расследование и с умным видом заявляют, что мы закупаем у РОК множество различного оборудования и, стало быть, связаны с ними экономическими интересами, а значит, можем участвовать и в коррупционных схемах. Я такого бреда

в жизни не слышал, но они это все несут в массы с одухотворенными выражениями на лицах. Уррроды!

– Так! Стоп, Джефф. Похоже, ребята из ГВИ вышли на тропу войны. Мы для них, конечно, не главная цель, но, видимо, они думают, что смогут решить одним ударом сразу все свои проблемы. Вызывай профессора, и ищите надежную юридическую компанию. Нам понадобятся услуги хорошего адвоката. Нужно было озаботиться этим раньше, ну да что уж теперь.

Свои штатные юристы у нас, конечно, были, но специализировались они на коммерческом праве, а здесь явно требовался совсем другой уклон.

– Командир, если надо быстро и надежно, то не нужно никого искать. Моя сестра замужем за неплохим адвокатом. Его хлеб – уголовные дела. Думается мне, это наш случай. С такой информационной поддержкой без наезда правоохранителей или безопасников точно не обойдется.

– Хорошо, Джефф, свяжись с ним, будем думать, как нам вылезать из этой задницы.

В комфортном салоне представительского флайкара президент Тобольский вновь вернулся к обсуждению текущих дел со своим референтом, прерванному отлетом на церемонию ввода в строй нового линкора.

– Что у нас дальше по списку, Игнат?

– Господин президент, вы просили сообщить вам, если у младшего лейтенанта Лаврова и его оружейной компании получится что-то толковое.

– И как? Получилось?

– Насколько я могу судить, получилось. Они сделали очень неплохой комплекс РЭБ и даже провели его боевые испытания в системе Глизе, успешно эвакуировав оттуда персонал научной лаборатории по разработке плазменного оружия.

– Вот как? И, кстати, по плазме есть подвижки?

– Пока только фундаментальные исследования. До рабочих образцов еще очень далеко.

– Ладно, давайте вернемся к Лаврову.

– Минобороны приняло его комплекс РЭБ на вооружение и заключило с ним крупный контракт.

– И его еще не пытались сожрать конкуренты?

– Пытались, но он отказался продавать свою компанию. Еще есть подозрения, что на боевых испытаниях его людей должен был ждать очень неприятный сюрприз, но то ли что-то не сработало, то ли они успешно вывернулись из неприятностей, причем, второе более вероятно. А сейчас в сети идет серьезная информационная атака на его компанию. Ее пытаются притянуть к скандалу с РОК. Все обвинения – явная фальшивка, но сделано все профессионально, и общественное мнение формируется соответствующее.

– Следите за ним и дальше. Если произойдет что-то существенное, немедленно доложите.

Арестовали меня прямо в академии, в моей комнате. Оперативники прибыли втроем, предъявили ордер на арест и предложили следовать за ними. Вели они себя достаточно корректно и разрешили мне известить о случившемся адвоката.

А вот дальше начался настоящий дурдом. Ни я, ни адвокат долго не могли понять, в чем, собственно, меня обвиняют, но когда обвинение было-таки сформулировано, ощущение бредовости происходящего только усилилось.

– Арестованный Лавров, вы обвиняетесь в многократных покушениях на дачу взяток федеральным чиновникам по мотивам личного обогащения с целью создания для компании, принадлежащей вашей матери, благоприятных условий работы по госконтракту с министерством обороны. Кроме того, вы обвиняетесь в нецелевом расходовании средств, полученных

Оружейной компанией Лавровых в качестве аванса по государственному контракту. В совокупности указанные преступления предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет. Вы признаете себя виновным в совершении указанных преступлений? – следователь замолчал, ожидая нашей реакции.

– Мой клиент не признает свою вину ни по одному из пунктов и хотел бы ознакомиться с доказательствами, господин следователь, – нейтральным голосом произнес мой адвокат Сергей Исаев.

Толковых доказательств у следствия не могло быть по определению, но в СБЗФ, Службе Безопасности Земной Федерации, дураков не держали, и работали здесь опытные и профессиональные следователи. Что-то, а шить дела они умели и делали это с душой, особенно когда их хорошо мотивировали.

Что можно сделать, если по коррупционному делу нет прямых доказательств? Есть несколько путей. Во-первых, отсутствие прямых улик можно компенсировать большим количеством косвенных. Мне показывали бесконечные записи с камер внешнего и внутреннего наблюдения, на которых я действительно встречался с различными людьми, некоторые из которых и впрямь являлись казенными чиновниками. Ряд записей шли без звука, из других выдергивались отдельные фразы, вроде «мне кажется, что такой подход будет взаимовыгодным» или «я полагаю, что в таком решении заинтересованы обе стороны». И ко всем этим эпизодам прилагались тщательно разработанные легенды, состоящие, в основном из пустых слов, но в совокупности создающие ощущение огромной работы, проделанной следствием, и, вроде как, что-то даже доказывающие, хотя возьми каждую из них в отдельности, и кроме словоблудия ни в одной ничего найти не удастся.

Во-вторых, можно всячески очернить и демонизировать личность обвиняемого в глазах судей и общественности, что особенно важно, если процесс будет открытым. В этом направлении следствие тоже поработало на славу. Активно педалировалось мое одновременное обучение в академии и владение оружием бизнесом. Естественно, мотивы поступления в академию однозначно трактовались, как способ в дальнейшем лоббировать интересы Оружейной компании Лавровых. Припомнили мне и тот учебный бой с якобы брошенным по трусости на растерзание врагу населением целой планеты, хотя какая может быть трусость в учебном бою? Что-то написали даже про мои дипломы, сославшись на косвенные доказательства подкупа экзаменаторов, но указав, что расследование по этому делу остановлено за истечением срока давности. Я знал, кому сказать спасибо за эту часть обвинительного заключения, но легче от этого мне не становилось.

Ну и, наконец, свидетели. Это песня отдельная и очень яркая. Если сильно захотеть, следователь почти всегда может подобрать ключик к чиновнику средней руки. Пойманный на взятке или растрате чиновник, понимающий, что от наказания не уйти, готов идти на любое сотрудничество со следствием, чтобы избежать реального срока, в том числе и на работу «говорящей головой» в тех уголовных процессах, которые ему укажет следователь. Вот и сейчас, нашлись аж трое мелких функционеров минобороны, с которыми я действительно один-два раза встречался, и которые, как оказалось, сидели на крючке у СБЗФ. Эти господа, глядя мне в глаза на очных ставках, с неподдельной искренностью уверяли следователя, что я предлагал им взятки, но они мужественно отказались.

В качестве вишенки на торт мне вменили растрату части аванса, полученного от минобороны по

контракту. Оружейная компания Лавровых действительно потратила часть этих денег на закупку оборудования, не используемого непосредственно для выполнения работ по заключенному с минобороны договору, но на сроки и качество работ это никак не влияло. Следовательно вполуха слушал мои пояснения, и было видно, что для него это просто еще один эпизод, призванный окончательно потопить обвиняемого в суде.

Ознакомившись с материалами дела, мой адвокат тяжело вздохнул:

– Непростой случай. Мне очевидно, что дело сфабриковано, но эта лавина негатива может плохо повлиять на судей и присяжных. Кроме того, сейчас поднялась такая волна в сети... Русский Оружейный Концерн разносят в щепки. Там действительно нашлись какие-то нехорошие факты, которые умело раздули до состояния чуть ли не измены Родине. И к этой истории постоянно приплетают Оружейную компанию Лавровых. Все только на словах, но общественное мнение, вы же понимаете, штука управляемая. В общем, я сделаю все, что возможно, чтобы разбить большую часть обвинений, а может и все, если не будет совсем уж предвзятого отношения судей, но нам нужен запасной козырь, поскольку гарантировать, что мы отобьемся чисто по праву, я не могу.

– И что это за козырь?

– Ваша Золотая Звезда и Железный Крест. Сейчас ведь идет война, а вы имеете высшие боевые награды, что многое меняет. В статуте этих орденов есть кое-какие привилегии для их кавалеров. Не многие знают такие подробности, но в военное время в случае уголовного преследования обладателя любого из этих орденов есть возможность прекратить дело путем внесения поручительства высшими офицерами армии Федерации. Не на все статьи уголовного кодекса такая возможность распространяется, но наш случай как раз

подходит. Это дополнение к статуту орденов было внесено в начале войны, в самые тяжелые годы, когда каждый хороший солдат и офицер могли качнуть чашу весов в ту или иную сторону. Если десять высших офицеров будут готовы за вас поручиться и заявить, что, по их мнению, обвинения ложны, а также укажут, что лишение вооруженных сил Федерации такого офицера, как вы, может отдалить нашу победу, уголовное дело будет прекращено вплоть до окончания войны, а все обвинения будут сняты.

– Десять высших офицеров? А чем рискуют поручители?

– Если все же выяснится, что обвинения имели под собой основания, это может сказаться на их карьере не лучшим образом. Но доказательства для этого должны быть действительно железными.

– Сказать честно, Сергей, – с сомнением ответил я адвокату, – я не знаю, найдется ли столько генералов и адмиралов, готовых рискнуть карьерой ради меня. Да и про волну негатива вы сами мне только что рассказали.

– На крайний случай, я поставлю в известность всех потенциальных поручителей, с кем вы служили или как-то пересекались по жизни. Процесс будет открытым, они смогут сами все увидеть и принять решение.

– Хорошо, Сергей, так и сделаем, – согласился я и после некоторых раздумий продолжил, – раз уж ситуация приняла такой жесткий оборот, пожалуй пора выкладывать на стол все карты. Свяжитесь с майором Андре Мбиа из сто пятой пехотной дивизии. Он передаст вам доказательства предательства, имевшего место во время нашей последней операции в системе Глизе-338. Я думаю, служба собственной безопасности министерства обороны может этими материалами очень заинтересоваться.

Суд должен был состояться через две недели. Лоббисты ГВИ напрягали все силы, и следователи торопились. Прокуратура тоже действовала весьма оперативно и утвердила обвинительное заключение в рекордные сроки. Накал страстей вокруг Русского Оружейного Концерна достиг своего максимума, и организаторы скандала не хотели упускать возможность провести суды над фигурантами этого громкого дела на пике народного гнева.

Но РОК тоже не собирался сдаваться без боя. У него имелись свои лоббисты в государственных органах, свои карманные СМИ и прикормленные общественные деятели. Глобал Випон Индастриз начала получать болезненные уколы в уязвимые точки, которых у нее, как и у конкурентов, оказалось немало. Некоторые дела против руководителей Русского Оружейного начали разваливаться, как карточные домики. Ресурсов у РОК было, конечно, не так много, как у ГВИ, но и ломать – не строить. Развалить уголовное дело обычно проще, чем довести его до логического завершения.

Обыватели метались из крайности в крайность, не понимая, что же происходит на самом деле и почему мир в одночасье сошел с ума, а накопленные за годы оружейными корпорациями объемистые цистерны информационного навоза, тихонько пованивавшие до этого времени привычным фоном мелких скандальчиков и незначительных расследований, вдруг начали извергаться в сеть могучими гейзерами, заливая все вокруг своим содержимым.

Мое дело на этом фоне выглядело довольно незначительным эпизодом, но все же смогло привлечь внимание многих людей, в том числе знавших меня лично. Когда потоки грязи, заливающие мое имя в сети, достигли апогея, в комментариях к многочисленным заказным статьям и таким же заказным темам на форумах вдруг неожиданно для всех появились

сообщения, явно не соответствующие ожиданиям заказчиков этих материалов.

«Все это – дерьмо. И газета ваша – дерьмо. Я воевал с Лавровым на Каптэйне. Если бы не он, я сейчас гнил бы в плену у кваргов или сдох бы от ран. И если этот человек взялся за производство оружия, за нашу армию я спокоен. Отвалите от Лаврова, козлы. Ефрейтор Антон Гнездов. Спецназ планетарного десанта».

«Вы кого в трусости обвиняете, недоумки? Курсанта, принявшего командование полком, когда погибли все офицеры? Человека, отбившего у кваргов полторы сотни наших пленных на Лейтене-5? Я обязан ему жизнью, и не я один. Он дал кому-то взятку? Не несите бреда. Я бы поверил, что он дал кому-то в морду, за идею вымогать эту взятку. То, что вы пишете – заказная чернуха. Капитан Иван Ивлев. Сто пятая пехотная дивизия».

«Лавров купил дипломы о высшем образовании? Я лично принимал у него экзамен по биохимии. Вы даже не удосужились связаться со мной, господа журналисты. Даже врать надо уметь. Вы – не умеете. Игорь Лавров избавил человечество от астероидной горячки. Его имя стоит первым в патенте на методику лечения этой еще недавно смертельной болезни. На данный момент этому молодому человеку обязаны жизнью уже более миллиона наших сограждан. Это он тоже купил? Профессор Луцко. Колониальный Технологический институт. Титан».

«Вы совсем потеряли ориентиры, господа. Или просто продались, что скорее. Я видел Лаврова в бою, когда он был еще курсантом. Мой сын, тоже курсант, вернулся живым с Лейтена-5 только благодаря ему. Боевая эффективность тяжелой десантной бригады, которой командовал Лавров, составила сто тридцать два процента. Вы хотите лишить нашу армию такого офицера? Откройте уголовный кодекс, господа. Там

есть статья про измену Родине. Ознакомьтесь, может пригодиться. Адмирал Джеймс Фултон. Пятый ударный флот».

«К сожалению, я не знакома с господином Лавровым лично, но на моих глазах он вел бой во главе двух взводов своих людей против полного пехотного батальона кваргов, усиленного двумя тяжелыми роботами. Люди Лаврова воевали на технике, разработанной его компанией. От результатов этого боя напрямую зависела моя жизнь, и поскольку я жива и пишу эти строки, я могу с уверенностью заявить: если для того, чтобы такие машины попали в нашу армию нужно давать взятки, значит, в Земной Федерации что-то очень крепко прогнило, и нам всем скоро конец. Доцент Индонезийского военно-технического университета, майор Венинг Вуландари».

Неожиданно быстро таких сообщений набрались многие сотни. Адвокат зачитывал их мне и говорил, что эта неожиданная поддержка может существенно повлиять на исход дела, но, как видно, противника он все же недооценивал.

Дела о коррупции рассматривались судами Земной Федерации только в открытом режиме и только в формате суда присяжных. Открытый режим означал не только возможность прийти в суд лично, но и присутствовать на заседании виртуально, через сеть. К моему удивлению совсем немаленький зал суда оказался забит до отказа. Привыкшие получать всю необходимую информацию через сеть, люди, тем не менее, решили потратить свое время и прийти на суд лично. Непривычные к такому столпотворению служащие суда явно нервничали.

Меня отконвоировали в отдельное помещение, отделенное от зала прозрачными стенами, где и оставили в одиночестве. Общаться с судом и

присяжными я мог только с помощью встроенной в поверхность стола акустической системы.

Когда, еще до заседания, нам был представлен состав суда и присяжных, мой адвокат лишь покачал головой.

– Игорь, я такого беспредела не видел давно. Председатель суда вроде бы относительно независим, но имеет репутацию очень мутного типа. Один из судей – просто человек ГВИ, второй, возможно, тоже, хотя на сто процентов я не уверен. Шесть из восьми присяжных – ставленники наших противников. Один из оставшихся – человек РОКа, и я не совсем понимаю, зачем они его сюда прислали. По последнему ничего сказать не могу, но это ничего и не меняет. Вердикт однозначно будет обвинительным, но бороться будем все равно. Чем более нелепым будет приговор, тем больше шансов его обжаловать.

– А вариант с поручителями?

– Это крайний случай. Не хотелось бы ставить все на этот шанс. Вы ведь сами в нем не уверены, но если что, придется попытаться, иначе они вас просто сожрут.

Судебный процесс оказался сокращенной версией следствия. Приглашались все те же свидетели, которые говорили все те же слова. Зачитывались результаты следственных мероприятий, показывались записи моих встреч с чиновниками и оглашались легенды к ним, придуманные следствием. Вот только все эти упражнения прерывались выступлениями моего адвоката, который сбивал темп наката на меня этого негативного информационного вала и выбивал из рук прокурора один аргумент за другим.

В какой-то момент мне показалось, что дело начинает просто разваливаться. Выступления стороны обвинения стали сопровождаться недовольным гулом в зале, но судьи оказались закаленными бойцами

бюрократического фронта и даже ухом не вели по этому поводу.

Общение судей и прокурора с моим адвокатом напоминало разговор глухого со слепым. Залу это тоже стало надоедать, и шум усилился. Судья призвал присутствующих к порядку и соблюдению тишины, и под угрозой удалить посторонних из зала суда шум несколько притих.

Дело близилось к вынесению вердикта. Наконец, судья предоставил слово защите для финального выступления. В основу своей речи мой адвокат положил наиболее яркие из тех сообщений, которые он зачитывал мне из сети, сопроводив их своими комментариями и ссылками на источники информации. На людей в зале его речь произвела весьма сильное впечатление, во всяком случае, аплодисменты не стихали долго. Судьи же и присяжные сохраняли невозмутимость.

Суд объявил перерыв для принятия решения коллегией присяжных заседателей, и те удалились в комнату для совещаний. Ждать нам долго не пришлось. Через полчаса заседание суда возобновилось оглашением вердикта.

– Семью голосами за при одном против коллегия присяжных заседателей постановила признать гражданина Лаврова Игоря Яковлевича виновным по всем пунктам обвинительного заключения.

Зал недовольно заворчал. Раздалось даже несколько громких выкриков, но председатель суда вновь призвал собравшихся к порядку, и собрался уже было объявить об удалении суда на совещание для вынесения приговора, как мой адвокат поднял руку, привлекая его внимание.

– Ваша честь, – громко и отчетливо произнес Сергей Исаев, – защита настаивает на особом порядке рассмотрения дела гражданина Лаврова, основанном на

статуте орденов Золотая Звезда и Железный Крест, кавалером которых он является.

Судья на секунду потерял самообладание. То ли он надеялся, что до этого не дойдет, то ли не хотел затягивать вынесение приговора, но лицо его дрогнуло, впрочем, он быстро восстановил над ним контроль. Отказать он не мог никак. Это было бы столь грубым нарушением процедуры, что одно только это могло стать достаточной причиной для обжалования и последующей отмены приговора.

- Суд удовлетворяет ходатайство защиты, - ледяным голосом ответил председатель, - В соответствии со статутом указанных защитой орденов за подсудимого могут быть внесены поручительства высших офицеров армии Земной Федерации. Если таких поручителей окажется десять или более, уголовное преследование подсудимого будет приостановлено до окончания боевых действий, а все обвинения будут сняты. Статутом орденов и другими законами и подзаконными актами не установлено точное время, в течение которого должно быть внесено не менее десяти поручительств. Указано лишь, что это должно быть сделано в разумные сроки. Таким образом, время, в течение которого суд будет принимать поручительства, оставлено на усмотрение самого суда. Учитывая открытый характер суда, а также трансляцию заседания через сеть и возможность предоставления поручительств дистанционно, суд устанавливает, что поручительства за гражданина Лаврова Игоря Яковлевича должны быть поданы в течение тридцати минут с момента оглашения данного решения. Время пошло.

На Сергея было жалко смотреть. Мой адвокат явно не ожидал такого удара ниже пояса. И ведь возразить суду он ничего не мог, закон действительно не устанавливал конкретные сроки подачи поручительств,

а устоявшейся судебной практики на эту тему не существовало, слишком редко эта норма закона применялась в судах.

Зал вновь возмущенно гудел и уже не поддавался на призывы председателя суда сохранять тишину и порядок. Внезапный мелодичный сигнал заставил зал замолчать. Сигнал исходил с рабочего места секретаря суда.

– За гражданина Лаврова внесено поручительство, – объявил секретарь, – адмирал Фултон, пятый ударный флот, поручается, что обвинения против гражданина Лаврова ложны и что потеря армией Земной Федерации этого офицера может существенно сказаться на сроках и самой возможности достижения победы в войне.

Зал опять зашумел, на этот раз возбужденно и одобрительно.

Мелодичный сигнал зазвучал вновь.

– За гражданина Лаврова внесено поручительство. Генерал-лейтенант Шиллер, начальник ВВУ Планетарного Десанта, поручается...

Сигнал повторился.

– ... командир седьмого десантного корпуса генерал-полковник Князев поручается...

– ... командующий пятым ударным флотом адмирал Нельсон поручается...

– ... председатель попечительского совета ВВУ Планетарного Десанта генерал армии Васнецов поручается...

Зал ревел. Никто уже не слушал председателя, а охрана суда даже не пыталась что-либо сделать, следя лишь, чтобы возбужденная толпа не выходила из зоны для посетителей.

– ... профессор академии Генерального Штаба генерал-полковник Свирский поручается...

Прошло уже почти двадцать минут. Председатель суда с невозмутимым видом поглядывал на часы, и с

каждой истекшей минутой его лицо разглаживалось и начинало излучать все большую уверенность.

- ... председатель комиссии по новой технике и вооружениям генерал армии Баррингтон поручается...

- ... профессор Индонезийского военно-технического университета генерал-лейтенант Алатас поручается...

Председатель суда вновь заерзал. Оставалось еще пять минут, а восемь поручительств уже было внесено. Вот только я понимал, что список генералов и адмиралов, с которыми я был хоть как-то связан службой, уже практически исчерпан, и судья переживает зря. Некому больше за меня поручиться.

Две минуты прошли в напряженной тишине. Тем громче и неожиданней прозвучал напряженно ожидаемый залом сигнал входящего официального обращения в суд.

- ... начальник академии Генерального Штаба генерал армии О'Салливан поручается...

От начальника академии поручительства я никак не ожидал, тем приятнее оказалось его получить. Но времени оставалось не больше двух минут, а последнего поручительства так и не было. Все молча ждали.

Сигнал раздался в конце двадцать девятой минуты. Председатель вздрогнул на своем месте. Секретарь посмотрел сообщение, но вместо того, чтобы огласить его впал в какое-то странное состояние, в полном недоумении читая и перечитывая его снова и снова.

- Секретарь, огласите входящее сообщение, - не выдержал председатель суда, злобно рыкнув на своего помощника.

Секретарь очнулся от оцепенения и деревянным голосом произнес:

- За гражданина Лаврова внесено поручительство. Верховный главнокомандующий вооруженными силами Земной Федерации маршал Тобольский поручается...

Меня освободили из-под стражи прямо в зале суда, и с этого момента вся ситуация перевернулась с точностью до наоборот. Не успел я еще добраться до своей комнаты в академии, как на мой коммуникатор пришел вызов от скрытого абонента.

– Господин Лавров, – вежливо обратился ко мне мужской голос, – вас беспокоит старший лейтенант Карьялайнен, служба собственной безопасности министерства обороны. У вас найдется пара минут?

– Я вас слушаю.

– Поздравляю вас со снятием всех обвинений, господин Лавров. Они выглядели нелепо, и я надеюсь, что в отношении вас и вашей компании такого злоупотребления правом больше никогда не повторится.

– Спасибо, старший лейтенант. Я тоже рад исходу этого дела, однако, думается мне, вы позвонили не только для того, чтобы меня поздравить.

– Разумеется, не только для этого, – согласился Карьялайнен, – я бы хотел пригласить вас к нам для беседы по поводу действий группы неустановленных лиц, приведшей к искажению разведданных о силах противника в районе научной лаборатории в системе Глизе-338. Я понимаю, что вы только что освободились из-под стражи, поэтому не прошу вас о немедленной встрече, но...

– Старший лейтенант, – мягко перебил я Карьялайнена, – в таких делах затяжка времени часто имеет крайне болезненные последствия. Куда мне приехать?

Буквально в один-два дня бешеный накат сетевой прессы на Русский Оружейный Концерн резко ослаб, а нападки на Оружейную компанию Лавровых вообще сошли на нет. Мало того, на главных страницах многих

изданий, поливавших последние недели нас..., ну, назовем это грязью, появились опровержения и даже извинения с туманными оправданиями по поводу недобросовестных источников и ошибок журналистов, не проверивших информацию с должной тщательностью. Причиной тому послужила бурная деятельность Сергея Исаева. Изрядно вдохновившись результатом дела, которое он в душе не очень-то и надеялся выиграть, мой адвокат стал, как горячие пирожки печь иски о клевете против наиболее сильно клеймивших нас сетевых изданий. Изданиям стало больно. Под филейными частями их владельцев вспыхнули жаркие костры, и доводить дело до судебных решений господа журналисты не захотели.

Арестованные были функционеры РОК, вдруг оказались совсем не такими гадкими взяточниками и казнокрадами, как это представлялось еще несколько дней назад, и как-то ненавязчиво и незаметно были отпущены из-под стражи на подписку о невыезде, с перспективой отделаться, если не штрафом, то небольшим условным сроком. А вот проявившие себя в полный рост лоббисты Глобал Випон Индастриз, неожиданно обнаружили себя в камерах предварительного заключения и на допросах у следователей службы собственной безопасности министерства обороны.

Я мысленно аплодировал президенту Тобольскому, хоть и не могу сказать, что моя роль во всей этой истории меня сильно радовала. Неприятно быть пешкой в чужой игре, а президент использовал меня именно в этом качестве. Как я понял, Тобольский хотел спровоцировать ГВИ на активные действия. Ему нужен был серьезный раздражитель, для устранения которого руководству ГВИ придется раскрыться и задействовать свой административный ресурс, перейдя относительно безопасные для себя границы. Ему это блестяще

удалось. Он вбросил в устоявшееся болото с сытыми и довольными лягухами наглого и целеустремленного младшего лейтенанта, который своими действиями поднял волну, раскачавшую разжиревших обитателей и заставившую их действовать опрометчиво. Как видно, ГВИ решила, что сложилась удачная ситуация для того, чтобы не только избавиться от неожиданного, очень активного, но пока еще мелкого конкурента, но и заодно откусить изрядный кусок пирога от рынка, контролируемого Русским Оружейным Концерном. Но отхваченный было кусок, застрял в глотке, а потом пришел удар, откуда не ждали, и все, в чем ГВИ обвиняла Оружейную компанию Лавровых и РОК, неожиданно обрушилось на лоббистов и функционеров самой Глобал Випон Индастриз со стороны собственной службы безопасности министерства обороны.

Президент же до последнего момента себя никак не проявлял, но в конце, когда абсурдность происходящего стала доходить даже до обычных обывателей, очень эффектно вмешался, выдав за меня поручительство в резонансном судебном процессе. При этом, с одной стороны, никакого прямого давления на суд он формально не оказывал, а с другой, наглядно продемонстрировал всем, что правового беспредела он терпеть не будет и порядок в Федерации обеспечит.

Вот такая комбинация, в результате которой пешка в лице господина Лаврова, то есть меня любимого, удачно достигла противоположного края шахматной доски и превратилась..., нет, не в ферзя, конечно, это было бы слишком жирно для такой пешки. Скорее, в легкую фигуру, слона или коня, что для пешки тоже неплохо. Спасибо, что не разменяли на такую же пешку противника. Хотя, в данном случае я почти все время барахтался сам. Президент лишь помог мне всколыхнуть болото, рекомендовав выдачу лицензии моей компании, а дальше пешка двигалась

самостоятельно, и если бы по дороге ее сожрали, гроссмейстер-президент пожал бы плечами и забыл о ее существовании. Но вот когда пешка свое дело почти сделала, он все-таки о ней вспомнил и не дал противнику небрежным движением смахнуть ее с доски. Спасибо и на этом. А в ферзи мы еще успеем. И не надо забывать, что в этих подкововерных шахматах фигуры на доске иногда, пусть и довольно редко, могут превращаться в игроков.

Заказ мы выполняли, вполне укладываясь в график. После совместного отражения атаки ГВИ наши отношения с Русским Оружейным Концерном только улучшились, и он еще усерднее, чем раньше старался поставлять нам необходимые комплектующие без задержек и сбоев.

Совершенно неожиданно я получил приглашение на встречу от генерала Баррингтона. Вроде бы по контракту у министерства обороны претензий ко мне быть не могло. Из тысячи комплектов вооружения десантного взвода мы отгрузили им больше половины. Насколько я знал, часть этой техники уже ушла на переоснащение десантных частей, и рекламаций от них пока не поступало. Но раз у генерала есть, что мне сказать, я с удовольствием с ним пообщаюсь, тем более, что сам хотел поблагодарить его за внесенное в суд поручительство.

Генерал армии Баррингтон встретил меня со сдержанной улыбкой.

– Поздравляю с освобождением, господин Лавров, – произнес он, протягивая мне руку для пожатия.

– Спасибо, господин генерал армии, – я тоже улыбнулся, – если бы не ваше поручительство, я бы не имел сейчас удовольствия беседовать с вами.

– Скажите спасибо вашим новым разработкам, господин Лавров. Я отдавал себе отчет в том, что без

вашего участия наша армия их лишится, а это было бы неправильно. Да и сажать в тюрьму хорошего офицера во время войны... Впрочем, вы все сами понимаете. Да, кстати, именно о вашей новой технике я и хотел поговорить, пригласив вас сюда.

– С ней что-то не так?

– Скорее, наоборот, господин Лавров. Неделю назад кварги предприняли атаку на одну из планет системы Грумбридж-1618. Видимо, они планировали что-то вроде разведки боем, поскольку силы задействовали небольшие, да и планету своей целью выбрали периферийную, малонаселенную, и слабо терраформированную. Орбитальной обороны там, как таковой, не имелось, поэтому эскадра кваргов, опять появившаяся у границ системы неожиданно для нашего флота, смогла легко пробиться к планете и высажить десант. Наши войска на Грумбридже-9 не дислоцировались. Все, чем располагало руководство планеты – полицейские силы, которые, конечно, не смогли оказать серьезного сопротивления десанту. Пришлось в срочном порядке перебрасывать к подвергшейся нападению планете корабли и войска из центральных областей системы. Шестой флот отреагировал на угрозу весьма оперативно, благо после Глизе боевая готовность там поддерживалась на уровне. Кваргов выбили с низких орбит, а потом вынудили уйти в прыжок и покинуть систему. Свой десант они эвакуировать не успели, и генерал-полковнику Ивашкевичу пришлось высаживать на Грумбридж-9 шестьдесят пятую десантную дивизию. Один из ее полков за неделю до этого боя получил ваши боты, роботов и скафандры. Кваргов зачистили на удивление быстро и с потерями в пятьдесят пять процентов от расчетных, а по окончании операции генерал-полковник подал адмиралу флота Каваками рапорт с просьбой максимально ускорить

переоснащение его десантного корпуса этим новым вооружением, поскольку его наличие принципиально меняет расклад сил в бою в пользу десантников Федерации. Каваками ознакомился с записями боя и переслал заявку нам со своей резолюцией «прошу всемерно содействовать». Аналогичные отзывы мы получили и из других соединений, получивших вашу технику. В связи с этим у меня есть к вам вопрос, господин Лавров, позволяют ли производственные мощности вашей компании увеличить выпуск ваших комплексов РЭБ и ускорить модернизацию поставляемой вам министерством техники?

Я задумался. Развернуть новые мощности, конечно, можно. Дополнительный персонал мы тоже вполне в состоянии нанять, но превращать Оружейную компанию Лавровых в промышленного гиганта, штампующего боевую технику многими тысячами штук, я совершенно не планировал. Меня интересовало создание и внедрение новых технологий, разработка прорывных образцов вооружений, а не выпуск огромными партиями уже отработанных и обкатанных в бою машин. Этим пусть другие занимаются, у кого и мощности есть, и опыт крупносерийного производства.

– Господин генерал армии, – ответил я после небольшой паузы, – мы могли бы это сделать, но в наши планы не входит выпуск крупных партий военной продукции. Мы готовы передать технологию и все наши ноу-хау по данным образцам техники любой из крупных компаний, способных наладить их серийное производство. Не бесплатно, естественно, поскольку Оружейной компании Лавровых нужны средства для фундаментальных исследований и для разработки новых образцов вооружений и техники.

– Это очень разумное предложение с точки зрения пользы для Федерации, господин Лавров, но очень неожиданное для главы частной компании. Вы

понимаете, какие потенциальные прибыли вы в этом случае теряете?

– Разумеется. Но я рассчитываю компенсировать все эти потери за счет будущих доходов от реализации наших новых разработок. У нас уже есть опытные образцы, которые позволяют на это надеяться. Кроме того, генеральным подрядчиком по новому более крупному контракту все равно останется наша компания, а всех остальных мы привлечем на условиях субподряда.

– Подавайте заявку на конкурс, господин Лавров. Министерство обороны готово заказать у Оружейной компании Лавровых оснащение новыми комплексами РЭБ пятнадцати тысяч ботов, Варанов и комплектов боевых скафандров. Фактически, это перевооружение всех десантных частей нашей армии.

– Спасибо за оказанное доверие, господин генерал армии.

– Не подведите меня, господин Лавров. Я заработал себе доброе имя на снабжении войск всем необходимым в самые тяжелые годы войны. Сейчас эти тяжелые годы на глазах возвращаются, и я хочу вновь обеспечить нашей армии надежный тыл и бесперебойное снабжение лучшей техникой, которую способна выпускать Федерация. И в этом я рассчитываю на вас.

Я держал в руках тонкую пластину нового процессора и вспоминал, через какие мучения нам пришлось с ним пройти. Мои знания, конечно, очень помогли, но разница в уровне технологий между мирами бригадного генерала Дина и лейтенанта Игоря Лаврова оставалась еще очень большой. Нам пришлось всячески изощряться и заменять комплектующие, общедоступные в моем мире, феерическими поделками с применением местных технологий. В результате размер процессора получился раз в десять больше, чем

у оригинала, но это меня особо не пугало. Боевой робот – штука здоровая, места должно хватить.

Я думал с чего начать. Процессор, который я держал в руках, давал мне широкое поле для выбора. Его основное назначение – управление внешними эффекторами и всей начинкой боевых сканеров, устройств связи и комплексов РЭБ. Для наиболее эффективного использования тех программных алгоритмов, которые позволили в моем мире преодолеть длившееся десятилетиями преобладание средств радиоэлектронной борьбы над средствами связи, требовалась именно такая, специально разработанная архитектура процессора. И теперь ключевой компонент схемы слегка охлаждал мои пальцы. У нас получилось.

Я – десантник. Я был им всю жизнь в том мире, и я стал и в этом. Я прикипел к этому роду войск всем своим существом и в другой роли себя практически не мог представить, но вместе с тем я понимал, что один десант, да и вообще, одни наземные войска современную космическую войну выиграть не могут. Земной Федерации до зарезу требовался сильный флот, а его не было. Сколько бы я не улучшал оружие наземных войск, я не смогу переломить ход войны, это стало мне ясно со всей очевидностью. Ну что ж, мы, десантники, тоже можем кое-что предложить флоту. Пусть это покажется многим экзотикой, но попробовать стоит.

Я собрал на совещание весь свой научно-инженерный отдел во главе с профессором Штейном и главным инженером Джеффом.

– Господа, – обратился я к своим сотрудникам, – вы просто молодцы. Вы сделали устройство, которое позволит нашей компании занять лидирующее место на рынке. Со временем, естественно, но это время наступит достаточно скоро, не сомневайтесь. Но

главное, вот эта пластина, – показал я аудитории все ее сжимаемый в руке процессор, – позволит приблизить нашу победу. По этому случаю я назначаю всем сотрудникам отдела премию в размере годового оклада. Вы это честно заслужили.

Одобрительный шум послужил мне ответом, но эти ребята меня хорошо знали и ждали продолжения. Оно, естественно, последовало.

– Теперь, коллеги, я хочу поставить перед вашим отделом весьма нетривиальную задачу. Мы будем делать дистанционно управляемых штурмовых дронов. Смысл в следующем: есть один пилотируемый боевой робот, пилот которого управляет десятком подчиненных ему беспилотных аппаратов. Раньше это было невозможно из-за ненадежности связи, что привело бы к постоянным сбоям в управлении, но теперь у нас есть это, – я вновь продемонстрировал собравшимся процессор, – а, значит, у нас есть бесперебойная связь пилота с машинами-сателлитами. Сложность в том, что беспилотные машины должны обладать высокой автономностью. Пилот управляющего модуля, назовем его для упрощения командирской машиной, не может управлять каждой пушкой и каждым движением беспилотного подчиненного, как это делает пилот обычного боевого робота. Соответственно, нам нужен мощный компьютер в каждом дроне и, главное, надежный программный алгоритм, с помощью которого дрон будет действовать в бою. Эту часть разработки я беру на себя. А вот все остальное за вами. Завтра к вечеру я хочу видеть основную концепцию. В качестве подопытных кроликов я думаю использовать десяток трофейных Мамонтов, захваченных на Лейтене-5. Думаю, министерство обороны не откажет мне в передаче этих роботов Оружейной компании Лавровых для экспериментальных нужд.

– Лейтенант Лавров? – генарал-полковник Князев немного удивился, я впервые воспользовался прямым контактом, который он дал мне после сражения за Лейтен-5, – рад тебя видеть, офицер. Что у тебя случилось?

– Ничего столь же нехорошего, как возможность угодить за решетку на пятнадцать лет, господин генерал-полковник, – улыбнулся я, – кстати, отдельное вам спасибо за поручительство.

– Козлы, – односложно ответил генерал.

– Совершенно с вами согласен, госпо...

– Без званий, лейтенант.

– Есть. Так вот, Павел Григорьевич, мне нужна ваша консультация. Не как лейтенанту, а как главе Оружейной компании Лавровых. Я хотел бы продемонстрировать вам нашу последнюю разработку. Никакого вашего содействия в ее продвижении в министерстве обороны я не прошу, но мне нужно ваше мнение о перспективности нового подхода, который мы применили.

– Посмотреть на новое оружие генералу всегда интересно, – усмехнулся Князев, – где и когда?

– Идеально было бы, конечно, провести демонстрацию на полигоне ВВУ Планетарного Десанта на Ганимеде, но я понимаю, что оставить войска для такого перелета...

– А не надо будет никого оставлять. Мы вместе с пятым ударным идем в Солнечную систему для доукомплектования и частичного перевооружения. Видел, кстати, твои разработки, правда, пока не в бою. Впечатляет. Когда мы можем рассчитывать на полное переоснащение ими десантных частей?

– Минобороны уже подписало с нами новый контракт. Думаю, для его выполнения понадобится месяцев шесть, не меньше.

– Долго, лейтенант, очень долго! Я чувствую, что все завертится куда раньше. Ладно, когда ты хочешь меня видеть?

– Через пару недель у нас все будет готово. Вот только, Павел Григорьевич, у меня есть еще одна просьба. Вы не могли бы пригласить на мою демонстрацию адмирала Нельсона?

– А его-то зачем? Ему наши наземные дела ни разу не интересны.

– У меня есть, что предложить флоту, но без поддержки адмирала мне не обойтись. Опять же, дело не в лоббизме, а в том, что обкатывать и испытывать наши новинки мне тоже где-то понадобится, причем в условиях, близких к боевым. Для этого понадобятся корабли, а своего боевого флота у моей компании пока нет...

– Пока? – иронично приподнял бровь генерал.

– Ну... кто его знает, как оно повернется? Я бы не отказался.

Генерал-лейтенант Шиллер, как начальник училища и, соответственно, хозяин полигона на Ганимеде, принимал гостей в своем кабинете. Князев и Нельсон выглядели заинтересованными, а Шиллер, которой уже видел наши изделия, всячески их интерес подогревал легкими намеками и как бы случайными оговорками. В итоге все трое решили не затягивать дело и вместе отправились в полигонный бункер далеко за городом.

Я со своей командой был уже там. Сначала я думал сам залезть в кабину командирского робота и лично продемонстрировать генералам и адмиралу новую концепцию боя, но Инга всю ночь всеми доступными ей способами убеждала меня в том, что она справится не хуже меня, а я буду куда полезнее в бункере рядом с высокими гостями. Не могу сказать, какие аргументы

подействовали на меня сильнее, но ближе к утру я все-таки согласился.

– Господа, – начал я презентацию наших новых изделий, – перед вами хорошо вам знакомые тяжелые роботы Мамонт кваргского производства. Но таковыми они являются только внешне. На самом деле девять из них вообще ни имеют кабины пилота, они полностью автоматизированы, а место, где раньше находился пилот, сейчас занимают дополнительные компьютерные мощности и повышенный запас боеприпасов. Пилотируемой осталась только командирская машина.

– Хм... – с сомнением произнес Князев, – и как это все будет управляться в бою?

– Сейчас курсант Котова вам это продемонстрирует, – пообещал я, – мы проведем учебный бой десятки наших Мамонтов с курсантской десантной ротой. Естественно, соотношение сил явно в пользу Мамонтов, но я хочу продемонстрировать вам не столько их огневую мощь, о которой вы сами прекрасно осведомлены, сколько именно управляемость и поведение беспилотных машин в бою при интенсивном применении противником средств радиоэлектронного противодействия.

– Ну что ж, давайте посмотрим, – произнес адмирал. По лицу Нельсона было видно, что ему любопытно, но настоящего интереса он не испытывает. Ничего, дойдем и до ваших летающих железок, адмирал, потерпите немного.

Генерал Шиллер отдал приказ, и боевые машины на полигоне пришли в движение. Инга меня не обманула. Не зря она с разрешения Шиллера до седьмого пота гоняла Мамонтов по полигону, сейчас у нее все получилось просто на загляденье. Мамонты прекрасно держали боевое построение, засыпали несчастных Варанов ракетами и снарядами из пушек, сбивали

летающие в них в ответ ракеты и, вообще всячески демонстрировали неудержимость в бою.

– Какие средства РЭБ используются? – спросил меня Князев, – что-то я не вижу никакого эффекта от их работы. Ваши Мамонты маневрируют так, как будто никто и не пытается нарушить их связь с командирской машиной.

– Сначала работали стандартные средства РЭБ десантной роты. На второй минуте к ним подключились стационарные батальонные станции. Еще через минуту мы включили в работу последние разработки Российского Оружейного Концерна, а сейчас работают, в том числе, и наши последние комплексы РЭБ, которыми оснащены боты, недавно поступившие на вооружение вашего корпуса.

– Не говорите ерунды, лейтенант Лавров, – возмутился адмирал Нельсон, – так просто не бывает.

– Но это так, господин адмирал.

–Хм..., ну ладно, тогда давайте сделаем так, – произнес Нельсон, доставая коммуникатор, – Крейсеру Москва выйти на низкую орбиту над полигоном ВВУ Планетарного Десанта. Средствами РЭБ подавить связь на всей площади полигона.

Тем временем учебный бой закончился, как и ожидалось, полной победой Мамонтов. Ну, да и противник у них был все-таки не равный.

Бросив взгляд на адмирала, Князев усмехнулся:

– Господин генерал-лейтенант, – обратился он к Шиллеру, – вы не будете против, если мы тут устроим небольшие учения с высадкой десанта? Мне интересно посмотреть, как эти беспилотные роботы себя покажут против наших Бизонов под управлением опытных пилотов.

– Да пожалуйста, господа. Вы для того сюда и прилетели, – спокойно ответил Шиллер.

- Транспорту Претория высадить дивизион тяжелых роботов на полигон ВВУ Планетарного десанта. В учебном снаряжении, естественно, - скомандовал Князев в коммуникатор и, выслушав ответ, продолжил, - да, с сопровождением, как в бою. И усиленный комплект средств РЭБ дивизионного уровня им добавьте.

Коммуникатор начальника училища издал тихий сигнал. Генерал ответил на вызов.

- Господин генерал-лейтенант, вас беспокоит секретариат гражданской администрации Ганимеда. Мы наблюдаем повышенную активность боевых кораблей в непосредственной близости от столицы колонии. Нас об этом не предупреждали. У вас все под контролем?

- Не беспокойтесь, это просто небольшие совместные учения ВВУ Планетарного Десанта и пятого ударного флота. Все под контролем, инфраструктуре и жителям столицы ничего не угрожает.

- Раньше вы таких учений не проводили, господин генерал-лейтенант, но мы вас поняли. Спасибо, - и абонент отключился.

- Гражданские интересуются, что за суету мы устроили на низких орбитах, - усмехнулся Шиллер, - я их успокоил.

Тем временем крейсер встал на низкую орбиту и включил системы радиоэлектронного подавления.

- Курсант Котова, - обратился я к Инге, переключившись на свое персональное устройство связи, - продемонстрируйте высокой комиссии работоспособность ваших беспилотных подчиненных.

Инга обладала своеобразным чувством юмора, которое мне очень импонировало. Вот и сейчас она не нашла ничего лучше, чем засадить в брюхо зависшему на низкой орбите крейсеру пяток ракет из ранцевых пусковых установок беспилотных Мамонтов,

демонстрируя тем самым, что связь с дронами у нее очень даже работает. Ракеты, естественно, были учебными, но капитан крейсера обиделся и попытался накрыть наглых наземных тараканов управляемыми бомбами. Тоже, понятно, учебными. Поражающих элементов и мощных зарядов взрывчатки такие боеприпасы не имели, но светошумовые эффекты, имитирующие подрыв, производили вполне правдоподобные. В ближнем космосе и на поверхности засверкали вспышки и загрохотали взрывы.

Коммуникатор Шиллера вновь подал сигнал.

– Господин генерал-лейтенант, – раздался из устройства взволнованный голос, – это внешний орбитальный пост Каллисто-14. Мы наблюдаем бой на орбите Ганимеда. Что у вас происходит?

– Э... господа, не волнуйтесь. Это учения. Мы с пятым ударным отрабатываем боевое взаимодействие флота и десантных сил. У нас все под контролем.

– Вас понял. Спасибо за информацию, господин генерал-лейтенант.

Тем временем на поверхность полигона высадился полный дивизион Бизонов со средствами усиления. Это вам не курсантская рота. Драка пошла всерьез. Мамонты Инги упорно не поддавались попыткам нарушить их связь с командирской машиной, а сама Инга с большим азартом шпиговала Бизонов управляемыми ракетами, которые почему-то сбивались с курса гораздо реже, чем к этому привыкли пилоты тяжелых роботов.

Расстроенный неудачей крейсера Москва, адмирал Нельсон решил добавить перцу в заварившуюся кашу:

– Авианосцу Виндхук поднять истребители и атаковать учебные цели на полигоне ВВУ Планетарного Десанта, имитируя действия атмосферных штурмовиков.

На относительно небольшом и совершенно не рассчитанном на такие масштабные учения полигоне ВВУ Планетарного Десанта развернулось эпическое сражение с применением всех родов войск. Тоннами сжигались учебные боеприпасы, ревели двигатели космических истребителей, совершенно не предназначенные для полетов в атмосфере, азартно обменивались ракетными залпами тяжелые роботы, а накал радиоэлектронной борьбы достиг такого уровня, что в гражданских сетях связи столицы Ганимеда стали возникать перебои. Боевой генерал и не менее боевой адмирал увидели перед собой оружие, которое может изменить привычный ход войны, и им не терпелось всесторонне испытать его в деле.

Коммуникатор Шиллера зазвонил в третий раз.

– Генерал-лейтенант Шиллер, что у вас там происходит? Это генерал армии Васнецов. Что? Я вас не слышу почти. Учения? Какие, нахрен, учения? Почему я не в курсе? А вы знаете, как это все выглядит с Земли? Ах, не знаете? Ну, так я вам скажу. Это выглядит, как штурм Ганимеда! Меня уже задолбали паническими воплями. Они чуть не отправили к вам флот метрополии. Что? Новое оружие? Опять этот Лавров? Не надо было за него поручительство давать, жилось бы спокойнее. Короче, генерал-лейтенант. Прекращайте там этот фейерверк и ждите нас с генералом армии Баррингтоном. Нам тоже интересно посмотреть, что за очередную игрушку дал в шаловливые ручонки Нельсону и Князеву ваш Лавров, что они поставили на уши половину Солнечной системы.

Генералы армии Баррингтон и Васнецов прибыли на Ганимед часа через три. Как и было приказано, учения приостановили, но Бизоны и Мамонты по-прежнему топтались на исходных позициях, а корабли пятого ударного флота подтянулись поближе к Ганимеду, ожидая приказов своего адмирала.

И вот все началось по новой, но более рассудительные, видимо в силу возраста, генералы армии все-таки нашли в себе силы вовремя остановить милитаристскую вакханалию.

– Вот что, господа, на сегодня, пожалуй, хватит, – подвел итог демонстрации генерал Баррингтон, – продолжим завтра, но не здесь. Хватит уже пугать мирное население Ганимеда. Господин Лавров, у вас есть возможность к завтрашнему дню передислоцировать ваших роботов на Каллисто?

– Над нами висит целый ударный флот, господин генерал армии, – ответил за меня адмирал Нельсон, – что такое для нас десяток тяжелых роботов?

– Принимается. И вот что, господин Лавров. Завтра на Каллисто я прибуду в составе комиссии минобороны по новой технике и вооружениям. Я понимаю, что вы не готовились к государственной приемке ваших образцов, но то, что я увидел... В общем, мы не можем позволить себе тянуть время, когда наша армия нуждается в таких машинах. И еще одно. Что натолкнуло вас на мысль создать беспилотное подразделение? Это ведь совершенно новое слово в нашей военной доктрине, да и в доктрине кваргов тоже.

– Господин Генерал армии, я считаю, что солдату в бронескфандре в современном линейном бою не место. Это пережиток, держась за который, мы несем большие потери в людях. Сколько нужно времени и средств, чтобы подготовить одного толкового пехотинца? А какова его боевая эффективность по сравнению с боевым роботом? Мы должны беречь наших людей, а мы посылаем их в бой иногда даже в легкой броне. Диверсант или разведчик – да. Им бронескафандры подходят, как нельзя лучше, но линейная пехота должна исчезнуть из армии. И заменить ее беспилотные дроны. Это сейчас мы для примера подготовили полудивизион тяжелых роботов, но мы уже работаем и

над более легкими моделями, которые заменят отделение десантников. В десантной боте будет один живой пилот, в командирской машине. Остальные – управляемые им штурмовые дроны. При этом возрастет живучесть отдельной боевой единицы, в разы уменьшатся потери в людях, и на новый уровень выйдет одна из главных характеристик подразделения – плотность огня.

Баррингтон посмотрел на меня, хотел что-то еще спросить, но в итоге сказал только:

– Я вас услышал, господин Лавров. Завтра в четырнадцать будьте готовы принять мою комиссию.

На Каллисто у нас все прошло без проблем. В составе комиссии больше не было лоббистов Глобал Випон Индастирз, а новые помощники Баррингтона, генерал-лейтенант и вице-адмирал, оказались вполне вменяемыми людьми, весьма заинтересовавшимися новой концепцией.

После окончания испытаний Нельсон и Князев отозвали меня в сторону.

– Лейтенант, – обратился ко мне Нельсон, упорно воспринимавший меня, как офицера, а не как главу частной компании, – генерал-полковник Князев позвал меня сюда показать вашу новинку, и мне, скажу честно, было очень интересно, хотя к моей специализации ваша разработка отношения не имеет. Но мне было обещано, что вы сможете удивить меня чем-то полезным для флота. Это так?

– Так точно, господин адмирал.

– Я вас внимательно слушаю.

– Господин адмирал, у меня для вас есть две концепции. Пока это только идеи, но их воплощение для наземных войск вы только что видели. Первая: представьте себе десять космических истребителей, только один из которых пилотирует человек. Это

полный аналог того, что вы видели вчера и сегодня на полигоне.

– Идея понятна, – кивнул Нельсон, – а вторая?

– А теперь представьте себе следующее: идет эскадренный бой. Как часто вплотную к вражеским тяжелым кораблям удастся прорваться истребителям?

– В каждом бою такое бывает, но что может сделать истребитель своим оружием линкору? Здесь нужны пушки крупного калибра или торпеды. Истребители их не несут.

– Но ведь десяток беспилотных аппаратов размером с истребитель вполне способны сбросить на борт вражеского корабля несколько десятков штурмовых дронов.

– Абордаж в космосе?! – на лице адмирала выразилось неподдельное удивление, – мы никогда не пытаемся захватывать даже сильно поврежденные корабли врага. Слишком велик шанс самоуничтожения судна при угрозе захвата. Так рисковать людьми никто не готов.

– Так ведь то людьми, господин адмирал. А я предлагаю отправить на абордаж группу беспилотных дронов, управляемых извне. При проникновении на корабль противника они начинают уничтожать экипаж и наиболее важные узлы и агрегаты. Кораблю сразу становится не до сражения, и он выходит из боя, – я не стал грузить Нельсона еще одной возможностью, которая пока не была до конца отработана. Я хотел применить свой опыт перехвата управления вражеской техникой, так пригодившийся мне на Лейтене-5 и на Каптэйне, но уже применительно к кораблям противника.

– А как ваши дроны будут управляться после проникновения на корабль? Сигнал извне не пробьется внутрь, а обратный сигнал не выйдет наружу.

- Мы думали об этом. Проблема решается цепью ретрансляторов. Не буду утомлять вас подробностями, но технически это возможно.

- Знаете, лейтенант, скажи мне все это кто-то другой, я бы его и слушать не стал, но то, что я увидел сегодня, убеждает меня в том, что слов на ветер вы не бросаете. Что конкретно вы хотите от меня?

- Десяток истребителей из тех, что идут под списание, но еще живых, и возможность проводить учебные бои с привлечением ваших кораблей, когда у меня будет, что испытывать, естественно.

- Готовьте ваших дронов, лейтенант. Вот вам мой личный контакт. Скиньте мне координаты, куда вам доставить машины. Я тоже хочу такие аппараты, а то все ему одному, - кивнул Нельсон в сторону Князева, - а пилота истребителя готовить тоже, между прочим, не три дня нужно, и их вечно некомплект во флоте.

Результатом испытаний на Каллисто стал небывалый для Земной Федерации прецедент. Министерство обороны разместило в частной компании заказ на разработку нескольких типов нового оружия. Обычно этим занимались государственные институты и университеты. Частники, конечно, тоже вели свои исследования, но только за свой счет, а министерству обороны сдавали на испытаниях только готовые образцы военной техники. Здесь же готовых образцов не имелось. Ну не считать же за таковые модернизированные трофейные роботы производства кваргов. Поэтому для десантников и пехотинцев минобороны заказало нам разработку беспилотных дронов, управляемых пилотом командирского робота, а для флота - дронов-истребителей, играющих роль ведомых при пилотируемой машине ведущего. Кроме того, я убедил Баррингтона профинансировать тему создания абордажных роботов и носителей для них. Эта

идея показалась генералу сомнительной, но меня поддержал адмирал Нельсон, да и вице-адмирал, входивший в состав комиссии, этой концепцией заинтересовался.

Теперь у нас наступил редкий момент, когда в наличии имелись и деньги, и ресурсы, и нужные люди. Мы работали, как рабы на плантациях, но странным образом получали от этого удовольствие.

На занятия в академию я, бывало, приползал на последнем издыхании, и не сразу заметил, что в таких случаях преподаватели меня не трогают, то ли понимая причины моего состояния, то ли имея соответствующие инструкции от руководства. Мне это не нравилось, но я принимал ситуацию, как данность, стараясь хотя бы не заваливать контрольные задания. Почти всегда это удавалось. Майор Линден из группы исчез бесследно. Вместе с ним куда-то делся и второй майор, а капитан остался, но вел себя тихо, лишь изредка кидая в мою сторону осторожные, но злобные взгляды.

Новую технику мы подготовили к первым испытаниям только через два с половиной месяца, и я сразу постучался на коммуникатор адмирала Нельсона.

– Господин адмирал, я готов прибыть в место дислокации вашего флота со своими изделиями.

– Что хотите привезти, лейтенант?

– Девять беспилотных истребителей и командирскую машину. Плюс десять носителей на базе истребителя с пятью дистанционно управляемыми абордажными роботами на борту каждый. Ну и для генерал-полковника Князева три отделения штурмовых дронов и три командирских машины к ним.

– Добро. Мой флот сейчас в системе звезды Росс-154. Через два дня из Солнечной к месту нашей дислокации уходит новый авианосец Веллингтон. Он должен войти в состав пятого ударного флота. Капитан первого ранга Кларк возьмет на борт вашу группу и всю

необходимую технику. Я проинструктирую его, чтобы разместил вас и дал возможность подготовиться к испытаниям. Работать будете с авианосца, это будет удобно во всех отношениях.

На борту авианосца на фоне синих флотских мундиров мы смотрелись воронами цвета хаки и привлекали всеобщее внимание. Еще больший интерес вызывала наша техника. На скромно стоящие в одном из ангаров десантные боты никто особо внимания не обращал, а вот вокруг беспилотных истребителей и носителей абордажных дронов местный народ ходил кругами и водил жалом, искренне недоумевая в душе, что эти армейцы тут делают, да еще и с явно флотской техникой.

В конце концов, капитан Кларк не удержался и подробно расспросил меня о назначении наших аппаратов. Идея беспилотных истребителей вызвала у него неприкрытый скепсис, и во время одной из пауз между гиперпрыжками он предложил мне провести учебный бой между моими машинами и десятком его истребителей. Я, естественно, отказываться не стал. Любая подобная затея – часть испытаний и, следовательно, мне она только на пользу. Правда, кроме меня, пилотировать командирскую машину оказалось некому, а пилот-истребитель из меня еще тот. Я, конечно, пилотировал Кирасир и десантные боты, но это не то, от слова совсем. В итоге летал я ожидаемо криво, а вот мои беспилотные подчиненные действовали достаточно неплохо. Конечно, они работали шаблонно, используя готовые алгоритмы боя, зашитые в их компьютерные мозги, но при этом они, во-первых, не ошибались, а во-вторых, могли себе позволить более резкие маневры и больший расход боеприпасов. Ну и, наконец, станции РЭБ последней модели тоже очень нам помогали.

Мы крутились вокруг авианосца, разыгрывая один из типичных сценариев боя – встречное сражение. Я выделял приоритетные цели и управлял огнем дронов, стараясь сам не подставляться под выстрелы противника. Почти всегда мне это удавалось, но отсутствие опыта космических боев, естественно, сказалось, и в итоге опытные пилоты капитана Кларка все-таки одолели мою десятку. Когда, выбравшись из командирской машины, я добрался до командного поста авианосца, капитан Кларк выглядел довольным.

– Вы неплохо дрались, лейтенант, но, согласитесь, счет десять-пять говорит не в пользу вашей техники.

– Позвольте с вами не согласиться, господин капитан первого ранга, – я позволил себе легкую улыбку, – посмотрите внимательно на мои погоны. Перед вами лейтенант-десантник, то есть, извините, крыса сухопутная. Какой из меня пилот истребителя? Меня совсем другому учили. При этом в учебном бою ваша авиагруппа потеряла пять подготовленных пилотов, а условный противник – только одного, да и то любителя-самоучку. А теперь представьте, что в командирской машине буду не я, кто-то из тех парней, что сегодня так азартно гоняли моих дронов?

Капитан хмыкнул и задумался. С этой точки зрения он наш бой не рассматривал.

– Ну что ж, лейтенант, в ваших словах есть резон. Я бы хотел обкатать моих людей на вашей новой технике. Это возможно?

– Я сам хотел вас об этом попросить, господин капитан первого ранга, ведь именно для вас, для флота, мы эти машины и разрабатывали.

К пятому ударному флоту мы присоединились спустя неделю. За это время десяток пилотов авианосца успели облетать наши новые машины, и результаты учебных боев закономерно изменились. Дроны с одним

пилотом неизменно проигрывали десятке пилотируемых машин, но когда с обеих сторон бой вели профессионалы, победа в среднем давалась пилотируемым машинам ценой потери от семи до девяти бортов.

Посмотрев на наши учения, Нельсон удовлетворенно хмыкнул.

– Это что же, лейтенант, получается? Один пилот и девять дронов могут заменить, как минимум, семь пилотируемых машин?

– Так точно, господин адмирал. Статистика учебных боев это подтверждает.

– То есть мы може...

Резкий сигнал экстренного вызова прервал адмирала на полуслове. Нельсон выслушал сообщение, изменился в лице и рублеными фразами отдал приказ в коммуникатор:

– Флоту – боевая тревога. Готовность к разгону десять минут.

– Господа офицеры, – вновь повернулся к нам адмирал, – кварги атаковали систему звезды Барнарда. Шесть световых лет от Земли. Четвертый флот ведет бой на орбитах планет. Я возвращаюсь на флагман. Готовьтесь к прыжку.

Звезда Барнарда – светило одной из внутренних систем Земной Федерации. Колонизация ее планет проводилась задолго до вторжения кваргов, и после начала войны у людей имелось достаточное время для надежного укрепления системы. Именно об орбитальные крепости планет Барнард-3 и Барнард-5 сломали зубы передовые флоты врага на второй год войны. И вот теперь, после восемнадцатилетнего перерыва, война вновь вернулась сюда, причем в этот раз в гораздо более страшном обличье. Кварги не стояли на месте в своем развитии и регулярно удивляли

людей новыми технологиями и оружием, но в этот раз они превзошли сами себя.

Капитан Кларк выделил мне место в командном посту авианосца, передав в мое ведение одно из резервных рабочих мест, которое я и оснастил под свои нужды захваченным с собой оборудованием для управления носителями абордажных дронов. Когда мы вышли из последнего прыжка в трех миллионах километров от орбиты Барнарда-7, кто-то из операторов не смог сдержать удивленного возгласа.

Мы все напряженно вглядывались в сформировавшуюся на главном экране объемную тактическую проекцию и не верили своим глазам.

– Четвертого флота больше нет, – бесцветным голосом озвучил очевидное капитан Кларк.

Планеты еще держались, уж больно густо вооруженные силы Федерации увешали их орбитальными крепостями. Вместо стандартных четырех на орбите каждой из трех терраформированных планет висело по восемь крепостей, причем все первого ранга. Кроме того, в систему успели подтянуться несколько тактических групп кораблей десятого и двенадцатого флотов. Полностью оголять их зоны ответственности адмиралтейство сочло невозможным, но помощь атакуемой системе все же направило. Тем не менее, ситуация выглядела не просто угрожающей, а, практически, катастрофической.

Флот кваргов поначалу атаковал все три планеты одновременно, но, видимо, четвертый флот, опираясь на орбитальные крепости, смог нанести ему ощутимые потери, и кварги отказались от такой тактики. Перегруппировав свои силы, они нанесли концентрированный удар по Барнард-3 – самой густонаселенной планете системы. Именно в битве за

высокие орбиты планеты и погибли остатки четвертого флота.

- В составе флота противника необычно много тяжелых кораблей, - произнес старший аналитик, - пятьдесят два вымпела. Причем тип самого крупного из них нам неизвестен.

- Дайте картинку, - приказал капитан, и примерно треть проекционного экрана заняло изображение гигантского линкора. Земная Федерация таких кораблей никогда не строила, да и кварги тоже, по крайней мере, раньше. Корабль превосходил размерами самый крупный из известных линкоров минимум втрое. Орудия главного калибра, размещенные в центральной части корпуса, впечатляли своим калибром. Как раз сейчас корабль вел огонь, и стволы его пушек озарялись многокилометровыми красно-фиолетовыми сполохами стартовых разрядов, переводивших снаряды в состояние полупогружения в гипер. Это давало им возможность перемещаться с околосветовой скоростью, но на счастье обеих сторон ударять с такой скоростью в цель снаряды не могли. Вблизи крупных масс этому способу движения препятствовали физические законы. Снаряды входили в U-режим, отлетев на несколько десятков километров от собственного корабля, и выходили из него в обычное пространство примерно на таком же расстоянии от цели. В итоге к кораблю противника подлетал снаряд, имеющий вполне обычную скорость в несколько километров в секунду.

Сканеры авианосца еще не могли различить подробностей, но мы получали картинку с кораблей, находившихся в гуще сражения. Пятый ударный, из всех сил напрягая двигатели, стремился к месту боя. С каждой новой деталью, пополнявшей тактическую проекцию, становилось все яснее, что удержать систему будет крайне сложно. По числу тяжелых кораблей противник превосходил нас почти втрое, и это

не считая линкора-гиганта, который даже непонятно было, к какому классу относить.

- А ведь ему тоже досталось, - произнес капитан Кларк, увеличив на экране участок борта вражеского корабля. В броневых плитах зияли проломы от попаданий торпед или тяжелых снарядов.

- Это результат контратаки линейных сил четвертого флота, - прокомментировал старший аналитик, - к сожалению, адмирал Шиманский потерял в ней свои последние тяжелые корабли и погиб сам вместе с флагманом.

На наших глазах от попадания сразу нескольких тяжелых снарядов, пробивших уже ослабленную полученными ранее повреждениями броню, одна из орбитальных крепостей Барнарда-3 вздрогнула и вспухла ярчайшей вспышкой внутреннего взрыва. Из проломов в броне выплеснулись светящиеся языки раскаленных газов и мелких частиц. Корпус раскололся на несколько частей, которые медленно, по космическим меркам, стали разлетаться в разные стороны, оставляя за собой хвосты отваливающихся бронеплит и обломков внутренней структуры.

Державшиеся на почтительном расстоянии от планеты основные силы кваргов включили маршевые двигатели и начали выдвижение к образовавшемуся слабому участку в обороне планеты. Три линкора и полтора десятка крейсеров из состава десятого и двенадцатого флотов перестроились для отражения новой угрозы, но по соотношению сил было очевидно, что долго им не продержаться.

Пятый ударный прибыл вовремя, вот только с его силами можно было надеяться, разве что, оттянуть неизбежное. Гигантский линкор кваргов неспешно набирал скорость, приближаясь к планете, и адмиралу Нельсону нужно было принимать решение, что делать дальше, хотя, в общем-то, никакого выбора он не имел.

Отступать Нельсон не имел ни права, ни желания. Оставалось только забрать с собой в небытие как можно больше врагов.

– Орбитальным крепостям сменить позиции, – отдал приказ адмирал, перемещая в нужные точки их пиктограммы на тактической проекции. Этот маневр позволил бы затянуть брешь, образовавшуюся в обороне, но на его совершение бронированным черепахам требовалось более часа, – Авианосцам Виндхук и Веллингтон поднять торпедоносцы и обеспечить им истребительное прикрытие. Цель – флагман противника. Линкорам связать боем линейные силы кваргов. Крейсерам держать фланги и препятствовать проникновению в наш ордер легких сил врага. Третьему дивизиону эсминцев имитировать атаку на вражеские авианосцы и воспрепятствовать организованному выпуску ими истребителей.

Командиры кораблей дублировали приказы адмирала и детализировали их в пределах своих полномочий. Когда капитан Кларк закончил постановку задач подчиненным, я привлек его внимание:

– Господин капитан первого ранга, разрешите вместе с торпедоносцами отправить носители абордажных дронов. В броне вражеского флагмана есть проломы, это хороший путь внутрь для моих роботов.

– Разрешаю. Вы ведь мне напрямую не подчиняетесь, лейтенант. Делайте свое дело, не оглядываясь на меня. У меня хватает собственных забот.

– Так точно, господин капитан первого ранга, – по-уставному ответил я и переключился на канал связи со своими людьми, – Инга, готовь к вылету боты и скажи техникам, чтобы были готовы выпускать нашу десятку истребителей и носители дронов.

– Игорь, ты хочешь лететь туда?

- Кто-то должен прикрыть наших абордажников. Пилоты Кларка этим заниматься не будут, у них свои задачи, они расчищают путь торпедоносцам.

- А кто будет управлять дронами во время абордажа?

- Ты, Инга. Ты останешься здесь и будешь рулить абордажем с борта авианосца. Я тебя этому учил, и ты неплохо справлялась. Потом, по моему сигналу, бросаешь все и ведешь наш взвод в десантных ботах к флагману кваргов. Но не раньше, чем получишь мой приказ, иначе это верное самоубийство. Ты все поняла?

- А что мы будем делать там с нашими ботами?

- Дронов слишком мало. Они не справятся с абордажем такого корабля одни. Если у меня все получится, я отдам приказ. Если нет, значит, нет. Без приказа с авианосца ни шагу. Ты поняла?

- Так точно, командир, - мрачно ответила Инга и отключилась.

Чернота космоса навалилась на меня со всех сторон. Тактическая проекция командирской машины давала неплохое представление о том, что творится вокруг. Все-таки я не космонавт. Бои, да и просто полеты в космосе - не мое. Нет, пассажиром - пожалуйста. Я даже реально буду наслаждаться феерическими видами галактик и туманностей, мрачной красотой астероидных поясов и бешеным огнем звездных протуберанцев. Но на планетах мне как-то привычнее, и я все равно буду стремиться вернуться туда поскорее.

Бой вспыхнул с новой энергией. Прибытие пятого ударного изменило расклад сил, и кварги вновь начали перестроение, отказавшись от лобового удара и формируя фланговые колонны тяжелых кораблей для охвата ядра флота адмирала Нельсона. Только их гигантский флагман не сменил курса. В сопровождении нескольких крейсеров он продолжал атаку по центру,

сближаясь с планетой и как бы целясь в точку, где раньше висела на низкой орбите погибшая крепость. Я сильно подозревал, что цель такого маневра – не дать адмиралу Нельсону перегруппировать тяжелые корабли, что позволит фланговым группировкам врага спокойно изготавиться к одновременному удару, которого, по моим прикидкам, наш флот мог и не пережить. Видимо, кварги, не сомневались, что их флагман выстоит нужное время под огнем наших тяжелых кораблей, поэтому и вели себя так нагло.

Мы стремительно сближались с кораблями противника. Истребитель – штука быстрая и верткая. Носители абордажных дронов держались компактной группой. Их полетом сейчас управляла Инга с задачей вывести эти хрупкие корабли в мертвую зону систем ПВО флагмана кваргов. Впрочем, до него еще оставалось приличное расстояние.

Первая волна истребителей с Виндхука столкнулась в бою с аналогичными машинами кваргов, стремясь расчистить путь для торпедоносцев. Потери мы и противник несли примерно равные, но создать плотный заслон на пути наших машин кварги еще не успели, и если я правильно понимал, уже и не успеют.

Поняв, что авиация со своей задачей не справляется, командующий кваргов направил к флагману полтора десятка эсминцев. Эти относительно небольшие корабли могли вполне успешно бороться с истребителями за счет своей высокой скорости, довольно мощного вооружения и неплохой маневренности. Вот только все это достигалось слабой защищенностью. Эсминцу нечего делать в линейном бою рядом с линкором или крейсером. Одно удачное попадание от линкора, и он превращается в разлетающийся по случайным векторам мусор. Адмирал Нельсон имел опыт подобных боев и своего шанса не упустил. Отвлекаясь на минуту от перестрелки с

крейсерами, прикрывавшими флагман врага, линкоры пятого ударного буквально парой слаженных залпов расчистили истребителям путь.

Все-таки нескольким вражеским истребителям удалось прорваться к относительно неповоротливым торпедоносцам. Эффективно маневрировать под огнем тяжелых кораблей торпедоносцы могли, но уйти от атаки истребителя практически не имели шансов. Моим носителям дронов тоже, несомненно, досталось бы, знай кварги, что скрывается под корпусами этих машин. А так истребители противника не обратили особого внимания на десяток устаревших машин, не ведущих по ним огня. Их основной целью являлись торпедоносцы, ими они и занялись в первую очередь.

Потеряв семь из тридцати подопечных, пилоты истребителей с Веллингтона уничтожили прорвавшихся кваргов. Не знаю, что говорил им на командном канале капитан Кларк, я не имел к нему доступа, но думаю, что командиры звеньев и эскадрилий слышали о себе и своих способностях много нового.

Тем не менее, мы сблизились с флагманом противника и вошли в зону действия его пушек и ракет непосредственной обороны. Зенитных точек на бронированном борту вражеского корабля было наткано более чем достаточно. В нас полетел рой мелкокалиберных снарядов и самонаводящихся ракет, которых я не очень опасался. Наши станции РЭБ превосходили все, с чем кварги до сих пор сталкивались, поэтому их сканеры видели нас весьма нечетко, а системы наведения постоянно теряли захват цели. Учитывая, что ни мои истребители, ни носители абордажных дронов активного участия в бою не принимали, кварги полностью переключились на более активные и лучше видимые цели в виде истребителей с Виндхука и Веллингтона и, особенно, торпедоносцев, единственных, по их мнению, из атакующей флагман

волны авиации, действительно опасных для крупного корабля противников.

Я перестал следить за деталями боя. Мы приближались к кормовой части огромного линкора, в которой, как я знал, имелись повреждения корпуса. Скоро мне предстояло вступить в игру. Оставшиеся в живых торпедоносцы дали слаженный залп и начали разворот на обратный курс. Системы ПВО линкора сразу потеряли к ним интерес и вплотную занялись двадцатью пятью торпедами, рвущимися к туше корабля. Сбить их все они не сумели, и четыре бинарных боеприпаса ударили в броню. Проломить ее смогли только две из взорвавшихся торпед. Безусловно, для гиганта это было неприятно, но при его размерах я не думаю, что корабль получил действительно серьезные повреждения. А вот один из проломов показался мне очень перспективным для моих целей. Броневые плиты разошлись на площади в несколько десятков метров, открывая доступ во внутреннее пространство корабля, откуда потоком быстро замерзающих газов выносило всякий мусор, образовавшийся при взрыве проникшего под броню фугасного компонента головной части торпеды.

– Инга, пора! – я выделил на тактической проекции нужный пролом и отправил данные на авианосец.

Носители дронов совершили маневр, резко сокращая расстояние с флагманом противника. Системы ПВО линкора попытались было отреагировать на угрозу, но быстро переключились на мои беспилотные истребители, которые до этого вели себя пассивно, но вдруг тоже совершили поворот на девяносто градусов и пошли на сближение с кораблем кваргов, стреляя из всего бортового оружия и выпуская в него ракеты. То, что никакого вреда линкору эта атака нанести не могла было для меня даже не вторично, а вообще не важно. Мне требовалось отвлечь своей

активностью ПВО противника от не стреляющих машин с абордажными дронами на борту. Активная цель всегда в приоритете, и обломки девяти моих истребителей застучали по толстой броне корабля кваргов, но зато все десять носителей успели сбросить дронов до того, как ПВО линкора разнесло их в клочья.

– Игорь, абордажные дроны достигли обшивки корабля противника, – услышал я в боевом шлеме сосредоточенный голос Инги, – я отдала команду на проникновение внутрь.

Я превратился в статиста. Абордажем сейчас управляла Инга. Чтобы перехватить у нее управление дронами, мне нужно было оказаться на борту вражеского линкора и облачиться в свой специализированный бронескафандр, оставшийся еще от операции на Каптэйне и заботливо модернизируемый каждый раз, когда мои умники доводили до ума очередную новую разработку. А сейчас я был вынужден висеть в своей командирской машине недалеко от огромного вражеского корабля, скрываясь за помехами, создаваемыми станциями РЭБ и боясь пошевелиться, чтобы не привлечь внимание врага, ведь я остался один. Истребители ушли, сопровождая домой отстрелявшиеся торпедоносцы.

– Есть контакт с противником, – доложила Инга, – Дроны встретили ремонтных роботов, пытавшихся устранять повреждения. Противник уничтожен. Продолжаю продвижение.

Бой в космосе между тем продолжался. Я видел на тактической проекции, как гаснут отметки выпелов с обеих сторон, но наши, к сожалению, гасли чаще. Погибла еще одна орбитальная крепость, задавленная огнем чудовищных пушек флагмана кваргов, вышел из боя линкор Нью-Йорк, десятками гибли крейсера и эсминцы. Далеко в стороне от сражения держались десантные транспорты, готовые в любой момент либо

разогнаться и уйти в прыжок подальше из системы, либо высадить войска на планеты для поддержки планетарных сил. «Мне бы вас сюда, ребята...», подумал я, глядя на отметки кораблей генерала Князева, но никакой десантный транспорт не прорвется сквозь боевые порядки линкоров и крейсеров.

– Спецдрон-3 обнаружил целевой технический порт, – оторвал меня от размышлений доклад Инги, – я санкционировала подключение... Дрон доложил об успешном запуске адаптивного алгоритма взлома сети.

На каждом носителе размещалось пять абордажных дронов, и только четыре из них оснащались, как полноценные боевые машины, пятый же проектировался и строился, как взломщик сетей и систем управления. Я решил, что глупо будет не воспользоваться богатым опытом работы с трофейным оружием кваргов. Тяжелый корабль, конечно, не Малый Дракон и не вражеский десантный бот, но общие принципы все равно остаются, а извлеченные из моей памяти адаптивные алгоритмы взлома позволяли обходить практически все известные здесь системы защиты. И вот теперь, небольшой по сравнению даже с Вараном шестиногий робот обнаружил с помощью сканера технический порт под внешней обшивкой коридора и, быстро добравшись до него с помощью своих манипуляторов, подключился к корабельной сети.

– Новый контакт с противником..., – сообщила Инга, – Это уже были живые кварги. Члены команды в скафандрах явились разбираться, что происходит. Противник уничтожен. Сопротивления никто не оказал. Похоже, у них и оружия-то не было.

Абордажные дроны пленных не берут. У них всего два режима: рейд и захват. Если цель захвата корабля не ставится, дроны стремятся нанести всей внутренней инфраструктуре максимальный урон, разрушая наиболее важные узлы и агрегаты и уничтожая экипаж.

Если же корабль нужно захватить, экипаж вообще становится первоочередной целью.

– Есть доступ в сеть! – в голосе Инги зазвучало торжество, – что дальше делать, командир? Какие приказы отдать дрону?

Выходить на связь мне было откровенно страшно. Станции РЭБ это, конечно, хорошо, но активность в эфире... Но делать нечего. Я настроил узконаправленную антенну, записал свой ответ и отправил его на Веллингтон компактным пакетом.

– Инга, поставь ему задачу перехватить управление системами ПВО линкора хотя бы в моем секторе. Мне нужно самому проникнуть в корабль, иначе я ничего не смогу сделать.

– Выполняю.

Я ждал. Все-таки мою передачу кварги засекли. Не перехватили, конечно, но сам факт обнаружили. Система РЭБ тревожно запищала, извещая меня об активном сканировании с линкора. Стволы зениток пришли в движение. Видимо, точно захватить цель им не удавалось, но общее направление они определили правильно. Если ударят из всех стволов, придется маневрировать, а это снизит эффективность маскировки. Ближайшая ко мне зенитка выпустила очередь, которая прошла далеко в стороне, но кварги не успокоились. Несколько следующих снарядных трасс легли уже ближе. Стреляло теперь не менее десяти орудий. Очередной залп лег настолько близко, что я ясно понял, следующая очередь – моя. Я с места вывел двигатель на форсаж и сменил позицию, но было видно, что я не успеваю. Стволы орудий уверенно повернулись вслед за мной и... неподвижно замерли.

– ПВО сектора под контролем, – бодро доложила Инга.

– Спасибо, дорогая, – не включая связь, ответил я, – с меня печенка, размером с линкор.

Пролом в обшивке оказался вполне достаточным для моего истребителя. Я аккуратно ввел его в пробоину и опустил на покореженную палубу. Фугасный заряд поработал на славу, но гравитация в бывшем ангаре или складе, теперь уже и не поймешь, поддерживалась пока без сбоев.

Я еще никогда так быстро не снимал и не одевал боевую экипировку. Нас, конечно, дрючили этим процессом неустанно, но боевая обстановка, она стимулирует.

– Инга, меня нормально слышно?

– Более-менее, – сквозь шорох и скрипы пришел ответ с Веллингтона. Все-таки система маломощных ретрансляторов работала на таком расстоянии не лучшим образом. Но работала!

– Передавай мне управление абордажем и жди сигнала. Поднимай наших парней, пусть сидят в ботах в полной готовности.

Я полностью переключился на управление абордажными дронами. Их бодрое продвижение вглубь корабля застопорилось. Если бы кварги при создании своего линкора заложили в проект хоть какие-то противоабордажные средства, наших шестиногих роботов давно уже растерли бы в порошок, слишком их было мало на такой корабль. Но здесь не практиковались абордажи, и экипажи тяжелых кораблей имели только легкое личное оружие. Зато толстые аварийные переборки прекрасно справлялись с изолированием не имеющего тяжелого оружия противника в захваченных им отсеках. И кварги бы справились, но вместо тяжелого оружия у меня имелось другое, подлое и невидимое, которое сейчас с трудом продиралось сквозь достаточно сложные системы защиты и стремилось получить доступ к управлению кораблем. Я закопался в лог-файлы спецдронов и посмотрел, что мне на данный момент доступно. Без

должного присмотра роботы ломали все подряд, вплоть до систем ассенизации. Нет, можно, конечно, доставить врагу много неприятностей, заблокировав намертво корабельные галюны, но в текущей ситуации это как-то не совсем то, к чему я стремился. Я скорректировал усилия своих подопечных и присоединил к мощностям пяти специализированных роботов-взломщиков аппаратуру своей боевой экипировки, с помощью которой когда-то подчинил себе десантный бот кваргов на Каптэйне. Процесс пошел быстрее, и минут через пятнадцать я вновь вызвал авианосец.

– Инга, пора! Я заблокировал систему самоуничтожения флагмана. Теперь можно брать его тепленьким. Как у вас там обстановка? Ты сможешь привести сюда три наших бота? К вашему прилету ПВО линкора уже окончательно будет молчать.

– Хреново обстановка, командир. Кварги скovyрнули еще две крепости и ударили с флангов. Наши линкоры на последнем издыхании. Скоро эсминцы противника до авианосцев доберутся. Но мы дойдем. Расстояние до тебя сильно сократилось, так что жди нас в гости.

– Жду с нетерпением. У меня тут заглохло все без вас.

– Я уже в ангаре, сейчас вылетаем. Все. До встречи, Игорь, – и Инга прервала связь, а я опять погрузился в процесс перехвата управления линкором. Мне очень мешал экипаж. Они видели, что происходит с их сетями и блоками управления и активно пытались противодействовать, переводя отдельные посты на ручное управление. Но таким сложным техническим устройством, как гигантский линкор, просто невозможно управлять вручную, и мы боролись, постоянно раскачивая ситуацию вокруг невидимой точки равновесия.

Флагман пятого ударного флота новейший линкор Пекин еще держался. Половина башен главного калибра молчала, но корабль сохранил ход и управляемость. Системы борьбы за живучесть с трудом, но справлялись с полученными повреждениями. Пока справлялись. В самом защищенном помещении корабля, его командном посту, адмирал Нельсон продолжал управлять боем. Ему уже было плевать на цифры прогноза, выдаваемого аналитиками.

– Вероятность победы противника девяноста два процента? – переспросил адмирал, – Засуньте..., впрочем, не до вас. Виндхук, сколько штурмовиков у вас еще осталось в строю? Мне нужно, чтобы четырнадцатый вымпел кваргов больше не давил на пятую крепость, иначе она не продержится и получаса.

– Господин адмирал, – отвлек командующего от управления боем оператор контроля пространства, – интенсивность огня флагмана кваргов упала на сорок процентов. Все его орудия внешне выглядят целыми, но многие башни прекратили стрелять.

– Кто к нему ближе всех, пусть доложат обстановку. Изучите вопрос, потом сообщите мне резюме.

– Есть.

Для ботов Инги я открыл внешний шлюз технического ангара в подконтрольной мне зоне. Средства ПВО линкора надежно блокировались моими дронами. За системы сканирования пространства шла тяжелая борьба, но затруднить обнаружение десантных ботов, и так неплохо замаскированных лучшими в этом мире станциями РЭБ, я все-таки сумел. Хорошо, что вокруг флагмана кваргов образовалась своеобразная пустота. Бросив его в атаку на наш центр, кварги практически пожертвовали сопровождением своего суперлинкора. Сам он, в принципе, выдерживал огонь наших тяжелых кораблей, но вот крейсера, и тем более,

эсминцы погибли довольно быстро. В таком масштабном сражении подобная жертва вполне обычное явление, тем более что цель вполне оправдывала потери. Да и со своей задачей по сковыванию пятого ударного флота кварги вполне справились, не зря же теперь адмирал Нельсон испытывал столь серьезные проблемы из-за мощной атаки с флангов. Вот только флагман врага в итоге остался один.

Десантные боты опустились на палубу ангара и отдающиеся вибрациями перекрытий тяжелые, но бесшумные в вакууме шаги штурмовых дронов возвестили о прибытии взвода Инги. Вторым отделением дронов управлял Фултон, а третьим Джасвиндер. Я предпочел взять с собой на испытания проверенных в бою товарищей, и, как оказалось, не зря.

Вооружение штурмовых дронов не шло ни в какое сравнение с пушками небольших абордажников. Проектируя абордажных роботов, я исходил из минимальных размеров, чтобы они могли пролезть в любую щель, технический колодец или вентиляционную шахту, но я никак не рассчитывал, что им придется брать под контроль такого гиганта, у которого даже внутренние аварийные переборки имеют толщину чуть ли не с борт эсминца. Но теперь дело пошло. Часть переборок мне удалось поднять, взяв под контроль их органы управления, но многие из них были задраены вручную, что делало невозможным такой подход. Зато противотанковые ракеты, как оказалось, являются неплохими отмычками. Ну, не с первой, так с третьей попытки... В общем, мы продвигались, и каждый новый узел коммуникаций, который нам удавалось захватить, давал мне в руки новые возможности по все более глубокому проникновению в систему управления линкором.

Пятую орбитальную крепость спасти не удалось. Отчаянная атака восьми торпедоносцев, прикрытых остатками авиакрыла истребителей с авианосца Виндхук, привела к тяжелым повреждениям линкора противника, но на смену вышедшему из боя кораблю кварги прислали три крейсера, добавившие пятую орбитальную совместными залпами за сорок минут. Теперь над всем южным полушарием Барнарда-3 осталась единственная полуразрушенная крепость, вокруг которой сплотились остатки пятого ударного и несколько уцелевших кораблей десятого и двенадцатого флотов.

- Господин адмирал, флагман противника прекратил огонь. Он продолжает сближение с планетой, но не совершает маневров и не стреляет, - доложил оператор.

- Аналитики! Что происходит? Или вы способны только считать шансы нашего поражения? - рявкнул Нельсон.

- Есть информация с авианосца Веллингтон, - торопясь ответил старший аналитик, - в начале боя его авиагруппа сопровождала торпедоносцы в атаке на вражеский флагман. К атакующим присоединился лейтенант Лавров со своими экспериментальными машинами. Потом около часа назад, видимо, по приказу Лаврова, авианосец покинул подчиненный ему взвод десанта на трех ботах. На протяжении всего боя лейтенант Лавров поддерживал связь со своими подчиненными на борту Веллингтона. Больше ничего выяснить не удалось.

- Лавров... опять Лавров, - хищно ухмыльнулся адмирал, - везде, где он появляется, происходят какие-то странности. Поглядим, что будет в этот раз... Ффф-фак!!! Кларк! Что у вас происходит?

- Атакован эсминцами противника, господин адмирал, веду бой! - прокричал в ответ командир

авианосца Веллингтон

- Немедленно отступайте! Крейсер Москва!
Покинуть строй и прикрыть отступление каперанга
Кларка!

У огромного корабля всегда имеется многочисленный экипаж, как правило, отлично знающий свое судно. Кварги не были трусами и, несмотря на полную неготовность к такому повороту событий, они сопротивлялись, устраивая баррикады и завалы и даже закладывая в коридорах самодельные мины, изготовленные из боеприпасов зенитных орудий. Естественно, остановить нас вся эта художественная самодеятельность не могла, но время мы теряли, а в космосе, за толстыми бортами вражеского корабля, в эти потерянные минуты гибли наши товарищи.

Но кое-что сделать удалось. Я пока не мог перехватить управление орудиями главного калибра, но и враг уже потерял над ними контроль. В какой-то момент мне стало ясно, что без доступа в командный пост полный контроль над кораблем я получить не смогу. Опять сказывалась жесткая вертикаль подчиненности, столь характерная для общества наших противников. Ни один кварг даже помыслить не мог, что командование кораблем может осуществляться откуда-то, кроме командного поста, и вся система управления линкором была заточена именно под это. Многие команды из других мест просто физически, на аппаратном уровне, не проходили.

Наверное, при входе на командный уровень кварги собрали все, что смогли подготовить за небольшое имевшееся в их распоряжении время. Широкий магистральный коридор перегораживала баррикада, собранная из какого-то спешно демонтированного тяжелого оборудования, а за ней... за ней стояла зенитная пушка, притащенная, видимо, со склада

резервного оборудования, а может и снятая прямо с борта, с кваргов станется.

Сунувшуюся на уровень пару штурмдронов разорвало очередью на куски. Мощная оказалась зенитка. Но все-таки это уже был жест отчаяния. Что могут сделать бойцы в обычных небронированных скафандрах, даже если у них есть серьезная пушка? Только героически погибнуть. Кваргам это удалось. Мое уважение они честно заслужили. Я думаю, что даже звуком собственных выстрелов в замкнутом пространстве врагов слегка контузило, а уж после влетевшей в коридор противотанковой ракеты, разорвавшейся где-то недалеко от баррикады, кварги совсем потеряли боеспособность. Во всяком случае, ворвавшиеся на уровень после взрыва ракеты три наших штурмдрона получили в свою сторону лишь неприцельную очередь, разворотившую потолок и стену, ну а дальше все было кончено в считанные секунды.

Все. Вот теперь корабль уже точно стал нашим.

Нельсон мрачно смотрел на проекционный экран, наблюдая, как сошедшая с орбиты последняя орбитальная крепость, прикрывавшая южное полушарие планеты, разваливается на куски, сгорающие в плотных слоях атмосферы Барнарда-3. Казалось, даже этот железный адмирал больше не может спокойно смотреть на гибель своего флота, а может быть и на начало конца своей цивилизации.

Расклад сил выглядел удручающе. Кварги имели в строю четырнадцать линкоров, восемь крейсеров, три авианосца и около пяти десятков кораблей меньших размеров. Где-то вдали за их спинами маячил еще и внушительный флот десантных транспортов, готовых атаковать планеты, как только флот расчистит им путь к поверхности. Конечно, почти все эти корабли имели

значительные повреждения, но все они в той или иной степени сохраняли боеспособность. И еще было совершенно не ясно, что происходит с их флагманом, молча дрейфующим в сторону планеты.

У Нельсона осталось три сильно избитых линкора, из которых только его Пекин еще представлял какую-то реальную силу. Девять крейсеров с повреждениями разной степени тяжести были, конечно, еще вполне способны вести бой, но не против линкоров, превосходящих их числом. Поврежденный после атаки эсминцев авианосец Веллингтон прятался за спинами линейных сил вместе со своим собратом Виндхуком под охраной двух десятков эсминцев и корветов.

А кварги осуществляли неспешную перегруппировку, явно рассчитывая покончить с флотом людей последним решительным ударом, и имели на то все основания.

Перед адмиралом стоял непростой выбор. Он мог дать бой без шансов на победу, а мог отступить на другую сторону планеты, где еще сохранились три орбитальных крепости, но это означало открыть дорогу на густонаселенный Барнард-3 десантным силам кваргов. Адмирал не знал, что, фактически, решает сейчас ровно тот же ребус, который уже встретился однажды лейтенанту Лаврову, но Нельсону повезло больше, ему это решение принимать не пришлось.

– Вызов с флагмана кваргов! – раздался удивленный возглас оператора систем связи.

– Включайте.

На проекционном экране появилось объемное изображение помещения, заполненного незнакомым оборудованием непривычного дизайна. За неким подобием пульта контроля пространства стоял лейтенант Лавров в боевом скафандре тяжелого пехотинца с поднятым забралом шлема. Торчащие из-за его плеч стволы автоматической пушки и роторного

пулемета смотрелись чуждо в командном посту космического корабля, как и топтавшийся в коридоре за спиной лейтенанта легкий боевой робот Варан, видимо просто не прошедший в дверь.

– Господин адмирал, – обратился Лавров к Нельсону, – флагман противника под нашим контролем. Прошу указать место в боевом ордере флота и боевую задачу.

Нельсон молчал. Этот мальчишка опять совершил для Земной Федерации невозможное.

– Господин адмирал, корабли кваргов пришли в движение... – прервал возникшую паузу оператор контроля пространства.

– Насколько полно вы контролируете корабль, лейтенант?

– Могу совершать несложные маневры, вести огонь всеми орудиями главного калибра и, при необходимости, ракетным и торпедным оружием, господин адмирал. Системы ПВО переведены в полностью автоматический режим. В целом боевые повреждения не критичны, но под атаку торпедоносцев кораблю лучше не попадать.

– Примите координаты места в строю. Вы назначаетесь командиром... Как бы вы хотели назвать корабль, лейтенант?

– Титан, господин адмирал, – чуть подумав, ответил десантник, – Это место, где я родился и вырос.

– Ну что ж, лейтенант Лавров, это название отлично подходит для ВАШЕГО корабля.

Когда я включил маршевые двигатели и неуклюже занял место в боевой формации остатков пятого ударного флота, среди кваргов произошло замешательство. Несколько минут их корабли перемещались без всякой системы, а потом лихорадочно выстроились в боевой порядок и пошли в

атаку. От их неспешности и размеренности не осталось и следа.

Я проверил боезапас к основным орудиям и удовлетворенно хмыкнул. Снарядов еще хватало. От адмирала пришел приказ сосредоточить весь огонь на наименее поврежденном линкоре противника, и как только безумная, на мой человеческий взгляд, прицельно-навигационная система линкора захватила цель, я отдал команду башням главного калибра открыть огонь.

Расстояние было еще слишком большим, и точность стрельбы оставляла желать лучшего, но двух попаданий я все же добился. Линкор, конечно, не эсминец, и даже такой тяжелый снаряд, как мой, не мог разорвать его в клочья с одного попадания. Корабль противника содрогнулся, рыскнул на курсе, но ход не потерял и из боя не вышел. Из нашего флота стрелял пока только я. Для остальных кораблей расстояние до целей все еще превышало возможности их орудий.

Кваргов как будто подменили. Вместо агрессивного, но вместе с тем расчетливого и умного врага перед нами появился разъяренный зверь, бросающийся на противника не считаясь ни с чем. Что-то, видимо, очень важное для противника означал захват их могучего флагмана людьми, и кварги готовы были заплатить любую цену за то, чтобы не оставить этот уникальный корабль в руках врага.

Противник шел в атаку в классическом для него построении. Впереди неким подобием диска выстроились линкоры и наименее поврежденные крейсера. Вторым эшелоном шли корабли поменьше или с более серьезными повреждениями, а еще дальше под охраной эсминцев и корветов двигались авианосцы. По кораблям адмирала Нельсона никто не стрелял. Весь огонь кварги сосредоточили на моем линкоре, и, несмотря на мои не слишком изящные попытки

маневрирования, Титан постоянно содрогался от попаданий тяжелых снарядов. Далеко не все из них пробивали броню, да и те, что пробивали, вызывали разрушения не самых жизненно важных отсеков, прилегающих к обшивке. Тем не менее, эти попадания выводили из строя все больше зенитных орудий ближней обороны и пусковых шахт ракетного и торпедного вооружения. Мой корабль становился все более уязвимым в ближнем бою, и я все четче осознавал, что подпускать кваргов близко нельзя.

- Господин адмирал, - обратился я к Нельсону, - прошу разрешения перенести огонь на авианосцы противника. Дистанция позволяет, а если они выпустят авиацию и прорвутся к Титану, мне будет практически нечем их встретить.

- Двадцать процентов орудий главного калибра можете задействовать для борьбы с авианосцами. Остальными продолжайте подавлять линкоры противника, - почти без паузы ответил адмирал, - второму дивизиону эсминцев обеспечить защиту линкора Титан от возможной атаки авиации противника.

Такое решение было весьма спорным, я помнил, что стало с эсминцами кваргов, попытавшимися остановить наши истребители под огнем тяжелых кораблей, но сейчас кварги будто ослепли. Они не видели перед собой ничего, кроме своего бывшего флагмана, и Нельсон решил рискнуть.

Расстояние до противника сокращалось. Необстреливаемые врагом линкоры Нельсона вели огонь, как в тире, даже не маневрируя. Вымпелы противника гасли на тактической проекции один за другим, но мой линкор подвергался все более интенсивному избиению. Из десяти огромных башен главного калибра в строю осталось семь. Многократные попадания в уже проломленные участки обшивки

приводили к все более критическим повреждениям, и, несмотря на многократное дублирование наиболее важных узлов и механизмов, линкор все хуже слушался управления. Я прекратил попытки маневрирования, поскольку на такой дистанции они уже не приводили к снижению эффективности вражеского огня.

Один из авианосцев противника я все-таки сжег. Не знаю, куда попал мой снаряд, но корабль кваргов вспух изнутри яркой звездой, превратившейся через секунду в облако слабо светящегося газа и пыли, быстро рассеявшееся в космическом вакууме. Тем не менее, два других авианесущих корабля сумели выпустить торпедоносцы и истребители, несмотря на полученные повреждения. С этого момента авианосцы перестали быть мне интересны, и, не дожидаясь приказа, я перенес огонь стрелявших по ним орудий обратно на тяжелые корабли противника. Впрочем, линкоров у кваргов практически не осталось, если не считать еще более-менее сохранившие изначальную форму руины трех кораблей, продолжавших лететь в нашу сторону неуправляемыми грудями металла, изредка озаряющимися вспышками выстрелов немногих уцелевших орудий.

С оставшимися в строю силами кваргов уже вполне могли справиться сохранившиеся корабли пятого ударного флота, но сейчас меня волновали не крупные вымпелы врага, а торпедоносцы. Их оказалось неожиданно много. То ли кварги держали эти машины в резерве, то ли просто не нашли до настоящего момента им применения в этом бою, но сейчас к Титану приближалась волна из пятидесяти пяти торпедоносцев, прикрытых сотней истребителей. Я сильно сомневался, что приданный мне в охранение дивизион из десяти эсминцев с ними справится.

Адмирал Нельсон тоже это понимал.

- Капитан Лавров, отмена предыдущих целей. Ставьте заградительный огонь против авиации противника. Главным калибром.

Жест отчаяния. Не предназначен главный калибр для борьбы с москитным флотом. Нет, когда пушек действительно много, как, например, у меня сейчас, какой-то эффект, несомненно, будет, но средство это против истребителей и торпедоносцев все равно совершенно негодное.

- Господин адмирал, - стоять на месте и ждать начала избиения мне совершенно не улыбалось, - разрешите совершить маневр уклонения в сторону северного полушария Барнарда-3. Там еще сохранились три орбитальных крепости. Если я успею укрыться за ними, авиацию кваргов ждет горячий прием. С высокой вероятностью все вымпелы противника последуют за мной, и вы сможете вести по ним фланговый огонь.

В стандартной ситуации мое предложение выглядело рискованным, но Нельсон прекрасно видел, что кварги вцепились в мой Титан мертвой хваткой и игнорируют все остальные цели, поэтому он решил принять этот риск.

- Разрешаю, - ответил адмирал, - Второму дивизиону эсминцев следовать за Титаном и обеспечивать прикрытие от торпедоносцев противника.

Двигатели линкора повреждений не имели, и хотя энергетическая установка выдавала только семьдесят процентов мощности, маневр получился достаточно резвым. Все-таки кварги оснастили свой новый корабль всем лучшим из последних разработок, и это чувствовалось. Конечно, линкор не мог тягаться в ускорении с истребителями и торпедоносцами, но не использовать этот шанс я не мог. Хотя шанс, честно говоря, выглядел весьма сомнительным. По всем расчетам я не успевал. Это понимал я, это понимали и кварги. Тем азартнее они преследовали пытающийся

ускользнуть бывший флагман своего флота. Однако я, который бригадный генерал Дин, не зря не любил космос, предпочитая ему планеты, все же они мне роднее и ближе. Я не стал огибать Барнард-3 по широкой дуге, а направил гигантский корабль в атмосферу.

– Лейтенант Лавров, что вы творите!? – услышал я крик Нельсона по каналу связи.

– Совершаю маневр уклонения согласно плану, господин адмирал, – нагло по сути, но вежливо по форме заявил я, ощущая привычную для меня, как десантника, дрожь корпуса при входе корабля в верхние слои атмосферы, – пусть противник сунется на низкие орбиты. Там, внизу, его корабли с нетерпением ждут в шахтах противоорбитальные ракеты систем ПКО и Бизоны планетарных сил.

– Вы авантюрист, капитан Лавров! Я уже сомневаюсь в правильности своего решения доверить вам корабль, – констатировал адмирал Нельсон, но в его голосе я как-то не услышал особого осуждения, да и приказа «прекратить безобразие» тоже не последовало.

Титан трясло и раскачивало. Наверное, с поверхности зрелище разрывающего атмосферу гигантского линкора выглядело феерически. Я даже позавидовал потенциальным зрителям затейного мной спектакля. Скорость резко упала, и противник стал сокращать дистанцию даже быстрее, чем в начале моего маневра. Зато теперь вся ситуация выглядела совершенно иначе. Противник мог атаковать меня только с одной стороны – из космоса. Я вел корабль практически по границе атмосферы, лишь слегка погрузившись в нее, но при этом я развернул линкор наиболее поврежденным бортом к планете, и она защищала меня от атак с самой уязвимой стороны. Сопровождавшие Титан эсминцы в атмосферу не

полезли, но и им стало легче из-за сужения поля возможных векторов атаки.

Планетарные силы с поверхности уже вовсю стучались ко мне на связь с запросами целеуказания для систем наведения своих ракет, и я с превеликим удовольствием транслировал им данные сканеров. В результате, когда первая волна кваргов вышла на дистанцию пуска торпед, им навстречу уже летели с планеты многие сотни противоорбитальных ракет. Столь мощного залпа наземных средств противокосмической обороны я не видел со времен своего последнего сражения в прошлой жизни, но тогда такую неприятность устроили нам жабы. Теперь же такой плотности огня я мог только порадоваться. Просидевшие на планете все космическое сражение наземные войска, похоже, были просто счастливы возможности внести, наконец, свой вклад в теперь уже такую близкую победу, и расстарались они на славу. Мой линкор пыталась прикрывать даже атмосферная авиация, действующая на пределе своих высотных возможностей. Истребители проносились в нескольких километрах под Титаном целыми эскадрильями, пытаясь достать противника своими ракетами. Реальная эффективность этой стрельбы стремилась к нулю, но, по крайней мере, они мешали истребителям и торпедоносцам противника вести прицельный огонь.

И все же кварги воевать умели, даже находясь в том состоянии яростного ослепления, в которое погрузил их захват флагмана. Корпус Титана потрясли попадания пятнадцати торпед. Даже для такого гиганта это было много. Мощность силовой установки упала до сорока процентов, из орудий главного калибра уцелело менее половины и под воздействием атмосферы от поврежденных участков обшивки начали отваливаться куски брони. Я понял, что дальше такого режима

движения линкор не выдержит и аккуратным маневром вывел его обратно в космос.

Пока я пытался сбежать и оттягивал на себя силы кваргов, адмирал Нельсон времени зря не терял. Пользуясь тепличными условиями ведения боя, его корабли с комфортом расстреливали остатки флота кваргов, и к моменту, когда я добрался-таки до зоны ответственности одной из орбитальных крепостей северного полушария планеты, воевать им стало уже не с кем. Боевые корабли кваргов кончились, а флот десантных транспортов, так и простоявший в бездействии все сражение, разогнался и ушел в прыжок, покинув систему.

Последние истребители и торпедоносцы противника оказались в безнадежном положении. Достать Титан за спинами орбитальных крепостей они больше не могли, да и мало их уже осталось, а возвращаться им было просто некуда, их авианосцы погибли в бою с кораблями адмирала Нельсона. Тем не менее, сдаваться кварги не стали и погибли все, до последней машины, в самоубийственной атаке на орбитальную крепость, прикрывшую собой мой корабль.

– Господин адмирал, маневр уклонения выполнен. Боеспособность корабля на уровне тридцати пяти процентов, – доложил я Нельсону, – Прошу дальнейших указаний.

– Поздравляю вас с победой, господа! – передал адмирал по общему каналу, не обратив внимания на мой доклад, – она досталась нам высокой ценой. Слишком высокой. Но все равно это победа. Командирам кораблей в течение часа доложить о потерях и повреждениях и обеспечить эвакуацию раненых в планетарные госпитали.

Я ждал приказа адмирала. Я не видел смысла в своем длительном нахождении на Титане. Да, формально я назначен командиром этого огромного

корабля, но это не отменяло того факта, что я был здесь человеком случайным, не имеющим к флоту никакого отношения. Правда, кроме меня управлять гигантским линкором никто все равно не мог, так что адмиралу предстояло принять сложное решение, что делать дальше со мной и моим трофеем. Через два часа Нельсон решение принял.

– Лейтенант Лавров, – вызвал он меня по закрытому каналу, – вы докладываете, что ходовые системы корабля в норме. Вы сможете провести серию прыжков для выхода к Земле?

– Так точно, господин адмирал. Технически я могу это сделать, но моих знаний в гиперпространственной навигации совершенно недостаточно. Мне будет необходим на борту соответствующий специалист.

– Я пришлю вам временную команду, лейтенант. Офицеры-навигаторы в ней тоже будут. Да и прибрать у вас на борту явно не мешает. Трупы врагов в отсеках не способствуют повышению их обитаемости. В качестве сопровождения с вами пойдут три эсминец и авианосцы Веллингтон и Виндхук, все равно толку с них без истребителей и торпедоносцев нет никакого. Командующим переходом назначен адмирал Фултон. Он пойдет на Виндхуке.

В Солнечной системе нас встретили эминцы флота метрополии и сопровождали на марсианские верфи. Мой Титан, естественно не лез ни в один док, но его и не пытались куда-то пристроить. К моему удивлению, вышедший со мной на связь генерал армии Баррингтон стал задавать мне странные вопросы.

– Господин Лавров, – перешел он к делу после того, как поздравил меня с победой, – как вы планируете распорядиться вашим грандиозным трофеем?

– Господин генерал армии, – я позволил себе добавить в голос нотки удивления, – а как я могу им

распорядиться, кроме как передать трофейщикам флота?

– Э... Господин Лавров, так вы еще не беседовали с вашими юристами? Нет, я понимаю, вы только что из боя и похода, но... ладно. Я поясню вам ситуацию сам. Дело в том, что вы оказались на борту авианосца Веллингтон не по приказу командования, а, так сказать, по собственной инициативе, причем не по инициативе лейтенанта Лаврова, кто бы стал удовлетворять такую просьбу простого лейтенанта-десантника? Так вот, вы и ваши люди попали на корабль пятого ударного флота в рамках соглашения о проведении испытаний новой техники, и действовали не как солдаты и офицеры армии Федерации, а как глава Оружейной компании Лавровых и привлеченные им специалисты. Вся ваша техника тоже принадлежала не армии или флоту, а вашей частной компании. Вы вообще не должны были принимать участия в боевых действиях, так как по соглашению испытания проводились не как боевые, а как предварительные. Но атака кваргов на систему звезды Барнарда спутала все планы. В итоге вы, опять же, исключительно по собственной инициативе, присоединились к атаке авианосных сил, целью которой стал вражеский флагман, который вы в результате и захватили, после чего добровольно присоединились к силам пятого ударного флота, встав под командование адмирала Нельсона.

Я слушал генерала Баррингтона и тратил все больше сил на удержание челюсти в неподвижном состоянии, ибо она стремительно тяжелела и ежесекундно грозила грохнуться на пол. Но я держался. Генерал, между тем, продолжил:

– В результате вырисовывается следующая картина: глава и сотрудники Оружейной компании Лавровых в бою у Барнарда-3, используя собственную технику и вооружение, захватили новейший вражеский корабль и

с его помощью лично уничтожили четыре линкора и авианосец противника. Кроме того, совместно с кораблями пятого ударного вы приняли участие в уничтожении еще десяти вражеских линкоров и значительного числа вымпелов классом ниже. Своими действиями вы обеспечили победу флота Федерации в масштабном сражении и предотвратили захват противником густонаселенной планеты. Кстати, могу вас поздравить, господин Лавров, вам еще доведут эту информацию официально, но вы и ваши люди уже неделю как являетесь почетными гражданами планеты Лантана. Это собственное имя Барнарда-3.

– Служу Земной Федерации... – деревянным голосом ответил я, продолжая борьбу с челюстью.

– Теперь о том, что из всего этого следует. Господин Лавров, захваченный вами вражеский корабль, по всем юридическим канонам, является собственностью Оружейной компании Лавровых, главой которой вы являетесь. Мало того, все расходы, понесенные вашей компанией при участии в сражении за Барнард-3, министерство обороны обязано вам компенсировать, и я вас уверяю, сделает это с превеликим удовольствием, ведь если бы не ваше участие в бою, наши потери в технике, людях и ресурсах исчислялись бы такими цифрами, по сравнению с которыми эта компенсация смотрится расходами на школьные завтраки первоклассника.

– Но...

– Подождите, господин Лавров, я еще не все вам рассказал. За уничтожение пяти вражеских кораблей первого ранга и активное участие в уничтожении еще целого списка вымпелов противника вашей компании полагается премия, размер которой еще подсчитывается, но, будьте уверены, она в разы превысит вышеупомянутую компенсацию ваших расходов.

Я лихорадочно соображал. Деньги мне, конечно, очень нужны, но ведь воевал я совсем не за них. С другой стороны, отказываться глупо, ведь все равно я потрачу эти средства на разработку нового оружия для армии и флота. По настроению Баррингтона я прекрасно видел, что он тоже это отлично понимает и только рад возможности дать мне эти средства, рассчитывая получить в обмен на них еще более совершенное оружие.

– Я повторю свой вопрос, господин Лавров. Что вы планируете делать с линкором Титан?

– Это будет зависеть от потребностей флота, господин генерал армии, – немного поразмышляв над вопросом, ответил я, – если ему нужен такой корабль, Оружейная компания Лавровых готова заняться ремонтом и переоборудованием Титана по заказу министерства обороны, после чего передать его флоту.

– Передать? – усмехнулся генерал, – вы опять забываете о статусе вашего трофея. Не передать, а продать! Кстати, полученные вашим линкором боевые повреждения тоже являются частью понесенных вами расходов, ведь когда вы повели его в бой, он уже являлся собственностью вашей компании. Соответственно, процентов восемьдесят ремонтных работ будут финансироваться министерством обороны. И, да. Флот весьма заинтересован в приобретении вашего трофея. Он будет всесторонне изучен и не только введен в строй под флагом Федерации, но и послужит прототипом для постройки наших собственных кораблей подобного класса.

Президент принял меня в своей загородной резиденции. Красивый просторный парк с вписанными в ландшафт строениями президентского дворца произвел на меня приятное впечатление. По случаю замечательной солнечной погоды наша встреча

состоялась в открытом павильоне. Даже не верилось, что когда-то это место было покрыто льдом толщиной в несколько километров.

– Господин Лавров, – улыбнулся мне главнокомандующий вооруженными силами Земной Федерации, – рад новой встрече с Вами.

– Взаимно, господин президент, – ответил я, пожимая руку главы государства и принимая стиль его обращения ко мне без упоминания воинского звания.

– Ваша последняя операция произвела на всех нас глубокое впечатление, – негромко произнес Тобольский, – давайте присядем к столу. Сейчас нам принесут чай с моим любимым имбирным печеньем. Нам есть о чем поговорить, господин Лавров.

Я молча последовал за единственным маршалом в армии Земной Федерации. Печенье действительно оказалось вкусным, да и чай из высокогорных трав оказался неожиданно приятен.

– Чабрец, рододендрон и цветки боярышника, – пояснил президент, довольный моим выражением лица после первого глотка, – еще немного душицы и чаги. Вкусно, полезно и неплохо тонизирует.

Я с удовольствием пил чай и слушал главу государства, не торопившегося переходить к серьезному разговору. Президент мало спал и сильно уставал в последнее время. Это было заметно, и я поддерживал легкую беседу, не мешая Тобольскому немного расслабиться перед серьезным разговором.

– Господин Лавров, – наконец перешел к делу президент, – за последний год вы сделали для Земной Федерации больше, чем кто-либо еще. Вы офицер, который не боится риска и находит выход из кажущихся безнадежными ситуаций. И вы же владелец частной компании, но и я, и все мое окружение отчетливо видим, что прибыль для вас вторична и важна лишь в

той мере, в какой она способствует достижению ваших целей. К чему вы стремитесь, господин Лавров?

- Некоторое время назад, - чуть улыбнувшись, ответил я, - мне уже задавали похожий вопрос. Это было на Ганимеде, когда я поступал в училище планетарного десанта. Тогда я ответил полковнику, возглавлявшему комиссию, что хочу увидеть своими глазами нашу победу и возглавить десант на материнскую планету кваргов. С тех пор кое-что изменилось. Я стал старше и мои аппетиты выросли. Я хочу не просто победить в этой войне, господин президент. Я хочу сделать так, чтобы Земная Федерация оказалась способна не только разгромить кваргов, но и победить в будущих более страшных конфликтах.

Такого заявления Тобольский точно не ожидал. Он удивленно посмотрел на меня и спросил:

- Вы считаете, что нас ждет что-то еще более страшное, чем вторжение кваргов?

- Я в этом уверен, господин президент. Не могу назвать точные сроки, но ведь после победы наша экспансия не остановится, а значит, мы будем двигаться все глубже в неосвоенный космос. Мы уже встретили одних чужих. До зубов вооруженных чужих, заметьте. А сами мы были тогда очень слабы. Мы оказались не готовы к встрече с таким врагом, а враг почему-то оказался готов. Как вы думаете, почему? Ведь наша встреча была для кваргов такой же неожиданностью, как и для нас.

- Вы говорите о нашей победе, как о свершившемся факте...

- Мы сделаем ее фактом, господин президент, иначе нет смысла обсуждать что-то еще.

- Ваша уверенность зарательна, господин Лавров... Так вы считаете, что до встречи с нами кварги сталкивались в войне с кем-то еще?

– Я в этом практически уверен, господин президент. И еще я всерьез опасаясь, что кварги вторглись к нам не просто потому, что мы встали на пути их экспансии. Кто-то вытесняет их с ранее освоенных территорий или они живут под постоянной угрозой нападения более сильного противника. У меня нет твердых доказательств этой гипотезы, но мы не можем не учитывать такую возможность и должны быть готовы к любому повороту событий.

Президент надолго задумался. На его лице сейчас отражалась вся накопившаяся усталость и напряжение последних месяцев.

– Вы ведь не видели мирной жизни, господин Лавров, – вдруг сменил тему президент, – вы родились и выросли в условиях войны. Вы не знаете, что жизнь может быть устроена совершенно иначе. А я это помню. Я ненавижу войну, господин Лавров. Ненавижу, понимаете. А вы сейчас сказали мне, что победа над кваргами это еще не конец, а, возможно, только начало новой большой войны...

Наверное, я понимал Тобольского. Он даже не знал, насколько был прав, говоря, что я не видел мира без сражений и смертей. Еще в своей первой жизни я опоздал родиться, чтобы застать мирное время. Когда я появился на свет, война шла уже десятки лет. Я вырос в детском доме, потом стал кадетом, курсантом, офицером, и, наконец, бригадным генералом..., и опять курсантом и офицером. Я не знал, как люди живут без войны, а Тобольский знал и, похоже, сильно тосковал по этому времени. Значит, ему было о чем жалеть. Мне тоже остро захотелось увидеть мир без войны. Наверное, впервые в жизни мне захотелось этого так сильно.

– Господин президент, возможность жить в мире стоит тех жертв и потерь, которые мы сейчас несем. Я действительно не видел мирной жизни, но я помню

древнее правило. Хочешь мира – готовься к войне. И я собираюсь хорошо подготовиться.

Тобольский некоторое время молча смотрел на раскинувшиеся вокруг зеленые холмы, потом посмотрел мне в глаза.

– Что вам нужно, господин Лавров, чтобы приблизить нашу победу?

Я ожидал чего угодно, но не такого абстрактного вопроса. Но я хорошо помнил, что в беседах с президентом нельзя упускать представляющиеся шансы. Ну что ж, господин верховный главнокомандующий, я вас за язык не тянул...

– Пост министра военной промышленности и неограниченное бюджетное финансирование.

Президент вздрогнул и каким-то новым взглядом посмотрел на меня.

– Вам ведь нет еще даже восемнадцати лет, господин Лавров. Вы уверены, что потянете такой пост и такую ответственность?

– Я думаю, что не будь вы в этом убеждены с самого начала, вы не стали бы задавать мне предыдущий вопрос, господин президент.

– Вы очень серьезный и целеустремленный человек, господин Лавров, и я вижу, что за вашей уверенностью стоят конкретные дела. Оружейная компания Лавровых отлично показала себя при исполнении государственных заказов, но министр военной промышленности – фигура, скорее, политическая, а вы еще не набрали нужный вес в этой сфере. Впрочем, я думаю, вы сами все понимаете. Министром я вас не назначу, но у меня есть для вас другая должность, которая подойдет для ваших целей ничуть не хуже, а, на мой взгляд, так даже и лучше. Генерал армии Баррингтон вновь, как и в начале войны, назначен мной на должность начальника службы тыла вооруженных сил Федерации, и его нынешняя должность стала

вакантной. Это будет первый случай в истории, когда такую должность займет офицер в звании капитана, – усмехнулся Тобольский, – Не изображайте удивление, господин Лавров. За оборонительную операцию в системе звезды Барнарда вы представлены адмиралом Нельсоном к ордену Ушакова и к внеочередному воинскому званию. Правда, адмирал действовал в пределах своих полномочий и представил вас к званию старшего лейтенанта, но маршал Тобольский имеет несколько более широкие возможности. Так что поздравляю вас, господин Лавров с присвоением звания капитана и с новой должностью. Мой указ о назначении вас главой комиссии министерства обороны по новой технике и вооружениям будет готов в течение суток.

– Служу Земной Федерации, – ответил я, вставая.

Президент тоже поднялся, давая понять, что встреча окончена.

– Господин президент, разрешите обратиться к вам с небольшой просьбой?

– Слушаю, – в голосе верховного главнокомандующего зазвучали нотки заинтересованности.

– Я боевой офицер, господин президент, и хотел бы им остаться. Прошу вашего разрешения при необходимости лично проводить испытания и боевые операции с участием принимаемой на вооружение новой военной техники.

– Почему я не удивлен? – вновь усмехнулся Тобольский.

Оформление обложки полностью выполнено автором Gagrid с <http://illustrators.ru/users/gagrid?page=1> по заказу автора книги.